

Эбен Александер

Доказательство Рая

Пролог

Человек должен видеть вещи, как они есть, а не так, как он хочет их видеть.
Альберт Эйнштейн (1879 – 1955)

Маленьким я часто летал во сне. Обычно это происходило так. Мне снилось, будто я стою ночью в нашем дворе и смотрю на звезды, а потом вдруг отделяюсь от земли и медленно поднимаюсь вверх. Первые несколько дюймов подъема в воздух происходили самопроизвольно, без какого-либо участия с моей стороны. Но вскоре я заметил, что чем выше поднимаюсь, тем больше полет зависит от меня, точнее, от моего состояния. Если я бурно ликовал и возбуждался, то внезапно падал вниз, сильно ударяясь о землю. Но если я воспринимал полет спокойно, как нечто естественное, то стремительно уносился все выше и выше в звездное небо.

Возможно, отчасти из-за этих полетов во сне впоследствии у меня развилась страстная любовь к самолетам и ракетам – и вообще к любым летательным аппаратам, что могли снова подарить мне ощущение необъятного воздушного простора. Когда мне доводилось летать с родителями, то, каким бы дальним ни был перелет, меня невозможно было оторвать от иллюминатора. В сентябре 1968 года, в возрасте четырнадцати лет, я отдал все свои деньги, заработанные стрижкой лужаек, на занятия по управлению планером, которые вел один парень по имени Гус Стрит на Строберри-Хилл, небольшом «летном поле», заросшем травой, недалеко от

моего родного городка Уинстон-Салем, Северная Каролина. До сих пор помню, как взволнованно колотилось мое сердце, когда я потянул на себя темно-красную круглую ручку, которая отцепила трос, соединяющий меня с самолетом-буксировщиком, и мой планер выкатился на взлетное поле. Впервые в жизни я испытал незабываемое чувство полной самостоятельности и свободы. Большинство моих друзей именно за это и любили бешеную езду на автомобиле, но, на мой взгляд, ничто не могло сравниться с восторгом от полета на высоте в тысячу футов.

В 1970-х годах, во время обучения в колледже университета Северной Каролины, я стал заниматься парашютным спортом. Наша команда казалась мне чем-то вроде тайного братства – ведь мы обладали особенными знаниями, не доступными всем остальным. Первые прыжки дались мне с большим трудом, меня одолевал настоящий страх. Но к двенадцатому прыжку, когда я шагнул за дверцу самолета, чтобы пролететь в свободном падении больше тысячи футов, прежде чем раскрою парашют (это был мой первый затяжной прыжок), я уже чувствовал себя уверенно. В колледже я совершил 365 прыжков с парашютом и налетал больше трех с половиной часов в свободном падении, выполняя в воздухе акробатические фигуры с двадцатью пятью товарищами. И хотя в 1976 году я перестал заниматься прыжками, мне продолжали сниться радостные и очень живые сны про скайдайвинг.

Больше всего мне нравилось прыгать ближе к вечеру, когда солнце начинало клониться к горизонту. Трудно описать мои чувства во время таких прыжков: мне казалось, что я все ближе и ближе подходил к тому, что невозможно определить, но чего я неистово жаждал. Это таинственное «нечто» не было восторженным ощущением полного одиночества, потому что обычно мы прыгали группами по пять, шесть, десять или двенадцать человек, составляя в свободном падении различные фигуры. И чем сложнее и труднее была фигура, тем больший восторг меня охватывал.

В 1975 году прекрасным осенним днем мы с ребятами из университета Северной Каролины и несколькими друзьями из Центра парашютной подготовки собрались потренироваться в групповых прыжках с построением фигур. Во время предпоследнего прыжка с легкого самолета D-18 «Бичкрафт» на высоте 10 500 футов мы делали снежинку из десяти человек. Нам удалось собраться в эту фигуру еще до отметки в 7000 футов, то есть мы целых восемнадцать секунд наслаждались полетом в этой фигуре, падая в разрыв между громадами высоких облаков, после чего на высоте 3500 футов разжали руки, отклонились друг от друга и раскрыли парашюты.

К моменту нашего приземления солнце стояло уже очень низко, над самой

землей. Но мы быстро забрались в другой самолет и снова взлетели, так что нам удалось захватить последние лучи солнца и совершить еще один прыжок до его полного заката. На этот раз в прыжке участвовали двое новичков, которым впервые предстояла попытка присоединиться к фигуре, то есть подлететь к ней снаружи. Конечно, проще всего быть основным, базовым парашютистом, потому что ему нужно просто лететь вниз, тогда как остальным членам команды приходится маневрировать в воздухе, чтобы добраться до него и сцепиться с ним руками. Тем не менее оба новичка радовались трудному испытанию, как и мы, уже опытные парашютисты: ведь обучив молодых ребят, впоследствии мы вместе с ними могли совершать прыжки с еще более сложными фигурами.

Из группы в шесть человек, которой предстояло изобразить звезду над взлетно-посадочной полосой маленького аэродрома, расположенного вблизи городка Роанок-Рапидс, Северная Каролина, я должен был прыгать последним. Передо мной шел парень по имени Чак. Он обладал большим опытом в воздушной групповой акробатике. На высоте 7500 футов нас еще освещало солнце, но внизу уже поблескивали уличные фонари. Я всегда любил прыжки в сумерках, и этот обещал быть просто замечательным.

Мне предстояло покинуть самолет примерно через секунду после Чака, и чтобы догнать остальных, падение мое должно было проходить очень стремительно. Я решил нырнуть в воздух, как в море, вниз головой и в этом положении пролететь первые секунд семь. Это позволило бы мне падать почти на сто миль в час быстрее, чем мои товарищи, и оказаться на одном уровне с ними сразу после того, как они начнут сооружать звезду.

Обычно во время таких прыжков, спустившись до высоты 3500 футов, все парашютисты расцепляют руки и расходятся как можно дальше друг от друга. Затем каждый взмахивает руками, подавая сигнал, что готов раскрыть свой парашют, смотрит вверх, чтобы убедиться, что над ним никого нет, и только потом дергает за вытяжной трос.

– Три, два, один... Марш!

Один за другим самолет покинули четыре парашютиста, за ними и мы с Чаком. Летя вниз головой и набирая скорость в свободном падении, я ликовал, что уже второй раз за день вижу заход солнца. Приближаясь к команде, я уже собирался резко затормозить в воздухе, выбросив руки в стороны – у нас были костюмы с крыльями из ткани от запястий до бедер, которые создавали мощное сопротивление, полностью раскрываясь на большой скорости.

Но мне не пришлось этого сделать.

Отвесно падая в направлении фигуры, я заметил, что один из ребят

приближается к ней слишком быстро. Не знаю, может быть, его напугал стремительный спуск в узкий разрыв между облаками, напомнив, что он со скоростью двести футов в секунду мчится навстречу гигантской планете, плохо различимой в сгущающейся темноте. Так или иначе, но вместо того, чтобы медленно присоединиться к группе, он вихрем налетел на нее. И пять оставшихся парашютистов беспорядочно закувыркались в воздухе. К тому же они были слишком близко друг к другу.

Этот парень оставил за собой мощный турбулентный след. Этот воздушный поток очень опасен. Стоит другому парашютисту попасть в него, как скорость его падения стремительно возрастет, и он врежется в того, кто находится под ним. Это в свою очередь придаст сильное ускорение обоим парашютистам и швырнет их на того, кто еще ниже. Короче, произойдет страшная трагедия.

Изогнувшись, я отклонился от беспорядочно падающей группы и маневрировал до тех пор, пока не оказался прямо над «точкой», магическим пунктом на земле, над которым мы должны были раскрыть парашюты и начать медленный двухминутный спуск.

Я повернул голову и с облегчением увидел, что остальные прыгуны уже отдаляются друг от друга. Среди них был и Чак. Но, к моему удивлению, он двигался в моем направлении и скоро завис прямо подо мной. Видимо, во время беспорядочного падения группа прошла высоту 2000 футов быстрее, чем ожидал Чак. А может, он считал себя везунчиком, который может и не соблюдать установленных правил.

«Он не должен меня увидеть!» Не успела эта мысль промелькнуть у меня в голове, как за спиной Чака рванул вверх цветной вытяжной парашют. Парашют поймал обтекающий Чака ветер, дувший со скоростью сто двадцать миль в час, и понес его на меня, одновременно вытягивая основной парашют.

С момента, когда над Чаком раскрылся вытяжной парашют, у меня оставались какие-то доли секунды, чтобы среагировать. Меньше чем через секунду я должен был врезаться в его основной парашют и, скорее всего, в него самого. Если на такой скорости я налечу на его руку или ногу, то просто оторву ее и при этом сам получу роковой удар. Если же мы столкнемся телами, то неизбежно разобьемся.

Говорят, в подобных ситуациях кажется, что все происходит намного медленнее, и это верно. Мой мозг фиксировал происходящее, которое заняло всего несколько микросекунд, но воспринимал его наподобие фильма с замедленной съемкой.

Как только над Чаком взметнулся вытяжной парашют, мои руки сами собой прижались к бокам, и я перевернулся вниз головой, слегка изогнувшись.

Изгиб тела позволил немного прибавить скорости. В следующее мгновение я сделал резкий рывок в сторону по горизонтали, отчего мое тело превратилось в мощное крыло, что позволило пулей пронестись мимо Чака как раз перед его раскрывшимся основным парашютом.

Я промчался мимо него на скорости больше ста пятидесяти миль в час, или двести двадцать футов в секунду. Вряд ли он успел заметить выражение моего лица. Иначе он увидел бы на нем невероятное изумление. Каким-то чудом мне удалось за считанные доли секунды среагировать на ситуацию, которая, будь у меня время на обдумывание, показалась бы просто неразрешимой!

И все же... И все же я с ней справился, и в результате мы с Чаком благополучно приземлились. У меня создалось впечатление, что, столкнувшись с экстремальной ситуацией, мой мозг сработал как какой-то сверхмощный вычислитель.

Как это случилось? За время более чем двадцатилетней работы нейрохирургом – когда я изучал мозг, наблюдал за его работой и производил на нем операции – я часто задавался этим вопросом. И в итоге пришел к выводу, что мозг является настолько феноменальным органом, что мы даже не догадываемся о его невероятных способностях.

Сейчас-то я уже понимаю, что настоящий ответ на этот вопрос гораздо более сложный и принципиально иной. Но чтобы осознать это, мне пришлось пережить события, полностью изменившие мою жизнь и мировоззрение. Данная книга и посвящена этим событиям. Они доказали мне, что, каким бы замечательным органом ни был мозг человека, не он спас меня в тот роковой день. То, что вмешалось в действие в ту секунду, когда уже начал раскрываться основной парашют Чака, было другой, глубоко скрытой стороной моей личности. Это она сумела так мгновенно сработать, потому что, в отличие от моего мозга и тела, существует вне времени.

Это она заставляла меня, мальчишку, так рваться в небо. Это не только самая развитая и мудрая сторона нашей личности, но и самая глубинная, сокровенная. Однако большую часть моей взрослой жизни я в это не верил.

Однако теперь верю, и из дальнейшего рассказа вы поймете почему.

//-- * * * --//

Моя профессия – нейрохирург.

В 1976 году я окончил университет Северной Каролины в Чэпел-Хилл по специальности химика и в 1980-м получил степень доктора в Медицинской школе Дьюкского университета. Одиннадцать лет, включая обучение в Медицинской школе, затем ординатуру в Дьюке, а также работу в Массачусетской общей больнице и в Медицинской школе Гарварда, я

специализировался в нейроэндокринологии, изучал взаимодействие между нервной системой и эндокринной, состоящей из желез, вырабатывающих различные гормоны и регулирующих деятельность организма. Два года из этих одиннадцати лет я исследовал патологическую реакцию кровеносных сосудов определенных участков мозга при разрыве аневризмы – синдрома, известного как церебральный вазоспазм.

Окончив аспирантуру по специальности цереброваскулярной нейрохирургии в городе Ньюкасл-на-Тайне в Великобритании, я пятнадцать лет занимался преподавательской деятельностью в Гарвардской медицинской школе в должности адъюнкт-профессора по неврологии. За эти годы я прооперировал огромное количество пациентов, многие из которых поступали с крайне тяжелыми и опасными для жизни заболеваниями мозга.

Большое внимание я уделял изучению передовых методов лечения, в частности стереотаксической радиохирургии, которая позволяет хирургу локализованно воздействовать на определенную точку мозга радиационными лучами, не затрагивая окружающих тканей. Я принимал участие в развитии и использовании магнитно-резонансной томографии, которая представляет собой один из современных методов исследования опухолей мозга и различных нарушений его сосудистой системы. В течение этих лет я написал, один или в соавторстве с другими учеными, более ста пятидесяти статей для серьезных медицинских журналов и более двухсот раз выступал с докладами о своей работе на научно-медицинских конференциях по всему миру.

Одним словом, я целиком посвятил себя науке. Я считаю большой жизненной удачей то, что мне удалось найти свое призвание – познавая механизм функционирования организма человека, в особенности его мозга, врачевать людей с использованием достижений современной медицины. Но что не менее важно, я женился на замечательной женщине, подарившей мне двух прекрасных сыновей, и, хотя работа отнимала у меня достаточно много времени, я никогда не забывал о семье, которую всегда считал еще одним благословенным даром судьбы. Одним словом, моя жизнь складывалась очень удачно и счастливо.

Однако 10 ноября 2008 года, когда мне было пятьдесят четыре, удача, казалось, изменила мне. В результате очень редкого заболевания я на целых семь дней погрузился в кому. Все это время мой неокортекс – новая кора, то есть верхний слой полушарий мозга, который, в сущности, и делает нас людьми, – был отключен, не действовал, практически не существовал.

Когда у человека отключается мозг, он тоже перестает существовать. При моей специальности мне приходилось слышать множество рассказов людей, переживших необычный опыт, как правило после остановки сердца: якобы

они оказывались в каком-то таинственном и прекрасном месте, разговаривали с умершими родственниками и даже лицезрели самого Господа Бога.

Все эти рассказы, конечно, были очень интересными, но, на мой взгляд, представляли собой фантазии, чистый вымысел. Что вызывает эти «потусторонние» переживания, о которых говорят люди, пережившие клиническую смерть? Я ничего не утверждал, но в глубине души был уверен, что они связаны с какими-то нарушениями в работе мозга. Все наши переживания и представления берут начало в сознании. Если же мозг парализован, отключен, вы не можете находиться в сознании.

Потому что мозг – это механизм, который прежде всего продуцирует сознание. Разрушение этого механизма означает смерть сознания. При всем невероятно сложном и таинственном функционировании мозга это просто как дважды два. Выдерните шнур из розетки, и телевизор перестанет работать. И шоу заканчивается, как бы оно вам ни нравилось. Приблизительно так я сказал бы до того, как отключился мой собственный мозг.

Во время комы мой мозг не то чтобы работал неправильно – он вообще не работал. Сейчас я думаю, что именно полностью не функционирующий мозг и повлек за собой глубину и интенсивность опыта клинической смерти (ОКС), который я перенес во время комы. Большинство рассказов об ОКС получены от людей, переживших временную остановку сердца. В этих случаях неокортекс тоже на время отключается, но не подвергается необратимым повреждениям – в том случае, если не позже чем через четыре минуты поступление насыщенной кислородом крови в мозг восстанавливается при помощи сердечно-легочной реанимации или благодаря самопроизвольному восстановлению сердечной деятельности. Но в моем случае неокортекс не подавал признаков жизни! Я столкнулся с реальностью мира сознания, который существовал абсолютно независимо от моего бездействующего мозга.

Личный опыт клинической смерти стал для меня настоящим взрывом, потрясением. Как нейрохирург, имеющий за плечами большой стаж научной и практической работы, я лучше других мог не только верно оценить реальность испытанного мной, но и сделать соответствующие выводы.

Эти выводы невероятно важны. Мой опыт показал мне, что смерть организма и мозга не означает смерть сознания, что человеческая жизнь продолжается и после погребения его материального тела. Но самое важное – она продолжается под пристальным взглядом Бога, Который любит всех нас и заботится о каждом из нас и о том мире, куда в конечном счете идет сама

вселенная и все, что в ней есть.

Мир, где я оказался, был реальным – настолько реальным, что по сравнению с этим миром жизнь, которую мы ведем здесь и сейчас, является полностью призрачной. Однако это не означает, что я не дорожу своей теперешней жизнью. Напротив, я ценю ее еще больше, чем прежде. Потому что теперь я понимаю ее истинное значение.

Жизнь не является чем-то бессмысленным. Но отсюда мы не в состоянии это понять, во всяком случае, далеко не всегда. История происшедшего со мной за время пребывания в коме исполнена глубочайшего смысла. Но рассказать о ней довольно трудно, так как она слишком чужда нашим привычным представлениям. Я не могу кричать о ней на весь мир. Вместе с тем мои выводы основаны на медицинском анализе и знании самых передовых концепций науки о мозге и сознании. Осознав истину, лежащую в основе моего путешествия, я понял, что просто обязан поведать о ней. Сделать это самым достойным образом стало для меня главной задачей.

Это не значит, что я оставил научную и практическую деятельность нейрохирурга. Просто теперь, когда мне выпала честь понять, что наша жизнь не заканчивается со смертью тела и мозга, я считаю своим долгом, своим призванием рассказать людям о том, что видел за пределами своего тела и этого мира. Особенно важным мне представляется сделать это для тех, кто слышал рассказы о подобных моему случаях и хотел бы им верить, но что-то мешает этим людям целиком принять их на веру.

Моя книга и заключенное в ней духовное послание обращено в первую очередь именно им. Мой рассказ невероятно важен и при этом полностью правдив.

Глава 1

Боль

Линчберг, Вирджиния,
10 ноября 2008 года

Я проснулся и открыл глаза. В темноте спальни всмотрелся в красные цифры электронных часов – 4:30 утра – это на час раньше, чем я обычно встаю, учитывая, что мне предстоит час десять добираться на машине из нашего дома в Линчберге до места моей работы – Специализированного фонда ультразвуковой хирургии в Шарлоттсвиле. Жена Холли продолжала крепко спать.

Около двадцати лет я работал нейрохирургом в большом городе Бостоне,

но в 2006 году со всем семейством перебрался в гористую часть штата Вирджиния. Мы с Холли познакомились в октябре 1977-го, через два года после того, как одновременно окончили колледж. Она готовилась получить степень магистра изобразительных искусств, я учился в медицинской школе. Пару раз она встречалась с моим бывшим соседом по комнате Виком. Однажды он привел ее познакомить нас, наверное, хотел похвастаться. Когда они уходили, я пригласил Холли заходить в любое время, добавив, что не обязательно вместе с Виком.

В наше первое настоящее свидание мы поехали на вечеринку в Шарлотт, Северная Каролина, по два с половиной часа езды туда и обратно. У Холли был ларингит, так что во время пути говорил в основном я. Мы поженились в июне 1980 года в епископальной церкви Святого Томаса в Виндзоре, Северная Каролина, и вскоре после этого переехали в Дарем, где сняли квартиру в доме «Ройал Оукс» [1 - Ройал Оукс – королевские дубы (англ.)], так как я стажировался в хирургии в университете Дьюка.

Наш дом был далеко не королевским, да и дубов я что-то не замечал. Денег у нас было очень мало, но мы были так заняты – и так счастливы, – что это нас не заботило. В один из первых наших отпусков, который выпал на весну, мы погрузили в машину палатку и отправились в поездку вдоль атлантического побережья Северной Каролины. Весной в тех местах видимо-невидимо всякой кусачей мошкары, и палатка была не слишком надежным убежищем от ее грозных полчищ. Но все равно нам было весело и интересно. Однажды, плавая у острова Окракок, я придумал способ ловить голубых крабов, которые поспешно удирали, пугаясь моих ног. Мы привезли большой пакет крабов в мотель «Пони Айленд», где остановились наши друзья, и зажарили их на гриле. Угощения хватило на всех. Несмотря на строгую экономию, вскоре мы обнаружили, что деньги подходят к концу. В это время мы гостили у наших близких друзей Билла и Пэтти Уилсон, и они пригласили нас на игру в бинго. На протяжении десяти лет каждое лето по четвергам Билл ездил в клуб, но никогда не выигрывал. А Холли играла впервые. Назовите это везением новичка или вмешательством провидения, но она выиграла двести долларов, что для нас было равносильно двум тысячам. Эти деньги позволили нам продолжить путешествие.

В 1980-м я получил степень доктора медицинских наук, а Холли – свою степень и стала работать художницей и преподавать. В 1981 году я провел в Дьюке свою первую самостоятельную операцию на мозге. Наш первенец Эбен IV родился в 1987 году в родильном доме Принцессы Марии в Ньюкасле-на-Тайне в Северной Англии, где я занимался в аспирантуре проблемами мозгового кровообращения. А младший сын Бонд – в 1988-м в

Женской больнице Бригэма в Бостоне.

Я с любовью вспоминаю те пятнадцать лет, что я работал в Гарвардской медицинской школе и в Женской больнице Бригэма. Наша семья вообще ценит то время, когда мы жили в районе Большого Бостона. Но в 2005-м мы с Холли решили, что настало время вернуться на юг. Мы хотели жить ближе к своим родителям, а я видел в переезде также возможность приобрести большую самостоятельность, чем имел в Гарварде. И вот весной 2006-го мы начали новую жизнь в Линчберге, расположенном в гористой части Вирджинии. Это была спокойная и размеренная жизнь, к которой и я, и Холли привыкли с детства.

//-- * * * --//

Я некоторое время тихо лежал, пытаюсь понять, что меня разбудило. Накануне, в воскресенье, стояла типичная для вирджинской осени погода – солнечная, ясная и прохладная. Мы с Холли и десятилетним Бондом ходили к соседям на барбекю. Вечером разговаривали по телефону с Эбенем (ему было уже двадцать), который учился на первом курсе Делаварского университета. Единственная маленькая неприятность этого дня заключалась в том, что все мы еще не избавились от легкой респираторной инфекции, которую где-то подцепили на прошлой неделе. К вечеру у меня заболела спина, и я немного прогрелся в теплой ванне, после чего боль, казалось, утихла. Я думал, не мог ли я так рано проснуться от того, что во мне еще бродит эта несчастная инфекция.

Я слегка пошевелился, и спину пронзила боль – гораздо более резкая, чем накануне вечером. Определенно, это давал себя знать вирус. Чем больше я приходил в себя ото сна, тем сильнее становилась боль. Снова заснуть я не мог, а до ухода на работу оставался еще целый час, поэтому я решил опять принять теплую ванну. Я сел, спустил ноги на пол и встал.

И сразу боль нанесла мне еще один удар – я почувствовал в основании позвоночника тупую болезненную пульсацию. Решив не будить Холли, я медленно побрел по коридору в ванную, не сомневаясь, что от тепла мне сразу станет лучше. Но я ошибся. Ванна наполнилась только наполовину, а я уже понял, что допустил ошибку. Боль стала настолько острой, что я подумал, не придется ли мне звать Холли, чтобы она помогла мне вылезти из ванны.

До чего же нелепо! Я вытянул руку и ухватился за полотенце, которое висело на вешалке прямо надо мной. Сдвинув его поближе к стене, чтобы не сорвать вешалку, я начал осторожно подтягиваться.

И снова меня пронзила такая сильная боль, что я задохнулся. Это, конечно,

был не грипп. Но тогда что? Кое-как выбравшись из скользкой ванны, я накинул махровый халат, еле-еле дотащился до спальни и упал на кровать. Все тело мое было мокрым от холодного пота.

Холли пошевелилась и повернулась ко мне:

– В чем дело? Который час?

– Не знаю. У меня очень болит спина.

Холли стала массировать мне спину. Мне стало немного легче. Как правило, медики не любят болеть, и я – не исключение. Какое-то время я был уверен, что боль – и ее неведомая причина – наконец исчезнут совсем. Но к половине седьмого, когда мне нужно было ехать на работу, я едва не вылетел от боли и практически не мог двигаться.

Через час к нам вошел Бонд, страшно удивленный тем, что я еще дома.

– Что случилось?

– Папа плохо себя чувствует, милый, – сказала Холли.

Я лежал в постели, опираясь на подложенные подушки. Бонд подошел и начал бережно массировать мне виски.

От его прикосновений мою голову будто током пронзило. Я вскрикнул. Удивленный моей реакцией, Бонд отшатнулся.

– Все в порядке, – успокоила его встревоженная Холли. – Это не из-за тебя, просто у папы ужасно болит голова. – Затем я услышал, как она говорит скорее себе, чем мне: – Пожалуй, нужно вызвать скорую.

Еще больше, чем болеть, врачи не любят быть в роли пациента. Я сразу представил себе дом, полный врачей неотложной помощи, стандартные вопросы, отправку в больницу, оформление документов... Я думал, что вскоре мне станет лучше и я пожалею, что мы вызвали скорую помощь.

– Не надо, ничего страшного, – сказал я. – Сейчас мне больно, но скоро должно стать легче. А ты лучше помоги Бонду собраться в школу.

– Эбен, я все-таки думаю...

– Все будет в порядке, – прервал я ее, пряча лицо в подушку. От боли я все еще не мог шевельнуться. – Seriously, не надо звонить. Я не настолько болен. Всего лишь мышечный спазм в нижней части спины и головная боль.

Холли неохотно оставила меня, спустилась с Бондом вниз, накормила его завтраком, после чего отправила к остановке, где мальчиков забирал школьный автобус. Когда Бонд выходил из дому, я вдруг подумал, что если у меня что-то серьезное и я все-таки окажусь в больнице, то сегодня не увижу его. Я собрал все свои силы и крикнул:

– Бонд, удачи тебе в школе!

Когда жена поднялась в спальню узнать, как я себя чувствую, я лежал без сознания. Подумав, что я заснул, она оставила меня отдыхать, спустилась

вниз и позвонила кому-то из моих коллег, рассчитывая выяснить у него, что могло со мной случиться.

Через два часа Холли решила, что я уже достаточно отдохнул, и снова поднялась ко мне. Открыв дверь спальни, она увидела, что я лежу в прежнем положении, но, подойдя ближе, заметила, что мое тело не расслаблено, как обычно во сне, а напряженно вытянуто. Она включила свет и увидела, что меня сотрясает сильная судорога, нижняя челюсть неестественно выдвинута, а раскрытые глаза закатились так, что видны только белки.

– Эбен, скажи хоть что-нибудь! – закричала она.

Я не отвечал, и она позвонила по телефону 911. Скорая была на месте уже через десять минут. Меня быстро перенесли в машину и повезли в центральную больницу Линчберга.

Если бы я был в сознании, то объяснил бы Холли, что именно перенес за те ужасные минуты, пока она ждала скорую помощь. Это был эпилептический припадок, без сомнения вызванный каким-то невероятно мощным воздействием на мозг. Но, понятно, я не мог этого сделать.

В течение следующих семи дней жена и другие мои родственники видели только мое неподвижное тело. Что происходило вокруг меня, я вынужден восстанавливать по рассказам других. Во время комы моя душа, мой дух – назовите, как хотите, ту часть моей личности, которая делает меня человеком, – была мертва.

Глава 2

Больница

Приемное отделение неотложной помощи больницы Линчберга было вторым по значению во всей Вирджинии, и обычно в будни к 9:30 в нем уже кипела бурная деятельность. Тот понедельник не был исключением. Мое основное место работы находилось в Шарлоттсвиле, но в этой больнице я провел не одну операцию, поэтому хорошо знал ее персонал.

Звонок из машины скорой помощи о том, что в реанимацию везут белого мужчину пятидесяти четырех лет в состоянии эпилептического приступа, получила реаниматолог Лаура Поттер, с которой я тесно сотрудничал около двух лет. Направляясь в приемное отделение, она просмотрела список возможных причин подобного состояния. Это был тот самый список, который я также принял бы во внимание на ее месте: алкогольное похмелье, передозировка наркотиков, гипонатриемия (содержание ионов натрия в крови ниже необходимого уровня), паралич, опухоль мозга или метастазы от

нее, кровоизлияние в мозг, абсцесс мозга... и менингит.

Когда меня ввели на каталке в главный бокс отделения, я продолжал содрогаться в сильных конвульсиях, стонал и беспорядочно молотил по воздуху руками и ногами.

По тому, как я метался и извивался, доктор Поттер сразу поняла, что мой мозг находится в серьезной опасности. Одна медсестра привезла каталку, другая взяла у меня кровь на анализ, а третья заменила опустевший пакет для внутривенного вливания, установленный мне еще дома перед погрузкой в машину. Они возились со мной, а я бился, как пойманная на крючок огромная рыба, что-то нечленораздельно бормотал и издавал животные крики. Лауру тревожило, что у меня наблюдалось нарушение двигательных функций. Это могло означать, что мой мозг не просто поражен, но, возможно, в нем уже происходят необратимые изменения.

Вид пациента в таком состоянии требует привыкания, но Лаура уже достаточно навидалась подобного в реанимации. Однако она никогда не принимала в таком состоянии своего коллегу – врача. Вглядевшись внимательнее в дергающегося и мычащего человека на каталке, она тихо произнесла:

– Эбен, – затем повторила, обращаясь к другим докторам и медсестрам: – Это доктор Эбен Александер.

Все собрались вокруг меня. К ним присоединилась и Холли. Лаура стала расспрашивать ее о том, что могло послужить причиной столь сильного припадка. Не страдаю ли я похмельем? Не принимал ли я в последнее время какие-либо галлюциногенные препараты? Получив на свои вопросы отрицательные ответы, Лаура продолжила попытки остановить мой припадок.

Не так давно старший сын уговорил меня пройти с ним суровую физическую подготовку к нашему будущему совместному восхождению на вершину Котопакси в 19 300 футов, находящуюся в Эквадоре, которую сам он покорил в феврале прошлого года. В результате я стал намного сильнее и крепче, так что сотрудникам больницы стоило огромного труда удерживать меня на месте. Спустя пять минут после введения в вену пятнадцати кубиков диазепама я все еще пребывал в исступлении и отталкивал от себя медсестер. Но доктор Поттер с облегчением отметила, что теперь я боролся обеими руками. Холли сказала ей о сильной головной боли перед припадком, что подсказало Лауре взять у меня пункцию спинномозговой жидкости.

Спинномозговая жидкость представляет собой прозрачную водянистую субстанцию, которая циркулирует в спинном и головном мозге, предохраняя их от механических воздействий. Обычный здоровый организм вырабатывает

ее около пинты в день, и любое помутнение жидкости показывает наличие воспалительного процесса или кровоизлияния.

Воспаление оболочек головного и спинного мозга, которые находятся в прямом контакте со спинномозговой жидкостью, называется менингитом. В четырех из пяти случаев проникший в мозг вирус приводит к вирусному менингиту, от которого погибают лишь около одного процента заболевших. Однако в одном случае из пяти причиной менингита являются бактерии. Хотя по сравнению с вирусом бактерия является более примитивным микроорганизмом, она может оказаться более опасным врагом. В отсутствие лечения заболевание бактериальным менингитом обычно приводит к фатальному исходу. Но даже если лечение было предпринято незамедлительно с применением необходимых антибиотиков, количество смертельных исходов колеблется от 15 до 40 процентов от числа заболевших.

Одной из наименее вероятных причин бактериального менингита у взрослых является очень древняя и стойкая бактерия *Escherichia coli*, сокращенно *E. coli*. Точно неизвестно, как давно существует эта бактерия, однако ее возраст оценивается примерно от трех до четырех миллиардов лет. Ее клетка не имеет ядра, и воспроизводится она посредством примитивного, но невероятно эффективного процесса, известного под названием бесполого бинарного деления, проще говоря, деления на две клетки. Представьте себе клетку, в основном состоящую из ДНК, получающую питательные вещества (обычно от других клеток, на которые она нападает и которые пожирает) прямо через стенки. Затем представьте, что одновременно она копирует несколько цепочек ДНК и делится на две дочерние клетки приблизительно каждые двадцать минут. Через час вы получите восемь таких клеток, через двенадцать часов – 69 миллиардов, к пятнадцатому часу – уже 35 триллионов. Этот взрывной рост клеток замедляется лишь тогда, когда они перестают получать питательные вещества.

К тому же *E. coli* крайне неразборчива в контактах. Она способна обмениваться генами с другими бактериями благодаря бактериальной конъюгации, в результате чего в случае необходимости быстро приобретает новые особенности (в частности, устойчивость к новому антибиотику). Эти примитивные способности позволяют *E. coli* существовать на Земле с самого начала появления одноклеточных организмов. В организме каждого человека присутствует бактерия *E. coli* – преимущественно в желудочно-кишечном тракте. При нормальных условиях она не представляет угрозы. Но если разновидности бактерии, получившие цепочки ДНК, которые делают их особенно агрессивными, проникают в спинномозговую жидкость, примитивные клетки немедленно начинают поглощать содержащуюся в

жидкости глюкозу и другие питательные вещества, включая и сам мозг.

В тот драматический момент никто из врачей не имел оснований предполагать у меня бактериальный менингит, так как он крайне редко встречается у взрослых. Обычно это заболевание поражает новорожденных, но уже среди детей старше трех месяцев оно считается необычным. Каждый год лишь один взрослый человек из десяти миллионов становится жертвой бактерии *E. coli*.

При бактериальном менингите бактерия прежде всего атакует наружный слой полушарий головного мозга, то есть кортекс. Слово «кортекс» происходит от латинского слова, означающего «кора» или «корка». Если вы посмотрите на апельсин, его корка довольно хорошо показывает, как кортекс покрывает более древние участки мозга. Кортекс контролирует память, речь, эмоции, зрение, слух и мышление. Так что когда бактерия *E. coli* атакует мозг, то прежде всего нарушает деятельность тех участков мозга, которые осуществляют самые важные функции, определяющие наши человеческие свойства. Многие жертвы бактериального менингита умирают уже через несколько дней с момента заболевания. Из тех, кто, подобно мне, оказывается в реанимации со стремительным нарушением неврологических функций, только 10 процентов имеют шанс выжить. Однако такое выживание не очень радует, так как остаток жизни они проводят в вегетативном состоянии.

Не подозревая именно бактериальный менингит, доктор Поттер все же предположила наличие у меня какой-то инфекции в мозге, поэтому и решила сделать спинномозговую пункцию. Не успела она сказать медсестре, чтобы та принесла поднос с инструментами и подготовила меня к процедуре, как мое тело выгнулось вверх, словно через каталку пропустили электрический ток. С новым приливом сил я издал долгий болезненный стон и взмахнул руками. Лицо мое сильно покраснело, вены на шее вздулись. Лаура позвала на помощь, и вскоре сначала двое, затем четверо и, наконец, шестеро помощников удерживали меня, чтобы сделать пункцию. Они зажали мои руки и ноги, пока Лаура вводила мне еще одну порцию седативного препарата. Только благодаря ему им удалось заставить меня лежать спокойно.

Когда бактерии атакуют организм, он сразу начинает защищаться, призывая из селезенки и костного мозга целые полчища белых кровяных клеток и направляя их на борьбу с пришельцами. Они становятся первыми жертвами в ожесточенной войне клеток, начинающейся сразу, как только в организм проникает биологически чуждый агент. Доктор Поттер понимала, что малейшее помутнение во взятой у меня спинномозговой жидкости будет

вызвано высокой концентрацией лейкоцитов.

Лаура внимательно всматривалась в прозрачный вертикальный столбик, в котором должна была появиться спинномозговая жидкость. Первой неожиданностью для нее стало то, что жидкость поступала не каплями, а стремительным потоком, что означало чрезмерно высокое давление.

Второй неожиданностью оказался ее вид. Малейшее помутнение показало бы, что у меня серьезные проблемы. Но выплеснулась не просто мутная, а густая масса зеленоватого цвета.

Моя спинномозговая жидкость была полна гноя.

Глава 3

Из ниоткуда

Лаура вызвала доктора Роберта Бреннана, специалиста по инфекционным заболеваниям. Ожидая окончательных результатов анализа, они обсуждали все возможные диагнозы и способы лечения.

Тем временем я продолжал стонать и извиваться под ремнями, удерживающими меня на каталке. Врач-лаборант принесла результаты анализа, оказавшиеся совершенно неожиданными. Окраска по Граму (химический анализ, названный в честь датского врача, который изобрел метод, позволяющий определить проникшие в организм грамположительные или грамотрицательные бактерии) продемонстрировала наличие грамотрицательных бактерий, что было в высшей степени необычно.

Компьютерная томография показала сильное набухание и воспаление мозговых оболочек. Мне в трахею ввели дыхательную трубку, чтобы аппарат искусственного дыхания взял на себя работу легких – ровно двенадцать вдохов в минуту, – а вокруг каталки расположили целую батарею мониторов, которые регистрировали малейшие изменения в моем организме, в том числе в почти уже разрушенном мозге.

Из ежегодного малого количества взрослых, внезапно заболевших бактериальным менингитом (то есть не в результате операции на мозге или открытой черепной травмы), больше случаев связано с определенными причинами, в частности дефицитом иммунной системы (так называемым СПИДом). Но у меня не было факторов, которые сделали бы меня восприимчивым к этой болезни. Другие бактерии могли вызвать менингит, проникнув в мозг из носовых пазух или среднего уха, но не *E. coli*. Для этого спинномозговое пространство слишком хорошо защищено от остального организма. Если только позвоночник или череп не имеют проколов

(например, во время установления нейрохирургом инфицированного стимулятора мозга или шунта), то бактерии типа *E. coli*, которые обычно находятся в пищеварительном тракте, просто не имеют доступа в эти области. Я сам устанавливал стимуляторы и шунты сотням пациентов и, если бы мог участвовать в консилиуме недоумевающих докторов, согласился бы с ними, что у меня возникла болезнь, которой просто не могло быть!

Не в силах полностью согласиться с доказательствами, представленными результатами анализов, оба врача стали консультироваться по телефону со специалистами по инфекционным заболеваниям в крупнейших медицинских центрах. Все они единодушно подтвердили, что результаты указывают лишь на единственно возможный диагноз.

Но внезапное заболевание бактериальным менингитом, возникшее, так сказать, на пустом месте, было не единственным странным медицинским фокусом, который я продемонстрировал в первый день пребывания в больнице. Прежде чем меня увезли из отделения неотложной помощи, где я провел два часа, оглашая воздух бессмысленными воплями и стонами, я вдруг замолчал. И затем неожиданно для всех выкрикнул три слова. Они прозвучали совершенно отчетливо, их слышали присутствующие врачи, медсестры и Холли, которая находилась в нескольких шагах от меня, за шторой.

«Боже, помоги мне!»

Все бросились к каталке, но я ни на что не реагировал.

Я ничего не помню о том, что происходило в эти часы, в том числе и этих слов. После них я умолк на целых семь дней.

Глава 4

Эбен IV

За время пребывания в отделении неотложной помощи мое состояние продолжало ухудшаться. Уровень глюкозы в спинномозговой жидкости здорового человека составляет примерно 80 миллиграммов на децилитр, то есть на одну десятую часть литра. У больного, которому угрожает опасность скончаться от бактериального менингита, этот уровень может падать до 20 мг/дл.

У меня же он не упал, а буквально рухнул до 1 мг/дл. По шкале комы Глазго мой показатель был восемь из пятнадцати, что подтверждало тяжелейшее заболевание мозга, и в последующие несколько дней этот показатель продолжал снижаться. Шкала оценки острых и хронических

функциональных изменений из семидесяти одного возможного показывала всего восемнадцать, что означало, что шансов остаться в живых у меня только около 30 процентов. А точнее, при диагнозе острого грамотрицательного бактериального менингита и при стремительно ухудшающемся состоянии – всего 10 процентов на момент доставки в больницу. Если антибиотики не смогут победить болезнь, за следующие несколько дней риск смерти неминуемо возрастал до 100 процентов.

Доктора ввели мне внутривенно три мощных антибиотика и перевели в мой новый дом – большую отдельную палату номер десять в отделении интенсивной терапии, этажом выше.

Как нейрохирург, я часто бывал в этом отделении, куда помещались самые тяжелые, почти безнадежные пациенты, поэтому там одновременно работали несколько медицинских специалистов. Подобные команды, согласованно и профессионально борющиеся за жизнь пациента, когда все против него, достойны самого большого уважения. В этом отделении мне доводилось переживать невероятную гордость и... жесточайшее разочарование, в зависимости от того, удавалось ли спасти пациента, или он ускользал из наших рук.

В присутствии Холли доктор Бреннан и остальные члены бригады старались выглядеть оптимистичными, но в глубине души понимали всю тяжесть моего состояния и опасались самого худшего исхода, и довольно скоро. Если даже я не умру, бактерия, атаковавшая мой мозг, вероятно, уже поглотила достаточное количество коры и нарушила его высшие функции. Чем дольше я буду находиться в коме, тем вероятнее, что остаток жизни я проведу в вегетативном состоянии.

К счастью, мне стремились помочь не только медики, но и другие люди. Следом за Холли в больницу приехал Майкл Салливан, наш сосед и настоятель епископальной церкви. Когда жена выбежала из дому, чтобы последовать за машиной скорой помощи, по сотовому телефону ей позвонила давняя подруга Сильвия Уайт. У Сильвии был непостижимый дар оказываться рядом именно в тот момент, когда случалось что-то важное. Холли была уверена, что она обладает экстрасенсорными способностями. (Я же всегда осторожно высказывался в пользу более разумного объяснения – что у нее очень доброе и чуткое сердце.) Холли рассказала ей о нашей беде, и они договорились, что оповестят моих ближайших родственников: младшую сестру Бетси, которая жила неподалеку, сестру Филлис, которая в сорок пять лет была самой молодой из нас и жила в Бостоне, и старшую сестру Джеан.

В то утро Джеан ехала в машине через Вирджинию, небо над которой было затянуто низкими косматыми облаками. Так совпало, что она отправилась из

своего дома в Делаваре в Уинстон-Салем, чтобы помочь нашей матери. Ей позвонил муж Дэвид.

– Ты уже проехала Ричмонд? – спросил он.

– Нет, я еще севернее его, на трассе I-95.

– Тогда поезжай по дороге 60-Вест, а потом по 24-й до Линчберга. Только что звонила Холли. Эбен попал в реанимацию. Сегодня утром у него был припадок, и он без сознания.

– О боже! Уже известно, что с ним?

– Врачи не уверены, но предполагают менингит.

Джеан успела вовремя свернуть и по узкому проселку направилась к 24-й трассе, что ведет к Линчбергу.

В три часа того же дня Филлис позвонила Эбену в его квартиру в Делаварском университете. Эбен сидел на крыльце и писал заданный на дом научный реферат (мой отец был нейрохирургом, и Эбена тоже заинтересовала эта специальность). Филлис коротко обрисовала ему ситуацию и посоветовала не очень расстраиваться, так как доктора держат все под контролем.

– Они понимают, чем это вызвано? – спросил Эбен.

– Ну, они упомянули о грамотрицательной бактерии и менингите.

– У меня на носу два экзамена, так что я предупрежу преподавателей эсэмэсками, – сказал Эбен.

Потом он признался мне, что сначала не очень поверил, что мое состояние настолько серьезно, как сказала Филлис, поскольку они с Холли вечно делали из мухи слона, к тому же я никогда не болел. Но когда через час ему позвонил Майкл Салливан, он понял, что нужно срочно ехать к нам.

Эбен мчался в сторону Вирджинии под холодным ливнем. Филлис отправилась из Бостона в шесть вечера, и, когда Эбен пересек мост над рекой Потомак и въехал в Вирджинию, она остановилась в Ричмонде, взяла машину напрокат и тоже выехала на трассу 60.

Еще не добравшись до Линчберга, Эбен связался с Холли.

– Как там Бонд?

– Уже спит.

– Тогда я прямо в больницу.

– Ты не хочешь сначала заехать домой? – спросила Холли.

– Нет, хочу увидеть папу.

Эбен подъехал к больнице в четверть двенадцатого – подъездная дорожка уже покрылась тонким льдом, и когда он вошел в ярко освещенную приемную, то увидел только ночную дежурную сестру. Она проводила его к моей палате.

К этому времени все, кто приезжал проведать меня, уже уехали. Единственными звуками в большой палате с приглушенным светом были тихие попискивания и шипение аппаратуры, поддерживающей жизнедеятельность моего организма.

Увидев меня из дверей, Эбен замер. За двадцать лет я не страдал ничем серьезнее легкой простуды. Сейчас же он видел перед собой только тело. На высокой кровати лежало мое физическое тело, но папы, которого он знал, не было.

А точнее сказать, он пребывал где-то в другом месте.

Глава 5

Погусторонний мир

Темнота, но зримая темнота – будто ты погрузился в грязь, но видишь сквозь нее. Да, пожалуй, эту темноту лучше сравнить с густой желеобразной грязью. Прозрачной, но мутной, расплывчатой, вызывающей удушье и клаустрофобию.

Сознание, но без памяти и без ощущения самого себя – как сон, когда понимаешь, что происходит вокруг тебя, но не знаешь, кто ты.

И еще звук: низкий ритмичный стук, отдаленный, но достаточно сильный, когда чувствуешь каждый удар. Сердцебиение? Да, похоже, но звук более глухой, более механический – напоминает стук металла о металл, будто где-то далеко какой-то исполин, подземный кузнец бьет молотом по наковальне: удары такие мощные, что вызывают вибрацию земли, грязи или какого-то непонятного вещества, в котором я пребывал.

У меня не было тела – во всяком случае, я его не ощущал. Я просто... находился там, в этой пульсирующей и пронизываемой ритмичными ударами темноте. В то время я мог бы ее назвать предначальной тьмой. Но тогда я не знал этих слов. Собственно, я вообще не знал слов. Слова, употребленные здесь, появились намного позднее, когда, вернувшись в этот мир, я записывал свои воспоминания. Язык, эмоции, способность рассуждать – все это было утрачено, будто меня отбросило далеко назад, к начальной точке зарождения жизни, когда уже появилась примитивная бактерия, неведомым образом захватившая мой мозг и парализовавшая его работу.

Сколько я находился в этом мире? Не имею представления. Практически невозможно описать ощущение, которое испытываешь, попав в место, где отсутствует чувство времени. Когда потом я туда попадал, то понимал, что я

(каким бы ни было это «я») всегда был и буду там.

Я не возражал против этого. Да и почему бы я стал возражать, если это существование было единственным, какое я знал? Не помня ничего лучшего, я не очень интересовался, где именно пребывал. Припоминаю, я раздумывал, выживу я или нет, но безразличие к исходу только усиливало ощущение собственной неуязвимости. Я не ведал о принципах мира, в котором находился, но не спешил узнать их. Какая разница?

Не могу сказать, когда точно это началось, но в какой-то момент я стал сознавать вокруг себя какие-то предметы. Они походили одновременно на корни растений и на кровеносные сосуды в невероятно громадной грязной утробе. Светясь мутным красным светом, они тянулись откуда-то далеко сверху куда-то далеко вниз. Теперь я могу сравнить это с тем, как если бы крот или дождевой червь, находясь глубоко под землей, каким-то образом мог видеть вокруг себя переплетенные корни трав и деревьев.

Вот почему, вспоминая это место позднее, я решил назвать его Среда обитания, какой ее видит Червяк (или, коротко, Страна Червяка). Довольно долго я предполагал, что образ этого места мог быть навеян каким-то воспоминанием о состоянии моего мозга, только что подвергшегося атаке опасной и агрессивной бактерии.

Но чем больше я думал над этим объяснением (напоминаю, что это было гораздо позднее), тем меньше видел в нем смысл. Потому что – как же трудно все это описать, если вы сами не бывали в этом месте! – когда я там находился, мое сознание не было затуманено или искажено. Оно было просто... ограничено. Там я не был человеком. Но не был и животным. Я был существом более ранним и примитивным, чем животное или человек. Я был просто одинокой искрой сознания в безвременном красно-коричневом пространстве.

Чем дольше я там оставался, тем мне становилось неудобнее. Сначала я так глубоко погрузился в эту зримую тьму, что не ощущал разницы между мной и этой одновременно и мерзкой и знакомой материей, окружающей меня. Но постепенно ощущение глубокого, безвременного и беспредельного погружения уступило место новому чувству: что на самом деле я вовсе не являюсь частью этого подземного мира, а просто каким-то образом попал в него.

Из этой мерзости всплывали, как пузыри, морды страшных животных, издавали вой и визг, потом пропадали. Я слышал прерывистое глухое рычание. Иногда это рычание переходило в смутные ритмичные напевы, одновременно пугающие и странно знакомые – будто в какой-то момент я сам знал и напевал их.

Поскольку я не помнил своего предыдущего существования, мое пребывание в этой стране казалось бесконечным. Сколько времени я там провел? Месяцы? Годы? Вечность? Так или иначе, наконец, наступил момент, когда мою прежнюю равнодушную беззаботность целиком смел леденящий ужас. Чем отчетливее я чувствовал себя собой – как нечто обособленное от окружающих меня холода, сырости и мрака, – тем отвратительнее и страшнее казались мне звериные морды, всплывающие из этого мрака. Приглушенный расстоянием равномерный стук становился все резче и громче, напоминая трудовой ритм некоей армии подземных троллей-рабочих, выполняющих бесконечную, невыносимо монотонную работу. Движение вокруг меня стало более заметным и осязаемым, как если бы змеи или другие червеобразные создания плотной группой пробирались мимо, иногда касаясь меня гладкой кожей или подобием ежовых колючек.

Затем я почувствовал зловоние, в котором смешались запахи испражнений, крови и рвоты. Иными словами, запах биологического происхождения, но мертвого, а не живого существа. По мере того как мое сознание все более обострялось, мной все больше овладевал страх, панический ужас. Я не знал, кто или что я, но это место было мне мерзко и чуждо. Необходимо было выбраться оттуда.

Но куда?

Не успел я задаться этим вопросом, как сверху из мрака появилось нечто новое: оно не было ни холодным, ни мертвым, ни темным, а являло собой полную противоположность всех этих качеств. Даже если бы я потратил на это весь остаток моих дней, я не смог бы воздать должное той сущности, что сейчас приближалась ко мне, и хотя бы отчасти описать, какой она была прекрасной.

Но я продолжаю свои попытки.

Глава 6

Якорь жизни

Филлис поставила машину на больничную парковку через два часа после Эбена, около часу ночи. Когда она поднялась ко мне, то увидела его, сидящего рядом с моей кроватью и сжимающего на коленях больничную подушку, чтобы не заснуть.

– Мама дома с Бондом, – сказал сын, и в его усталом и напряженном голосе прозвучала нотка радости от встречи с теткой.

Филлис посоветовала Эбену ехать домой, потому что если после такой

долгой поездки он просидит здесь всю ночь, то завтра утром никому не сможет помочь, в том числе и папе. Она предупредила по телефону Холли и Джеан, что Эбен скоро приедет, и пообещала подежурить около меня до утра.

– Поезжай домой, – сказала она, выключив телефон. – Ты нужен маме, тете и брату. Не волнуйся, утром, когда вернешься, мы с твоим папой будем тут, никуда не денемся.

Эбен посмотрел на меня: на вставленную в правую ноздрю прозрачную пластиковую трубку, спускающуюся в трахею, на уже потрескавшиеся губы, опущенные веки и ввалившиеся щеки.

Филлис поняла, о чем он думал.

– Иди домой, Эбен, и постарайся не тревожиться. Твой папа все еще с нами. Я не собираюсь его отпускать.

Она подошла к кровати, взяла мою руку и стала ее поглаживать.

Так Филлис и просидела до утра, не выпуская моей руки и поддерживая между нами связь, которую считала необходимой для того, чтобы помочь мне все преодолеть. В палате лишь тихо жужжала аппаратура, да через каждый час заходила дежурная медсестра измерить мне температуру.

Насмешливое замечание о слишком большом значении, которое жители южных штатов придают семейным отношениям, давно стало избитым клише, но такие уж мы есть. Когда в 1988 году я приехал в Гарвард, больше всего меня поразило в северянах то, что они будто стеснялись признаться в том, что нам, южанам, казалось само собой разумеющимся: твоя семья – это ты сам.

Для меня же отношения с семьей – с родителями и сестрами, а позднее с Холли, Эбеном и Бондом – всегда были источником жизненной энергии и надежности, а в последние годы и подавно. Я всегда полагался на поддержку семьи, которой мне часто не хватало – будь то на севере или на юге.

Мы с Холли и детьми изредка посещали нашу епископальную церковь. Но на самом деле я не очень отличался от тех, кто заглядывает в церковь только в Рождество или на Пасху. Я приучал сыновей молиться перед сном, но не был духовным лидером в доме. Мне не удавалось избавиться от сомнений в существовании Бога. Хотя я рос с желанием верить в Бога, в рай и загробную жизнь, долгие годы научной деятельности заставляли меня задаваться вопросом: как могут существовать эти феномены? Современная неврология учит нас, что мозг является источником сознания – разума, души, духа, назовите как хотите эту невидимую и неосязаемую субстанцию, которая действительно делает нас такими, какие мы есть, – и я практически не сомневался в этом постулате.

Подобно большинству медиков, которые непосредственно общаются с умирающими пациентами и их родственниками, за многие годы практики мне приходилось слышать – и даже видеть – кое-какие необъяснимые явления. Я относил эти явления к области неизвестного и забывал о них, считая, что для каждого случая имеется какое-либо разумное объяснение. Это не значит, что я был настроен против сверхъестественных представлений. Поскольку мне доводилось постоянно видеть невероятные физические и душевные страдания людей, я никогда бы не лишил больного утешения и надежды, которые давала вера. Больше того, я и сам с радостью обрел бы веру.

Однако с возрастом это становилось все менее вероятным. Подобно тому как океанские волны подмывают берег, мои научные взгляды незаметно, но у*censored* подрывали мою способность поверить в нечто большее. Казалось, наука постоянно доказывает, что наша роль во Вселенной практически нулевая. Приятно было бы обладать верой. Но наука бесстрашна, ее интересует не вера, а факты.

Меня трудно заинтересовать тем, что невозможно увидеть или потрогать. Именно стремление прикоснуться к тому, в чем я пытаюсь разобраться, вместе с желанием пойти по стопам отца, и привело меня в нейрохиргию. Несмотря на всю загадочность мозга, он конкретен и материален. Когда я учился в медицинской школе Дьюка, мне доставляло огромное удовольствие рассматривать под микроскопом изящные нейроны, между которыми вспыхивает синаптическая связь, становящаяся источником сознания. В хирургии мозга меня привлекало именно соединение абстрактного и физически материального. Чтобы добраться до мозга, нужно рассечь и раздвинуть кожу и ткани, покрывающие череп, а потом просверлить черепную кость при помощи высокоскоростной пневматической хирургической дрели «Мидас Рекс». Этот очень сложный инструмент стоит тысячи долларов. Однако, по сути, это обыкновенная дрель. Точно так же хирургическую операцию на мозге, при всей ее невероятной сложности, вполне можно сравнить с ремонтом хитроумного электрического прибора или механизма. Я слишком хорошо знаю, что мозг – это механизм, который производит сознание. Правда, пока еще ученые не могут объяснить, как это удается нейронам, но открытие тайны уже не за горами. Это каждый день доказывалось в операционной. Пациентка приходит к вам с жалобой на головные боли и ослабление умственной деятельности. Вы делаете магнитно-резонансную томограмму и обнаруживаете опухоль. Затем проводите пациентке общую анестезию, удаляете опухоль, и через несколько часов она снова приходит в сознание и возвращается в этот мир. Больше нет головных

болей и никаких проблем с сознанием. Внешне все очень просто.

Мне по душе была эта простота – абсолютная честность и ясность науки. Я ценил науку за то, что она не оставляет места для всяких фантазий и неподтвержденных домыслов. Если какой-либо факт устанавливается как осязаемый и достоверный, он принимается. Если нет – отвергается.

Такой подход практически не допускал размышлений о душе или о духе, ибо существование личности после того, как мозг, который его поддерживал, прекращал работать, также прекращалось. И делал еще более бессмысленными слова, которые я постоянно слышал в церкви: «Жизнь бесконечна».

Вот почему я полностью полагался на семью – на Холли и моих сыновей, на трех сестер и, конечно, на отца и мать. Без преувеличения могу сказать, что я никогда бы не смог заниматься своей профессией – ежедневно проводить операции на мозге и видеть довольно страшные вещи, – если бы не чувствовал их любовь, поддержку и понимание.

Именно поэтому Филлис, посоветовавшись по телефону с Бетси, решила в ту ночь дать мне обещание от имени всей семьи. Сидя у кровати и держа мою вялую, безжизненную руку, она заверила меня, что независимо от того, что со мной будет, кто-нибудь все время будет находиться рядом и держать меня за руку.

– Мы не дадим тебе уйти, Эбен, – сказала она. – Тебе необходим якорь, который удержит тебя здесь, с нами. И мы дадим тебе этот якорь.

Она и не догадывалась, какое огромное значение будет иметь этот якорь в предстоящие дни.

Глава 7

Струющаяся мелодия и врата

Во мраке возникло нечто.

Медленно вращаясь, оно испускало тончайшие лучи золотисто-белого света, и постепенно окружающая меня тьма стала раскалываться и распадаться.

Затем я услышал новый звук: живое звучание прекрасной музыки, насыщенной богатством тонов и оттенков. По мере того как на меня нисходил этот ясный белый свет, музыка становилась все громче и заглушала монотонный стук, который, казалось, целую вечность был единственным, что я здесь слышал.

Свет все приближался, словно вращаясь вокруг невидимого центра и

распространяя вокруг пучки и нити чистого белого сияния, которое, теперь я отчетливо видел, поблескивало золотом.

Затем в самом центре сияния появилось еще что-то. Я напряг сознание, изо всех сил стараясь понять, что это такое.

Отверстие! Теперь я смотрел не на медленно вращающееся сияние, а сквозь него. Едва осознав это, я начал стремительно подниматься вверх. Послышался свист, напоминающий свист ветра, и через мгновение я вылетел в это отверстие и оказался в совершенно ином мире. Никогда я не видел ничего более странного и вместе с тем более прекрасного.

Сияющий, трепетный, полный жизни, ошеломляющий, вызывающий самозабвенный восторг... Я мог бы до бесконечности громоздить определения, чтобы описать, как выглядел этот мир, но их просто не хватает в нашем языке. У меня было чувство, будто я только что родился. Не переродился и не возродился, а впервые появился на свет.

Подо мной расстилалась местность, покрытая густой роскошной растительностью, походившая на Землю. Это и была Земля... но вместе с тем не была. Ощущение можно сравнить с тем, как если бы родители привезли тебя в какое-то место, где ты прожил несколько лет в раннем детстве. Ты не знаешь это место. Во всяком случае, так тебе кажется. Но, оглядываясь вокруг, чувствуешь, как что-то притягивает тебя, и понимаешь, что в самой глубине твоей души хранится память об этом месте, ты его вспоминаешь и радуешься, что снова здесь оказался.

Я летел над лесами и полями, реками и водопадами, время от времени замечая внизу людей и весело играющих детей. Люди пели и кружились в танце, иногда я видел рядом с ними собак, которые тоже радостно бегали и прыгали. На людях были простые, но красивые одежды, и мне казалось, что цвета этой одежды были такими же теплыми и яркими, как трава и цветы, усеивающие всю местность.

Прекрасный, невероятный призрачный мир...

Но только этот мир не был призрачным. Хотя я не знал, где находился и даже кем был, я чувствовал абсолютную уверенность в одном: мир, в котором я вдруг очутился, совершенно реальный, настоящий.

К сожалению, слово «реальный» неадекватно тому, что я пытаюсь описать. Представьте себя ребенком, который пошел летом в кино. Допустим, фильм оказался хороший, и вы смотрели его с большим удовольствием. Но потом он закончился, вы вышли из кинотеатра и снова окунулись в живую и радостную атмосферу погожего летнего дня. Ощувив на коже ласковое тепло солнца и вдохнув свежий воздух, вы недоумеваете, зачем вам понадобилось провести целых два часа в душном и темном кинотеатре.

Усильте в тысячу раз это наслаждение великолепной погодой, и вы все равно нисколько не приблизитесь к тем ощущениям, какие испытывал я.

Не могу сказать, сколько именно времени я летел. (Время в этом месте отличается от простого линейного у нас на Земле, и безнадежно пытаться внятно его передать.) Но в какой-то момент я осознал, что нахожусь в вышине не один.

Рядом со мной была красивая девушка с высокими скулами и темно-синими глазами. Она была одета в такое же простое и свободное платье, какие носили люди внизу. Ее милое лицо обрамляли золотисто-каштановые волосы. Мы неслись в воздухе на какой-то плоскости, разрисованной затейливым узором, сияющим неопишимо яркими красками, – это было крыло бабочки. Вообще вокруг нас порхали миллионы бабочек – они образовывали широкие волны, обрушивающиеся на зеленые луга и снова взмывающие вверх. Бабочки держались вместе и казались живой и трепетной рекой цветов, струящейся в воздухе. Мы медленно парили в высоте, под нами проплывали цветущие луга и зеленые леса, и когда мы спускались к ним, на ветках раскрывались бутоны. Платье на девушке было простым, но его цвета – светло-голубой, индиго, светло-оранжевый и нежный персиковый – рождали такое же ликующее и радостное настроение, что и вся местность. Девушка смотрела на меня. У нее был взгляд, который, если видеть его всего несколько секунд, придает смысл всей вашей жизни вплоть до настоящего момента, независимо от того, что в ней происходило раньше. Этот взгляд не был просто романтическим или дружеским. Каким-то таинственным образом в нем проглядывало нечто неизмеримо превосходящее все виды любви, какие знакомы нам в нашем бренном мире. Он одновременно излучал все разновидности земной любви – материнскую, сестринскую, супружескую, дочернюю, дружескую – и вместе с тем любовь бесконечно более глубокую и целомудренную.

Девушка разговаривала со мной без слов. Ее мысли проникали в меня подобно воздушной струе, и я мгновенно понимал их искренность и правдивость. Я знал это точно так, как знал, что окружающий меня мир настоящий, а вовсе не воображаемый, неуловимый и преходящий.

Все «сказанное» можно было разделить на три части, и в переводе на наш, земной язык я выразил бы его смысл приблизительно в следующих предложениях:

«Тебя вечно любят и оберегают».

«Тебе нечего бояться».

«Нет ничего такого, что ты мог бы сделать неправильно».

От этого послания я испытал чувство невероятного облегчения. Словно мне

вручили список правил игры, в которую я играл всю жизнь, полностью не понимая их.

– Мы покажем тебе здесь много интересного, – сообщила девушка, не прибегая к помощи слов, а пересылая мне непосредственно их смысл. – Но потом ты вернешься назад.

На это у меня нашелся только один вопрос:

– Куда назад?

Вспомните, кто разговаривает с вами сейчас. Поверьте, я не страдаю слабоумием и излишней сентиментальностью. Я знаю, как выглядит смерть. Знаю, что такое смерть друга: совсем недавно вы обменивались веселыми шутками, а потом, после того, как ты несколько часов боролся за его жизнь, он умирает у тебя на глазах и становится безгласным и неподвижным. Я знаю, что такое взгляд полный боли и муки – не раз видел невыразимое горе на лицах тех, кто внезапно потерял любимого человека. Я знаю человеческую природу и, хотя не материалист, являюсь в своей области довольно приличным специалистом. Я способен отличить фантазию от действительности и знаю, что опыт, который теперь пытаюсь передать вам, правда, довольно смутно и сумбурно, был не только особым, но и самым реальным в моей жизни переживанием.

Глава 8

Израиль

На следующее утро уже в восемь часов Холли снова была у меня. Поговорив с Филлис, она сменила ее у изголовья кровати и взяла мою вялую руку. К одиннадцати подъехал Майкл Салливан, и все образовали вокруг меня кольцо, причем Бетси держала меня за другую руку, так что я был в центре. Майкл начал читать молитву. Они уже заканчивали молиться за меня, когда вошли врачи с последними результатами анализов. Несмотря на то что меня всю ночь накачивали антибиотиками, количество лейкоцитов продолжало расти. Следовательно, бактерия продолжала беспрепятственно пожирать мой мозг.

Врачи обсудили с женой все, что я делал за последние две недели. Они пытались отыскать хоть малейший намек на причины моего заболевания.

– Да! – вспомнила Холли. – Несколько месяцев назад он ездил в командировку в Израиль.

Доктор Бреннан насторожился.

Дело в том, что клетки бактерии *E. coli* способны обмениваться ДНК не

только с другими такими же бактериями, но и с прочими грамотрицательными бактериальными организмами. Это очень важно иметь в виду в наше время, когда люди разъезжают по всему миру, широко используются антибиотики и появляются новые типы заболеваний, вызванных быстро мутирующими бактериями. Если бактерия *E. coli* оказывается в биологической среде с другими примитивными организмами, лучше ее приспособившимися к этой среде, она может взять какую-либо ДНК от этих организмов и усвоить ее.

В 1996 году врачи открыли новый штамм бактерий, содержащих ДНК с геном, кодирующим Клебсиелла пневмонии карбапенемазу (КПК), то есть фермент, который обладает устойчивостью к антибиотикам. Эти бактерии были обнаружены в желудке пациента, скончавшегося в больнице Северной Каролины. Штамм привлек внимание врачей всего мира сразу, как только было установлено, что ген КПК может передавать бактерии, которая его усвоила, сопротивляемость не только к некоторым используемым в настоящее время антибиотикам, но и вообще ко всем типам антибиотиков.

Если токсичный, устойчивый к антибиотикам штамм бактерии (чьи нетоксичные собратья присущи организму человека) вырвется на свободу, то это может обернуться катастрофой для всего человечества. За десять лет фармацевтической наукой еще не изобретено нового антибиотика, который мог бы прийти на помощь.

Доктору Бреннану было известно, что всего несколько месяцев назад в израильскую клинику был доставлен пациент с тяжелой бактериальной инфекцией. В надежде справиться с бактерией Клебсиелла пневмонии ему были назначены сильные антибиотики. Но его состояние продолжало ухудшаться. Судя по анализам, антибиотики были бессильны. Дальнейшие анализы показали, что бактерия, населяющая его толстую кишку, усвоила ген КПК с помощью прямого заимствования плазмид устойчивой к антибиотикам бактерии Клебсиелла пневмонии. Другими словами, в организме больного образовалась своего рода лаборатория, где размножалась опасная бактерия, которая могла вызвать эпидемию, сравнимую с эпидемией чумы, погубившей в XIV столетии половину населения Европы.

Это произошло в Медицинском центре имени Сураски в Тель-Авиве и совпало по времени с моей командировкой, целью которой была координация научных инициатив по использованию фокусированного ультразвука в хирургии мозга.

Потом я поехал в Иерусалим. Прибыв туда в три часа утра и остановившись в отеле, я отправился погулять по Старому городу и в конце концов оказался на Виа Долороза (Путь Скорби Иисуса), а также навестил предполагаемое

место Тайной вечери. Прогулка произвела на меня невероятно сильное впечатление, и по возвращении в Штаты я часто рассказывал о ней Холли. Я, конечно, не знал ни о пациенте в Медицинском центре имени Сураски, ни о проникшей в его организм бактерии, которая усвоила ген КПК. Бактерии, которая, как выяснилось позже, была штаммом E. coli.

Мог ли я каким-то образом заразиться устойчивой к антибиотикам бактерией за время пребывания в Израиле? Вряд ли. Но это было единственно правдоподобным объяснением яростной сопротивляемости моей инфекции, и врачи пытались определить, действительно ли именно эта бактерия атаковала мой мозг. Если это так, то мое заболевание уже по одной этой причине могло войти в историю медицины.

Глава 9

Сияющее средоточие

Тем временем я пребывал в облаках. Огромных, пышных, розовато-белых облаках, которые ярко выделялись на фоне темно-синего неба.

Над облаками, в невероятной небесной выси, скользили существа в виде прозрачных мерцающих шаров, оставляя за собой следы наподобие длинного шлейфа.

Птицы? Ангелы? Эти слова приходят мне в голову сейчас, когда я записываю свои воспоминания. Однако ни одно слово из нашего земного языка не в силах передать правильное представление об этих существах, настолько они отличались от всего, что я знаю. Они были более совершенными, высшими существами.

С высоты доносились раскатистые и гулкие звуки, напоминающие хоральное пение, и я подумал, не эти ли крылатые существа издают их. Размышляя над этим феноменом позднее, я предположил, что радость этих созданий, парящих в небесной выси, была так велика, что они и должны были издавать эти звуки – если бы они не выражали таким образом свою радость, то просто не смогли бы ее вместить. Звуки были осязаемыми и почти материальными, как капли дождя, которые как бы вскользь касаются вашей кожи.

В этом месте, где я теперь оказался, слух и зрение не существовали по отдельности. Я слышал видимую красоту этих искрящихся серебром существ в вышине и видел волнующе прекрасное совершенство их радостных песен. Казалось, здесь было просто невозможно воспринимать что-либо слухом и зрением, не слившись с ним воедино каким-то таинственным образом.

И еще раз подчеркну, что сейчас, оглядываясь назад, я бы сказал, что в том мире было действительно невозможно смотреть на что-либо, потому что сам предлог «на» подразумевает взгляд со стороны, некую отдаленность от объекта наблюдения, чего там не было. Все было совершенно отчетливым и вместе с тем являлось частью чего-то еще, как какой-нибудь завиток в пестром переплетении рисунка персидского ковра или крохотный штрих в узоре крыла бабочки.

Веял теплый ветерок, что слегка колышет листву деревьев прекрасным летним днем и восхитительно освежает. Божественный бриз.

Я начал мысленно задавать вопросы этому ветерку – и божественному существу, которое, как я чувствовал, стояло за всем этим или было внутри этого.

«Где находится это место?»

«Кто я?»

«Почему я здесь оказался?»

Каждый раз, как я безмолвно задавал вопрос, на него немедленно поступал ответ в виде вспышек света, цвета, любви и красоты, которые волнами проходили сквозь меня. И вот что важно: эти вспышки не заглушали моих вопросов, поглощая их. Они отвечали на них, но без слов. Я воспринимал эти мысли-ответы непосредственно, всем своим существом. Но они были иными, чем мысли наши, земные. Эти мысли были осязаемыми – горячее огня и влажнее воды – и передавались мне в одно мгновение, а я так же быстро и без усилий воспринимал их. На Земле для понимания их у меня ушли бы годы.

Я продолжал двигаться вперед и очутился в беспредельной пустоте, абсолютно темной, но при этом удивительно уютной и умиротворяющей. При полной тьме она была полна света, излучаемого, казалось, сияющим шаром, чье присутствие я ощущал где-то рядом. Шар был живым и почти таким же осязаемым, каким было пение ангельских существ. Мое положение странно напоминало положение эмбриона в утробе матери. У зародыша в утробе есть молчаливый партнер – плацента, которая питает его и служит посредником в отношениях с вездесущей и все же невидимой матерью. В данном случае матерью был Бог, Создатель, Божественное Начало – назовите как хотите, Высшее Существо, создавшее Вселенную и все в ней сущее. Это Существо было так близко, что я едва ли не чувствовал себя слившимся с Ним. И вместе с тем я ощущал Его как нечто необъятное и всеобъемлющее, видел, насколько я ничтожен и мал по сравнению с Ним. В дальнейшем я буду часто использовать слово «Ом», а не местоимения «Он», «Она» или «Оно» для обозначения Бога, Аллаха, Иеговы, Брахмы, Вишну, Создателя и

Божественного Начала. Ом – так называл я Бога в моих первоначальных записях после комы; «Ом» – это слово, которое в моей памяти ассоциировалось с Богом. Всезнающий, всемогущий и безоговорочно любящий Ом не имеет пола, и ни один эпитет не в силах передать Его сущность.

Сама непостижимая необъятность, отличающая меня от Ома, как я понял, была причиной того, что мне в спутники был дан Шар. Не в силах полностью это осмыслить, я все же был уверен, что Шар служил «переводчиком», «посредником» между мной и этой необыкновенной сущностью, окружающей меня. Как если бы я родился в мире неизмеримо больше нашего, и сама Вселенная была гигантской космической утробой, а Шар (который каким-то образом оставался связанным с Девушкой на Крыле Бабочки и который на самом деле и был ею) вел меня в этом процессе.

Позднее, когда я снова возвратился в земной мир, я нашел у христианского поэта XVII века Генри Вогана строки, которые довольно точно описывали это место – беспредельное, аспидно-черное Средоточие, что и было Обиталищем самого Бога:

//-- * * * --//

Говорят, в Боге глубокая, но ослепительная темнота.

Именно так: эта непроницаемая темнота наполнена светом.

//-- * * * --//

Я продолжал спрашивать и получать ответы. Хотя ответы воспринимались мной не облеченными в слова, «голос» Существа был ласковым и – понимаю, это может показаться странным – отражающим Его Личность. Оно прекрасно понимало людей и обладало присущими им качествами, но в неизмеримо большем масштабе. Оно досконально знало меня и было преисполнено чувств, которые в моем представлении всегда ассоциировались только с людьми: в Нем были сердечность, сочувствие, понимание, грусть и даже ирония и юмор.

При помощи Шара Ом поведал мне, что существует не одна, а непостижимое множество вселенных, но в основе каждой из них лежит любовь. Во всех вселенных присутствует и зло, но лишь в незначительном количестве. Зло необходимо, так как без него невозможно проявление свободной воли человека, а без свободной воли не может быть развития – не может быть движения вперед, без которого мы не сможем стать такими, какими Бог хочет нас видеть.

Каким бы ужасающим и всемогущим ни казалось зло в мире, подобном нашему, в картине космического мира любовь обладает сокрушительной силой и, в конце концов, торжествует.

Я видел изобилие жизненных форм в этих неисчислимых вселенных, включая те, чей интеллект был гораздо более развит, чем интеллект человека. Я видел, что их масштабы неимоверно превосходят масштабы нашей Вселенной, но единственно возможный способ познать эти величины – это проникнуть в одну из них и почувствовать их на себе. Из более малого пространства их невозможно ни узнать, ни постигнуть. В этих высших мирах также существуют причины и следствия, но они находятся за пределами нашего земного понимания. Время и пространство нашего земного мира в высших мирах сопряжены друг с другом неразрывной и непостижимой для нас связью. Иными словами, эти миры не совсем чужды нам, поскольку являются частью той же самой всеобъемлющей божественной Сущности. Из высших миров можно попасть в любое время и место нашего мира.

Понадобится вся моя жизнь, если не больше, чтобы разобраться в том, что я узнал. Данные мне знания не были преподаны, как на уроке истории или математики. Восприятие их происходило непосредственно, их не нужно было заучивать и запоминать. Знания усваивались мгновенно и навсегда. Они не утрачиваются, как это бывает с обычной информацией, и я до сих пор полностью владею этими знаниями – в отличие от сведений, полученных в школе.

Но это не означает, что я с такой же легкостью могу применять эти знания. Ведь теперь, вернувшись в наш мир, я вынужден пропускать их через мой материальный мозг с его ограниченными возможностями. Но они остаются при мне, я чувствую их неотъемлемость. Для человека, который, подобно мне, всю свою жизнь у*censored* накапливал знания традиционным образом, открытие столь высокого уровня обучения дает пищу для размышлений на целые века...

Глава 10

Единственно важное

От Холли не укрылся интерес врачей к моей поездке в Израиль. Хорошо еще, что она не понимала его подоплеки. Она и так пребывала в страшной тревоге, опасаясь, что я могу умереть. Так что ей совершенно незачем было знать, что причиной моего заболевания могла быть, так сказать, чума XXI столетия.

Мальчиком я буквально обожал отца, который больше двадцати лет заведовал Баптистским медицинским центром в университете Уэйк-Форест, что в городе Уинстон-Салем. Я выбрал карьеру нейрохирурга, потому что

жаждал пойти по его стопам, хотя, конечно, понимал, что мне до него далеко.

Мой отец был глубоко религиозным человеком. Во время Второй мировой войны он служил хирургом в военно-воздушных войсках в джунглях Северной Гвинеи и на Филиппинах. Он собственными глазами видел жестокость и страдания людей, да ему и самому приходилось нелегко. Он рассказывал мне, как по ночам оперировал раненых в палатках, которые едва сдерживали потоки тропического дождя. Было так жарко и влажно, что хирурги раздевались до нижнего белья.

В октябре 1942 года, готовясь к отправке в район Тихого океана, папа женился на любимой девушке, дочери офицера. В конце войны он оказался в первой группе войск союзников, оккупировавших Японию после того, как Соединенные Штаты сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Как единственный американский нейрохирург в Токио, он был буквально нарасхват. Помимо операций на мозге он оперировал уши, нос и горло.

Учитывая столь широкую специализацию, начальство не отпускало его в Штаты до тех пор, пока «не стабилизируется ситуация». Только спустя несколько месяцев, когда японцы официально объявили о капитуляции на борту военного корабля «Миссури», стоявшего в Японском заливе, папа наконец-то получил долгожданное разрешение вернуться на родину. Однако он знал, что его непосредственный командир, увидев приказ, аннулирует его. Поэтому он дождался уик-энда, когда тот отправился в город отдохнуть и развлечься, и предъявил приказ о демобилизации его заместителю. В декабре 1945-го он поднялся на борт корабля, отправлявшегося в Соединенные Штаты, намного позже своих товарищей по полку.

Возвратившись в Штаты в начале 1946 года, он вместе со своим другом и однокашником по Гарвардской медицинской школе Дональдом Мэтсоном, который во время войны служил в Европе, продолжил обучение по своей специальности нейрохирурга. Они проходили стажировку в больнице имени Бригэма и детских больницах Бостона (главных больницах Гарвардской медицинской школы) под руководством доктора Фрэнка Д. Ингрехэма, который был последним из врачей, учившихся у доктора Харви Кушинга, считающегося отцом современной нейрохирургии. В 50 – 60-х годах XX века нейрохирурги, получившие огромную практику на фронтах Европы и Тихого океана, продолжали совершенствовать свое мастерство, как бы поднимая планку для следующего поколения нейрохирургов, то есть моих сверстников.

Мои родители росли во время Великой депрессии и были настоящими трудоголиками. Папа приходил домой к семи часам, в костюме и при галстукe, а иногда прямо в докторском халате, обедал в кругу семьи, после чего возвращался в больницу и часто брал с собой кого-нибудь из нас, детей.

Мы делали уроки в его кабинете, пока он обходил пациентов. Для папы жить означало работать, и он воспитывал нас в том же духе. По воскресеньям он заставлял меня с сестрами убирать во дворе. Если мы просились в кино, он говорил: «А кто тогда сделает эту работу?» И еще он был ужасно азартным. Каждую игру в сквош рассматривал как сражение не на жизнь, а на смерть и даже в возрасте восьмидесяти лет подыскивал себе новых противников, зачастую намного моложе его.

Отцом он был требовательным, но замечательным, с большим уважением относился к окружающим и всегда таскал в кармане своего докторского халата отвертку на случай, если во время обхода заметит где-нибудь ослабнувший винт. Все любили его: пациенты, коллеги-врачи, медсестры – словом, весь штат больницы. Что бы он ни делал – оперировал ли пациентов, занимался ли исследованиями, обучал ли молодых нейрохирургов (это была его особенная страсть) или редактировал журнал «Хирургическая неврология», чему он посвятил несколько лет, папа всегда ясно видел свою цель. После его кончины, последовавшей в 2004 году, доктор Дэвид Л. Келли-младший, многолетний партнер отца, писал: «Доктора Александра долго будут помнить благодаря его энтузиазму и высокому профессионализму, упорству и вниманию к мелочам, состраданию, честности и совершенству во всем, что он делал». Неудивительно, что я, как и многие из тех, кто знал его, относился к нему с огромной любовью и поклонением.

Очень рано, так что я даже не помню, когда это было, мама и папа сказали мне, что они усыновили меня (или «выбрали», как они выразились, потому что как только они меня увидели, то сразу почувствовали, что я – их ребенок). Они не были моими биологическими родителями, но любили меня так же, как если бы я был их собственной кровью и плотью. Я рос, зная, что меня усыновили в апреле 1954 года, в возрасте четырех месяцев, что моей родной матери было всего шестнадцать лет – она училась во втором классе старшей школы – и что она не была замужем, когда родила меня в 1953-м. Ее любимый был немного старше, но в ближайшем будущем не смог бы содержать ребенка, поэтому он тоже согласился отказаться от меня, хотя обоим это решение далось очень нелегко. Я узнал историю своего рождения, когда был совсем маленьким, так что никогда не задавал никаких вопросов и воспринимал ее так же естественно, как черный цвет своих волос, как то, что я любил гамбургеры и терпеть не мог цветную капусту. Я любил своих приемных родителей очень нежно и глубоко, как если бы между нами существовала кровная связь, и точно так же относились ко мне и они.

Моя старшая сестра Джеан тоже была приемной.

Через пять месяцев после моего усыновления мама смогла и сама

забеременеть. Она родила девочку, Бетси, а спустя еще пять лет родилась наша младшая сестренка Филлис. Все мы всегда были родными друг другу. Я знал, что девочки – мои сестры, а я – их брат. Я рос в семье, которая не только меня любила, но верила в меня и поддерживала в моих стремлениях. В том числе и в мечте, которой я «заболел» в старших классах и которую не оставлял до тех пор, пока не осуществил ее: стать нейрохирургом, как отец.

То, что меня усыновили, практически не беспокоило меня ни в колледже, ни в медицинской школе. Правда, несколько раз я приезжал в детский дом в Северной Каролине, чтобы узнать, не проявляет ли моя родная мать желания познакомиться со мной. Но в этом штате очень строго охраняется анонимность приемных детей и их биологических родителей, даже если они очень хотят воссоединиться. После двадцати лет я стал думать об этом реже, а когда встретил Холли и мы поженились, вопрос о моем усыновлении отошел на дальний план.

В 1999 году нашему сыну Эбену было двенадцать лет. Мы еще жили в Массачусетсе. Он учился в шестом классе и участвовал в проекте о семейной наследственности. Зная, что я был усыновленным ребенком, он полагал, что где-то на планете у него есть родственники, о которых ему ничего не известно, даже как их зовут. Этот проект пробудил в нем глубокий интерес к своему происхождению.

Он спросил, не стоит ли нам разыскать моих настоящих родителей. Я ответил, что и сам подумывал об этом, даже писал в детский дом в Северной Каролине, чтобы разузнать о них. Если бы мои отец или мать захотели связаться со мной, в детском доме знали бы об этом.

– В подобных обстоятельствах все вполне естественно, – сказал я Эбену. – Это вовсе не значит, что мои родители не любят меня и что они не полюбили бы тебя, если бы увиделись с тобой. Но они не хотят знакомиться с нами, потому что считают, что у нас своя семья и не стоит нам мешать.

Но Эбен не успокоился, так что я решил исполнить его просьбу и написал социальному работнику Бетти, которая работала в детском доме и помогала мне раньше в розысках. Через несколько недель, в феврале 2000 года, мы с Эбеном направлялись на машине из Бостона в Мэн, чтобы покататься на лыжах. И вдруг мне пришла в голову мысль, что нужно позвонить Бетти и узнать, не удалось ли ей что-нибудь выяснить. Я соединился с ней по сотовому, и она сказала:

– Ну, вообще-то у меня есть новости. Вы сидите?

Разумеется, я сидел за рулем, что и подтвердил, забыв о том, что веду машину сквозь снежную бурю.

– Доктор Александер, оказалось, что ваши родные отец и мать поженились.

У меня гулко забилося сердце. Хотя я знал, что моих родителей связывала любовь, я всегда считал, что раз они от меня отказались, то каждый из них жил своей жизнью. Я сразу представил себе своих родителей и дом, который они устроили неизвестно где, которого я никогда не знал и который не был моим.

Бетти прервала мои размышления:

– Доктор Александер!

– Да, – медленно выговорил я, – я вас слушаю.

– Есть еще кое-что.

К удивлению Эбена, я остановил машину на обочине и попросил ее продолжать.

– У ваших родителей родились еще трое детей: две девочки и мальчик. Я разговаривала со старшей сестрой. Она сказала, что младшая сестра умерла два года назад. Ваши родители все еще тяжело переживают ее смерть.

– И это означает?.. – спросил я, все еще оглушенный новостью, которую не мог до конца осмыслить.

– Мне очень жаль, доктор Александер, но вы правильно догадались, ваша мать ответила отказом на вашу просьбу связаться с нею.

Эбен беспокойно ерзал на заднем сиденье, понимая, что происходит нечто важное.

– Ну, что там, пап? – спросил он, когда я выключил телефон.

– Ничего. Агентство пока ничего конкретно не выяснило, но продолжает работать. Может, позже. Может быть...

У меня прервался голос. Между тем пурга становилась все сильнее. Я видел дорогу всего на сотню ярдов вперед, вокруг расстилался лес, занесенный снегом. Я включил зажигание и, внимательно глядя в зеркало заднего вида, осторожно выехал на дорогу.

Во мне произошла глобальная перемена. После этого телефонного разговора я, естественно, оставался тем, кем я был до него: ученым, врачом и главой семьи. Но я впервые почувствовал себя сиротой. Ребенком, от которого отказались. Никому не нужным, нежеланным ребенком.

До этого я не думал о себе как о человеке без корней. О человеке, который что-то потерял и никогда не найдет. Теперь же это ощущение оказалось единственно важным.

В течение следующих нескольких месяцев в душе моей открылся целый океан горечи и печали, угрожавший поглотить меня и затопить все, ради чего я так у*censored* трудился до сих пор.

Мне делалось еще хуже от того, что я никак не мог осмыслить причину моего отчаяния. У меня и раньше бывали проблемы, но я справлялся с ними.

Так, в медицинской школе и в начале карьеры нейрохирурга я оказался в среде, где к алкоголю при соответствующих обстоятельствах относились со снисходительной улыбкой. Но в 1991-м я стал замечать, что слишком нетерпеливо ожидаю выходных и сопутствующей им выпивки. Я решил, что настало время полностью покончить с этим пороком. Это оказалось нелегко – я уже привык расслабляться по выходным, – и только благодаря поддержке семьи мне удалось выдержать начальный период трезвости. Но здесь была другая проблема, и я один был в ней виноват. Родные помогли бы мне справиться, если бы я попросил у них помощи. Почему я сразу не обратился к ним? Казалось просто несправедливым, что информация о моем прошлом, над которым я не был властен, могла так мощно сокрушить меня эмоционально.

Более того. Я с удивлением увидел, что мне стало труднее работать и поддерживать нормальные отношения в семье. Видя, что я не в себе, Холли записала нас на прием к психологу, консультирующему супружеские пары. Хотя она не вполне понимала причину моего состояния, она простила мне падение в эту пучину отчаяния и делала все, что было в ее силах, чтобы вытащить меня оттуда. Депрессия отразилась и на моей работе. Родители, конечно, тоже замечали изменения, произошедшие во мне, и тоже прощали меня, но что они могли поделать? Меня убивала мысль, что моя карьера летит под откос. Родные только и могли, что со стороны смотреть на это. Без моего участия семья ничем не могла мне помочь.

В конце концов, бесконечно горькое сознание своей ненужности подавило мою последнюю, едва сознаваемую надежду на то, что во Вселенной существует какая-то сила, которая выше науки, забравшей у меня столько лет. Проще говоря, я исчерпал остатки веры в то, что где-то есть Высшее Существо, которое по-настоящему любит меня и заботится обо мне, и что мои молитвы будут услышаны. После того телефонного разговора во время пурги меня окончательно покинула вера в любящего лично меня Бога, на что я имел неотъемлемое право как серьезный и искренний член общины, посещающий церковь.

Существовала ли действительно Высшая сила или Высший разум, который с глубокой любовью заботится обо всех нас? Странно было признать, что при всех моих медицинских знаниях и опыте меня так сильно волнует этот вопрос – точно так же, как тайна моего рождения, о чем я не подозревал.

К сожалению, ответ на вопрос о присутствии в нашей жизни Высшего Существа был таким же, как ответ на вопрос, откроют ли мне когда-нибудь свои сердца мои кровные родители.

Ответ, увы, был отрицательным.

Глава 11

Конец спирали, ведущей вниз

Следующие семь лет моя карьера и семейная жизнь продолжали испытывать кризис. Долгое время окружающие меня люди – даже самые близкие – не могли понять, каковы мои проблемы. Но постепенно, наблюдая за мной, Холли и сестры догадались, в чем тут дело.

И вот однажды, когда в июле 2007 года мы всей семьей отдыхали в Южной Каролине и как-то гуляли по берегу, Бетси и Филлис начали важный для меня разговор.

– Ты не думал написать еще раз своим кровным родителям? – спросила Филлис.

– В самом деле, почему бы тебе снова не попытаться? – подхватила Бетси. – Как знать, может, сейчас уже все изменилось.

Незадолго до этого Бетси сказала, что тоже думает усыновить ребенка, так что меня не удивило, что она затронула эту тему. Тем не менее я сразу ответил:

– О нет, ни в коем случае!

Слишком хорошо я помнил бездонную пропасть, разверзшуюся передо мной после отказа, с которым я столкнулся семь лет назад. Но Бетси и Филлис видели, что я страдаю, и естественно хотели, чтобы я набрался смелости и покончил с мучившей меня проблемой. Они заверили, что теперь я не буду одинок, как раньше, потому что они будут со мной.

В начале августа я написал письмо моей родной сестре, от которой зависело, произойдут ли ожидаемые перемены, и отправил его Бетти в детский дом Северной Каролины, чтобы она отослала его по адресу.

«Дорогая сестра,

Я очень хочу установить связь с Вами, нашим общим братом и родителями. После долгого разговора с моими приемными сестрами и матерью, благодаря их поддержке и одобрению у меня вновь возникло желание познакомиться ближе с моими биологическими родителями.

Оба моих сына, девяти и девятнадцати лет, интересуются своим происхождением. Мы все – я, моя жена и сыновья – будем благодарны Вам за любые сведения о моем прошлом, которыми Вы сочтете возможным поделиться со мной. Мне очень хочется узнать, как складывалась жизнь моих

родителей, и познакомиться со всеми вами.

Учитывая, что годы идут, хотелось бы поскорее увидеться. Условия нашей встречи мы подробно обсудим с Вами. Поверьте, я с должным уважением восприму нежелание родителей делиться со мной своими личными тайнами, если таковое возникнет. У меня замечательная приемная семья, и я понимаю решение моих родителей, принятое ими в ранней юности. При всем моем искреннем интересе я не считаю для себя позволительным вторгаться в запретные области.

Буду Вам очень благодарен за внимание к моей просьбе.

С уважением,

Ваш старший брат».

Спустя несколько недель детский дом переслал мне письмо моей родной сестры.

«Да, мы будем рады познакомиться с тобой», – писала она. Законы Северной Каролины запрещали ей открыть данные о родителях, но она, балансируя на грани запрета, все-таки сообщила некоторые сведения о моей родной семье, которую я никогда не видел.

Оказалось, что мой родной отец служил во Вьетнаме военным летчиком. Сразу вспомнилось прошлое: так вот почему я так любил прыжки с парашютом и управление планером. Более того, в середине 60-х годов во время полетов «Аполлона» он проходил тренировки астронавтов в НАСА. (Я и сам в 1983 году подумывал о таких тренировках, желая участвовать в полетах в космос как врач.) Позднее он работал пилотом в компаниях «Пан-Америка» и «Дельта».

Наконец, в октябре 2007-го я встретился с моими биологическими родителями Энн и Ричардом, с сестрой Кэтти и братом Дэвидом. Энн рассказала мне, что в 1953 году она провела три месяца в роддоме для одиноких матерей, расположенном рядом с Мемориальным госпиталем города Шарлотт, Северная Каролина. Всем роженицам там присваивались условные имена, и, поскольку Энн любила американскую историю, она взяла себе имя Вирджиния Дар – так звали первую малышку, родившуюся в Новом Свете. Девушки звали ее просто Дар. В свои шестнадцать лет она была там самой юной.

Узнав о «затруднительном положении» дочери, отец готов был помочь ей чем угодно, даже переехать всей семьей в другое место. Некоторое время он был без работы, и появление в семье еще одного ребенка стало бы большим бременем.

Один близкий друг семьи посоветовал доктора, который жил в Диллоне, в Южной Каролине, и устраивал «эти вещи». Но мать Энн и слышать не хотела об этом.

Энн рассказала, как в холодную декабрьскую ночь перед самыми родами она гуляла по опустевшим улицам и смотрела на мерцающие в разрывах между быстро несущимися облаками звезды. Ей хотелось побыть одной, чтобы были только луна, звезды и ребенок, то есть я.

– На западе низко над землей висела ущербная луна. Сверкающий Юпитер только поднимался, чтобы следить за нами всю ночь, – говорила Энн. – Ричард очень интересовался астрономией и потом сказал мне, что примерно через девять лет Юпитер снова будет так хорошо виден. За эти девять лет в нашей жизни произошло много событий, в том числе рождение еще двух детей.

Но тогда я думала только о том, какой прекрасный и яркий на небе король планет, который смотрит на нас сверху.

Когда Энн входила в больницу, ей пришла в голову замечательная мысль. Дело в том, что обычно после родов женщины проводили в роддоме две недели. Если она родит именно в эту ночь, то к Рождеству сможет вернуться домой. Ей казалось настоящим чудом принести меня домой в день Рождества.

– Помню, доктор Кроуфорд только что принял другие роды и выглядел очень уставшим, – рассказывала Энн.

Он наложил ей на лицо пропитанную эфиром повязку, чтобы облегчить боли, так что она была в полубессознательном состоянии, когда, наконец, в 2:42 в последний раз напряглась и дала рождение своему первенцу.

Энн навсегда запомнила мой первый крик, ей очень хотелось взять меня на руки и приласкать, но ее одолели усталость и анестетик.

В течение следующих четырех часов на восточной стороне неба появлялись Марс, Сатурн, Меркурий и, наконец, сияющая Венера, словно приветствуя мое появление в этом мире. А Энн в первый раз за три месяца крепко спала.

Незадолго до рассвета ее разбудила медсестра.

– Хочу кое с кем вас познакомить, – весело сказала она и протянула ей меня, завернутого в голубое одеяльце.

Все сестры единодушно говорили, что в детской комнате я был самым хорошеньким младенцем. Меня буквально распирало от гордости.

Как ни хотелось Энн оставить меня у себя, скоро ей пришлось осознать жестокую реальность. Ричард мечтал учиться в колледже, но мечтами меня не прокормишь. Возможно, я почувствовал переживания Энн, потому что внезапно отказался принимать молоко. В двенадцать дней мне поставили

диагноз «не прибавляет в весе», и свое первое Рождество и следующие девять дней я провел в детской больнице в Шарлотте.

После того как меня перевели в больницу, Энн села в автобус и два часа добиралась до своего маленького городка. Она провела Рождество с родителями, сестрами и друзьями, которых не видела целых три месяца. И все это время она была без меня.

К тому моменту, когда я снова начал есть, моя судьба была уже определена. Энн чувствовала, что ей не разрешат растить меня. Сразу после Нового года она позвонила в детскую больницу и услышала, что меня перевезли в детский дом в Гринсборо.

– Отправили с волонтером? Но это несправедливо! – возмутилась она.

Три месяца я провел в детском отделении с такими же младенцами, чьи матери не могли их содержать. Моя кровать была на втором этаже серо-голубого викторианского здания, подаренного обществу призрения сирот.

– Трудно было подобрать тебе более красивый первый дом, – с улыбкой сказала Энн, – хотя в нем в основном были детские спальни.

Энн несколько раз приезжала навестить меня и отчаянно пыталась придумать план, который позволит ей забрать меня домой. Однажды она была с матерью, в другой раз с Ричардом, хотя медсестры не позволили ему войти в детскую и подержать меня на руках, а только показали ему меня через стекло.

К концу марта 1954 года стало ясно, что Энн не сможет добиться своего. Ей пришлось подписать отказ от меня. Они с матерью в последний раз приехали в Гринсборо.

– Я хотела подержать тебя, посмотреть в твои глазки и все объяснить, – рассказывала Энн. – Я понимала, что ты будешь только улыбаться, пускать пузыри и гулить, но чувствовала себя обязанной объяснить тебе ситуацию. В последний раз я держала тебя на руках, целовала твои ушки, грудку и личико. Помню аромат твоего младенческого тельца, тебя только что искупали.

Я называла тебя именем, данным тебе при рождении, и твердила, что очень люблю тебя. И буду любить всю жизнь до моего последнего вдоха.

Я сказала: «Господи, пусть он знает, что его любят. Что я люблю его и всегда буду любить». Но я не могла знать, услышаны ли мои молитвы. Правила усыновления в 50-х годах прошлого века были очень суровыми. Никакого поворота вспять, никаких объяснений. Иногда даже меняли дату рождения ребенка, чтобы помешать узнать правду о нем и не оставлять никаких следов. Соглашение об усыновлении было защищено строгими законами штата. Они предписывали забыть о том, что ты родила ребенка, и

жить так до конца своих дней. Власти надеялись, что это послужит уроком.

Я поцеловала тебя последний раз, бережно уложила в кровать, укрыла маленьким голубым одеялом, последний раз посмотрела в твои голубые глазки, поцеловала кончик пальца и прижала его к твоему лобику.

«Прощай, Ричард Майкл. Я люблю тебя» – такими были мои последние слова, обращенные к тебе.

Затем Энн рассказала, что после того, как они с Ричардом поженились и у них родились еще трое детей, ей остро захотелось узнать, что стало со мной. В дополнение к специальности летчика Ричард был еще и юристом. Энн подумала, что это даст ему право выяснить, кто меня усыновил. Но Ричард был слишком порядочен, чтобы нарушить условия соглашения об усыновлении, заключенного в 1954 году. Когда шла война во Вьетнаме, Энн все думала о том, что в декабре 1972 года мне должно было исполниться девятнадцать лет. Неужели меня отправят на войну? Что же со мной будет? В то время я действительно собирался записаться добровольцем в морской десант, чтобы летать на самолете. Но я не проходил по зрению. Правда, шли разговоры, что даже и с моим зрением будут принимать добровольцев в морские десантные войска. Однако военные действия стали сворачивать, так что на войну я не попал и вместо этого поступил в медицинскую школу. Но Энн ничего этого не знала. Весной 1973 года вся ее семья смотрела по телевизору, как самолеты доставили из Северного Вьетнама в Штаты военнопленных, содержащихся в «Ханой Хилтоне» [2 - «Ханой Хилтон» – неофициальное название тюрьмы в Ханое, где во время Вьетнамской войны содержались пленные американские пилоты.]. Измученные люди медленно шли по аэродрому к автобусам, и мои родственники с ужасом увидели, что среди них не было и половины знакомых им летчиков одного с Ричардом года призыва. С этого момента Энн забрала себе в голову, что и я мог погибнуть.

Со временем она привыкла к мысли, что я погиб страшной смертью на рисовых полях Вьетнама. Как бы она поразилась, если бы узнала, что в это время я был от нее всего в двух милях, в Чэпел-Хилл!

Летом 2008 года я встретился со своим родным отцом, его братом Бобом и братом его жены, тоже Бобом. Встреча произошла в Линчфорд-Бич, Южная Каролина.

Дядя Боб был моряком, героем войны в Корее и летчиком-испытателем на Чайна-Дейк, военном полигоне в калифорнийской пустыне, где он принимал участие в отладке ракет класса «Сайдвиндер» и летал на многоцелевых истребителях F-104 «Старфайтер». А тем временем в 1957 году брат жены Ричарда Боб установил скоростной рекорд во время операции «Сан Ран» –

эстафетного полета вокруг Земли на истребителях F-101 «Буду». Он облетел земной шар со скоростью больше тысячи миль в час.

Мне казалось, что я возвратился под родной кров.

Эти встречи с родственниками ознаменовали для меня конец жизненного этапа, который я назвал Годами неизвестности. Оказалось, что эти годы были для них такими же тяжелыми, как и для меня.

Осталась лишь одна незаживающая рана: десятью годами раньше, в 1998 году, умерла моя родная сестра Бетси. (Да, по странному совпадению ее звали так же, как и приемную сестру, а их мужей звали Робертами, но это уже другая история.) Все уверяли меня, что у нее было очень доброе и любящее сердце. В свободные дни, когда она не работала в Центре помощи пострадавшим от насилия, ее всегда можно было увидеть в окружении целой стаи бездомных собак и кошек, которых она кормила и лечила. Энн называла ее «настоящим ангелом». Кэтти обещала прислать мне ее фотографию. Бетси боролась с алкоголизмом, как и я в свое время, и ее кончина, отчасти происшедшая из-за этой борьбы, заставила меня острее осознать, как хорошо, что мне удалось вовремя справиться с этой проблемой. Я жалел, что не увиделся с Бетси, не смог ее успокоить, объяснить, что раны заживут и все будет хорошо.

Ибо, как ни странно, встреча с родной семьей впервые за всю жизнь вызвала у меня уверенность, что все действительно хорошо. Человеку очень важно иметь семью, а я вернул ее себе. Я впервые осознал, насколько знание своих корней способно излечить душу. Теперь мне стало легче смириться с некоторыми чертами своего характера. Наконец я избавился от гнетущего представления, что был нежеланным, нелюбимым ребенком. Избавился от подсознательной уверенности в том, что не стоил любви и даже права на жизнь. Признание родной матери, что они с отцом очень любили меня со дня моего рождения, помогло мне излечиться от глубокой депрессии. Я уже не чувствовал себя ущербным, как прежде.

Однако мне предстояло совершить и другое открытие. По-прежнему оставался до конца не произнесенным вопрос, действительно ли существует милосердный Бог, который любит всех нас, хотя казалось, что ответ на него отрицательный.

И так было до тех пор, пока я не погрузился в кому на целых семь дней. Именно тогда я получил ответ – абсолютно неожиданный.

Глава 12

Сияющее средоточие

Что-то меня потянуло. Не так, как если бы кто-то схватил за руку, а более слабо, менее ощутимо. Это можно было сравнить с тем, как сразу меняется настроение, стоит солнцу скрыться за облаком. Я возвращался назад, улетал прочь от Средоточия. Его сияющая черная тьма незаметно сменилась зеленым ландшафтом Врат. Взглянув вниз, я снова увидел людей, деревья, сверкающие реки и водопады, а надо мной в небе по-прежнему парили существа, подобные ангелам.

И моя спутница тоже оказалась там. Она, конечно, была рядом во время моего путешествия в Средоточие, приняв форму Шара света. Но сейчас снова приобрела образ девушки. На ней было прежнее прекрасное одеяние, и, увидев ее, я испытал такую же радость, какую испытывает ребенок, заблудившийся в огромном чужом городе, когда вдруг видит знакомое лицо.

– Мы многое покажем тебе, но потом ты вернешься назад.

Это послание, бессловесно внушенное мне у входа в неисповедимую темноту Средоточия, вспомнилось сейчас. Теперь я уже понимал, что значит «назад».

Это Страна Червяка, откуда началась моя одиссея.

Но на этот раз все было иначе. Спускаясь в мрачную тьму и уже зная, что находится над нею, я не испытывал тревоги.

По мере того как великолепная музыка Врат стихала, уступая место пульсирующим ударам нижнего мира, я воспринимал слухом и зрением все его явления. Так взрослый человек видит место, где когда-то испытал невыразимый ужас, но теперь уже не боится. Мрачная тьма, всплывающие и исчезающие звериные морды, спускающиеся сверху корни, переплетенные наподобие артерий, больше не внушали страха, так как я понимал – понимал без слов, – что не принадлежал этому миру, а просто посещал его.

Но почему я снова здесь оказался?

Ответ пришел так же мгновенно и безмолвно, как в верхнем, сияющем мире. Это приключение было своего рода экскурсией, великим обзором невидимой, духовной стороны существования. И как всякая добротная экскурсия, она включала все этажи и уровни.

Когда я возвратился в нижнее царство, своеобразное течение тамошнего времени продолжалось. Слабое, очень отдаленное представление о нем можно составить, вспомнив ощущение времени во сне. Ведь во сне очень трудно определить, что происходит «до», а что – «после». Вы можете видеть сон и знать, что будет дальше, хотя еще этого не испытали. «Время» нижнего царства в чем-то такое, хотя должен подчеркнуть, что происходившее со мной не имело ничего общего с путаницей земных снов.

Как долго я был в «преисподней» на этот раз? У меня нет точного

представления – нет возможности измерить этот отрезок времени. Но я точно знаю, что после возвращения в нижний мир я довольно долго не мог понять, что теперь способен руководить направлением своего движения – что я уже не в плену у нижнего мира. Сосредоточив усилия, я мог возвратиться в верхние сферы. В какой-то момент пребывания в мрачной глубине мне очень захотелось вернуть Струящуюся Мелодию. После нескольких попыток вспомнить мелодию и вращающийся Шар света, издающий ее, прекрасная музыка зазвучала в моем сознании. Чарующие звуки пронзили студенистый мрак, и я стал подниматься.

Так я обнаружил, что для того, чтобы двигаться к верхнему миру, достаточно только что-то знать и подумать об этом.

Мысль о Струящейся Мелодии вызвала ее звучание и осуществила желание оказаться в высшем мире. Чем больше я знал о высшем мире, тем легче мне было снова там оказаться. За то время, что я провел вне тела, у меня развилась способность беспрепятственно перемещаться взад-вперед, из мутного мрака Страны Червяка в изумрудное сияние Врат и в черную, но сияющую темноту Средоточия. Сколько раз я совершал такие перемещения, сказать не могу – опять же из-за несовпадения ощущения времени там и у нас, на Земле. Но каждый раз достигая Средоточия, я продвигался глубже, чем прежде, и познавал все больше – без слов – взаимосвязанность всего сущего в высших мирах.

Это не значит, что я видел нечто вроде всей Вселенной, путешествуя из Страны Червяка в Средоточие. Главное, каждый раз возвращаясь в Средоточие, я усваивал очень важный урок – непостижимость всего существующего – ни его физическую, то есть видимую, сторону, ни духовную, то есть невидимую (которая неизмеримо больше физической), не говоря уже о бесконечном множестве других вселенных, что существуют или когда-либо существовали.

Но все это не имело значения, потому что я уже познал единственно важную истину. Первый раз я получил это знание от прекрасной спутницы на крыле бабочки в первое мое появление у Врат. Знание это было вложено в меня тремя беззвучными фразами:

«Тебя любят и берегут».

«Тебе нечего бояться».

«Ты не можешь сделать ничего дурного».

Если же выразить их одним предложением, то получается:

«Ты любим».

А если сократить это предложение до одного слова, то получится, естественно:

«Любовь».

Несомненно, любовь – это основа всего. Не какая-то абстрактная, невероятная, призрачная любовь, а самая обыкновенная, знакомая всем любовь – та самая любовь, с какой мы смотрим на жену и на детей и даже на наших домашних животных. В самой чистой и мощной форме эта любовь не ревнива, не эгоистична, а безусловна и абсолютна. Это самая первичная, непостижимо блаженная истина, что живет и дышит в сердце всего, что существует и будет существовать. И человек, не знающий этой любви и не вкладывающий ее во все свои поступки, не в состоянии даже отдаленно понять, кто он и зачем живет.

Скажите, не очень научный подход? Извините, но я с вами не соглашусь. Ничто не в силах меня убедить, что это не только единственная, самая важная истина во всей Вселенной, но и единственный важнейший научный факт.

Вот уже несколько лет я встречаюсь и беседую с теми, кто изучает или сам пережил опыт клинической смерти. И знаю, что среди них очень распространено понятие «безоговорочная, абсолютная любовь». Многие ли способны понять, что это означает на самом деле?

Почему это понятие применяется так часто? Потому что множество людей видели и пережили то, что я. Но, подобно мне, им по возвращении в наш земной мир не хватало слов, именно слов, чтобы передать ощущение того, что слова выразить просто не в силах. Это все равно что пытаться написать роман, используя лишь часть алфавита.

Основная трудность, с какой сталкивается большинство этих людей, заключается не в том, чтобы снова приспособиться к ограниченности земного существования – хотя это достаточно сложно, – а в том, что невероятно трудно передать, какова на самом деле та любовь, которую они познали там, наверху.

В глубине души мы ее уже знаем. Как Дороти из «Волшебника страны Оз» всегда может возвратиться домой, мы имеем возможность восстановить нашу связь с этим идиллическим миром. Мы просто об этом не помним, так как в фазе нашего физического существования мозг блокирует, скрывает безграничный космический мир, которому мы принадлежим, как по утрам свет восходящего солнца затмевает звезды. Вообразите, каким скудным, ограниченным было бы наше представление о Вселенной, если бы мы никогда не видели усыпанное звездами ночное небо.

Мы видим лишь то, что позволяет нам видеть фильтрующий мозг. Мозг – особенно его левое полушарие, отвечающее за логическое мышление и владение речью, генерирующее чувство здравого смысла и четкое ощущение

своего «я», – это барьер на пути высшего знания и опыта.

Я уверен, что в настоящее время наступил критический момент нашего существования. Необходимо восстановить большую часть этого скрытого от нас важнейшего знания, пока мы живем на Земле, пока наш мозг (включая левое, аналитическое полушарие) полностью функционирует. Наука, которой я посвятил столько лет жизни, не противоречит тому, что я узнал там, наверху. Но еще слишком многие так не думают, потому что члены научного сообщества, ставшие заложниками материалистического воззрения, упрямо твердят, что наука и духовность не могут сосуществовать.

Они заблуждаются. Именно поэтому я и пишу эту книгу. Необходимо оповестить людей о древней, но в высшей степени важной истине. По сравнению с ней все другие эпизоды моей истории вторичны – я имею в виду загадочность заболевания, то, каким образом у меня сохранялось сознание в ином измерении на протяжении недельной комы и как мне удалось выздороветь и полностью восстановить все функции мозга.

Безоговорочная любовь и благожелательность, познанные мной во внетелесном путешествии, – единственно важное открытие, которое я сделал. И я твердо знаю, что следом за ним мне откроются и остальные усвоенные там знания. Я знаю сердцем, что мое предназначение – поделиться с людьми этим самым основным знанием, настолько простым, что его с легкостью воспримет даже ребенок.

Глава 13

Среда

Дня два слово «среда» не сходило с уст доктора, когда он говорил о моих шансах выжить. Он надеялся к среде увидеть некоторое улучшение. Но наступила среда, а никаких сдвигов в моем состоянии не наблюдалось.

– Когда я смогу повидать папу? – без конца спрашивал Бонд у Холли.

Два дня она уклонялась от ответа, но в среду утром сдалась.

В понедельник вечером Холли сказала Бонду, что я на время останусь в больнице, так как «заболел», и он, исходя из маленького опыта своей жизни, решил, что это может быть кашель, ангина или головная боль. Конечно, он уже успел понять, какой сильной может быть головная боль. Но когда в среду Холли привезла его в больницу, он, естественно, ожидал увидеть нечто иное, чем то, что предстало перед ним на больничной кровати.

Бонд увидел человека, который уже только отдаленно напоминал его папу. Если вы смотрите на спящего, то понимаете, что в его теле обитает душа. Ее

присутствие чувствуется. Любой врач, однако, скажет вам, что совсем другое дело, когда человек в коме. Он лежит перед вами, но возникает странное, почти физическое ощущение, что душа покинула его.

Наши дети всегда были очень близки, еще с того момента, когда Эбен радостно вбежал в родильную палату, чтобы подержать на руках новорожденного братца, которому было всего несколько минут от роду. В среду Эбен встретил младшего брата у больницы и постарался более или менее позитивно объяснить ему мое состояние. А поскольку он и сам еще был мальчишкой, то предложил идею, которую, как он думал, Бонд должен был оценить.

– Давай изобразим, что происходит с папой, чтобы он посмотрел эту картинку, когда ему станет лучше.

И вот они разложили на столе в больничной столовой большой лист оранжевой бумаги и изобразили то, что происходило в моем организме, погруженном в кому. Они нарисовали лейкоциты в виде солдатиков с саблями, защищающих осажденную территорию мозга. И проникшие в него бактерии *E. coli*, в военной форме немного иного вида и тоже вооруженные саблями. В общем, это была картина рукопашной, и по обе стороны фронта валялись сраженные воины.

По-своему это была довольно верная картина. Единственную неточность в таком упрощенном изображении более сложной борьбы, происходившей в моем организме, представлял сам ход сражения. В варианте мальчиков сражение велось благородно, находилось в самом разгаре и исход его был неопределенным. Но, сидя рядом с братом за столом с разбросанными на нем цветными фломастерами и внося свою лепту в наивную версию событий, Эбен знал, что на самом деле исход сражения не так уж неизвестен.

И он понимал, чья сторона побеждает.

Глава 14

Особый вид клинической смерти

Истинная ценность человека определяется тем, насколько он освободился от эгоизма и как он этого добился.

Альберт Эйнштейн

Первый раз оказавшись в Стране Червяка, я не осознавал себя, не знал, кто я, что я и даже был ли я вообще. Я там – это крошечная точка сознания в вязком, черном и мутном нечто, которое, казалось, не имело ни конца, ни

начала.

Однако потом я себя осознавал, понимал, что принадлежу Богу и что ничто – абсолютно ничто – не в силах отнять это у меня. Опасение (ложное), что нас могут каким-то образом отделить от Бога, является причиной всех и всяческих страхов во Вселенной, и лекарством от них – полученным мной первоначально во Вратах и окончательно в Средоточии – было ясное, уверенное понимание, что ничто и никогда не может разлучить нас с Богом. Это знание – оно остается единственно важным фактом, который я когда-либо узнал, – лишило Страну Червяка ужаса и позволило увидеть ее такой, какой она и была: не очень приятной, но необходимой частью мироздания.

Многие, как и я, побывали в высшем мире, но большинство из них, находясь вне земного тела, помнили, кто они. Они знали свое имя и не забывали, что живут на Земле. Они осознавали, что их родственники ждут их возвращения. Еще многие встречали там умерших друзей и родственников, и те сразу их узнавали.

Пережившие клиническую смерть рассказывали, что перед ними проходили картины их жизни, они видели хорошие и дурные поступки, которые совершали в течение жизни.

Я ничего подобного не испытывал, и если проанализировать все эти рассказы, то станет ясно, что мой случай клинической смерти необычный. Я был совершенно независим от своего земного тела и личности, что противоречит типичным явлениям клинической смерти.

Я понимаю, что утверждать, будто я не знал, кто я и откуда пришел, несколько странно. В конце концов, как я мог узнавать все эти невероятно сложные и прекрасные вещи, как я мог видеть рядом с собой девушку, цветущие деревья, водопады и деревни и при этом не осознавать, что все это испытывал именно я, Эбен Александер? Как я мог все это понимать, но не помнить, что на Земле я был врачом, доктором, имел жену и детей? Человеком, который видел деревья, реки и облака не впервые, оказавшись во Вратах, а множество раз, начиная с детства, когда рос в очень конкретном и земном месте, в городе Уинстон-Салем, Северная Каролина.

Лучшее, что я могу предположить в качестве объяснения, – это то, что я находился в состоянии частичной, но благодатной амнезии. То есть забыл о себе некоторые важные факты, но только выиграл от этой недолгой забывчивости.

Что же я выиграл от того, что забыл себя, земного? Это позволило мне целиком и полностью проникнуть в миры, лежащие за пределами нашего мира, и не беспокоиться о том, что осталось позади. Все время своего

пребывания в иных мирах я был душой, которой нечего терять. Я не тосковал о родине, не скорбел о потерянных людях. Я появился из ниоткуда и не имел прошлого, поэтому с полным спокойствием воспринимал обстоятельства, в которых оказался, – даже первоначально мрачную и отвратительную Страну Червяка.

А поскольку я абсолютно забыл свою смертную личность, мне был предоставлен полный доступ к настоящей космической душе, какой я действительно являюсь, как и все мы. Еще раз скажу, что в каком-то смысле мой опыт можно сравнить со сном, в котором что-то помнишь о себе, а что-то начисто забываешь. И все-таки эта аналогия справедлива лишь отчасти, поскольку – не устаю напоминать – и Врата, и Средоточие ни в малейшей степени не были воображаемыми, иллюзорными, а, напротив, в высшей степени реальными, подлинно существующими. Создается впечатление, что отсутствие у меня памяти о земной жизни во время пребывания в высших мирах было преднамеренным. Именно так. Рискаю слишком упростить проблему, скажу: мне было позволено умереть как бы более окончательно и безвозвратно и проникнуть в иную реальность глубже, чем большинству больных, перенесших клиническую смерть.

Знакомство с обширной литературой об опыте клинической смерти оказалось очень важным для понимания моего путешествия во время комы. Не хочу показаться каким-то особенным и самоуверенным, но скажу, что мой опыт был действительно своеобразным и специфическим и благодаря ему сейчас, три года спустя, прочитав горы литературы, я точно знаю, что проникновение в высшие миры является поэтапным процессом и требует, чтобы человек освободился от всех привязанностей, какие имел прежде.

Мне было легко это сделать, поскольку у меня отсутствовали какие-либо земные воспоминания, и единственный раз я испытал боль и тоску, когда мне пришлось вернуться на Землю, откуда я начал свое путешествие.

Глава 15

Дар потери памяти

Мы должны верить в свободу воли. У нас нет выбора.

Исаак Б. Зингер (1902-1991)

Большинство современных ученых придерживаются мнения, что сознание человека – это цифровая информация, то есть практически такого же рода информация, которую обрабатывает компьютер. Хотя некоторые частицы

этой информации – например, наблюдение живописного заката, слушание прекрасной симфонии, даже любовь – могут казаться нам очень серьезными и особенными по сравнению с другими бесчисленными частицами, хранящимися в нашем мозге, на самом деле это иллюзия. Качественно все частицы одинаковы. Наш мозг формирует внешнюю реальность, обрабатывая информацию, которую получает от органов чувств, и преобразая ее в богатый цифровой ковер. Но наши ощущения – всего лишь модель действительности, а не сама действительность. Иллюзия.

Разумеется, я тоже придерживался этой точки зрения. Помню, еще в медицинской школе мне приходилось слышать доводы в пользу мнения, что сознание – не что иное, как очень сложная компьютерная программа. Спорщики утверждали, что десять миллиардов нейронов мозга, пребывающих в постоянном возбуждении, способны обеспечивать сознание и память на протяжении всей жизни человека.

Чтобы понять, как мозг может заблокировать нам доступ к знаниям о высших мирах, нужно допустить – хотя бы гипотетически, – что сам мозг не продуцирует сознание. Что, скорее, он своего рода предохранительный клапан или рычаг, на время нашей земной жизни переключаящий высокое, «нефизическое» сознание, каким мы обладаем в нефизических мирах, на более низкое, с ограниченными способностями. С земной точки зрения в этом есть определенный смысл. Все время бодрствования мозг напряженно работает, отбирая из потока поступающей в него сенсорной информации материал, необходимый человеку для существования, а потому утрата памяти о том, что мы лишь временно находимся на Земле, позволяет нам более эффективно жить «здесь и сейчас». Привычная жизнь и так дает нам слишком много информации, которую необходимо усваивать и использовать себе во благо, а постоянная память о мирах за пределами земной жизни только замедляла бы наше развитие. Если бы мы уже сейчас располагали всем объемом информации о духовном мире, нам было бы еще труднее жить на Земле. Это не значит, что мы не должны о нем думать, но если мы слишком остро осознаем его грандиозность и необъятность, то это может неблагоприятно сказаться на нашем поведении в земной жизни. С точки зрения великого замысла (а теперь я точно знаю, что мироздание и есть великий замысел) человеку, наделенному свободой воли, было бы не так важно принять правильное решение перед лицом зла и несправедливости, если, живя на Земле, он помнил бы всю прелесть и великолепие ожидающего его высшего мира.

Почему я так в этом уверен? По двум причинам. Во-первых, это было мне показано (существами, учившими меня во Вратах и в Средоточии). Во-

вторых, я действительно испытал это. Находясь вне тела, я получил знание о природе и структуре Вселенной, которая выше моего постижения. И получил я его в основном потому, что, не помня о своей земной жизни, был способен воспринять это знание. Теперь, когда я снова на Земле и осознаю свою физическую сущность, семена этого знания о высших мирах снова скрыты от меня. И все-таки они есть, я чувствую их присутствие. В земном мире понадобятся годы, чтобы эти семена дали всходы. Точнее, мне понадобятся годы, чтобы понять моим смертным физическим мозгом все то, что я так легко и быстро усвоил в высшем мире, где мозг не существовал. И все-таки я уверен, что, если буду у*censored* работать, знание будет открываться и дальше.

Мало сказать, что существует огромная пропасть между нашим современным научным представлением о Вселенной и реальностью, которую я видел. Я по-прежнему люблю физику и космологию, с прежним интересом изучаю нашу необъятную и замечательную Вселенную. Но теперь у меня более точное представление о том, что значит «необъятная» и «замечательная». Физическая сторона Вселенной – это пылинки по сравнению с ее невидимой духовной составляющей. Раньше во время ученых бесед я не употреблял слово «духовный», а сейчас считаю, что мы ни в коем случае не должны избегать этого слова.

От Сияющего Средоточия я получил ясное представление о том, что мы называем «темная энергия» или «темное вещество», а также об иных, более фантастических компонентах Вселенной, к которым люди устремят свой пылливый ум лишь через многие века.

Но это не значит, что я в состоянии объяснить свои представления. Парадоксально, но я сам еще стараюсь осознать их. Возможно, лучший способ передать часть моего опыта – это сказать, что у меня есть предчувствие, что в будущем к еще более важному и обширному знанию получит доступ большое количество людей. Сейчас же попытку любых объяснений можно сравнить с тем, как если бы шимпанзе, на один день превратившийся в человека и получивший доступ ко всем чудесам человеческого знания, а потом вернувшийся к своим сородичам, захотел бы рассказать им, что значит говорить на нескольких иностранных языках, что такое исчисление и необъятный масштаб Вселенной.

Там, вверху, стоило у меня возникнуть вопросу, как на него тотчас же появлялся ответ, словно расцветший рядом цветок. Как во Вселенной ни одна физическая частица не существует отдельно от другой, точно так же в ней не существует вопроса без ответа. И эти ответы не были в виде кратких «да» или «нет». Это были широко развернутые понятия, потрясающие структуры

живой мысли, сложные, как города. Идеи столь обширные, что их нельзя объять земной мыслью. Но я не был ею ограничен. Там я сбросил с себя ее пределы, как бабочка сбрасывает свой кокон и выбирается на свет божий.

Я видел Землю бледной голубой точкой в бесконечной черноте физического космоса. Мне дано было узнать, что добро и зло смешаны на Земле и что это одно из ее уникальных свойств. Добра на Земле больше, чем зла, но злу дана большая сила, что абсолютно недопустимо на высшем уровне существования. То, что зло иной раз будет брать верх, было известно Создателю и допущено Им как необходимое следствие наделения человека свободой воли.

Крошечные частицы зла рассеяны по всей Вселенной, но общее количество зла подобно одной песчинке огромного песчаного берега по сравнению с добром, изобилием, надеждой и безоговорочной любовью, которая буквально омывает Вселенную. Самую суть альтернативного измерения составляют любовь и благожелательность, и все, что не содержит этих качеств, там сразу бросается в глаза и кажется неуместным.

Но свобода воли дается ценой потери или выпадения из этой всеохватной любви и благожелательности. Да, мы – люди свободные, но в окружении среды, заставляющей нас чувствовать себя несвободными. Наличие свободной воли невероятно важно для нашей роли в земной реальности – роли, от которой – однажды все мы это узнаем – в огромной степени зависит, будет ли нам позволено вознестись в альтернативное вневременное измерение.

Наша жизнь на Земле может казаться незначительной, потому что она слишком коротка по сравнению с вечной жизнью и другими мирами, которыми полны видимые и невидимые вселенные. Однако она тоже невероятно важна, так как человеку предназначено именно здесь дорасти, возвыситься до Бога, и за этим ростом внимательно наблюдают существа из верхнего мира – души и светящиеся шары (те существа, которых я видел высоко надо мной во Вратах и которые, думаю, являются источником нашего представления об ангелах).

В действительности мы делаем выбор между добром и злом как духовные существа, временно населяющие наши эволюцией развитые смертные тела, производные Земли и земных обстоятельств. Настоящее мышление рождается не в мозге. Но мы так приучены – отчасти самим мозгом – ассоциировать его со своими мыслями и осознанием своего «я», что утратили понимание того факта, что представляем собой нечто большее, чем просто физическое тело, включая мозг, и должны осуществлять наше предназначение.

Настоящее мышление зародилось задолго до появления физического мира. Именно это древнее, подсознательное мышление ответственно за все решения, которые мы принимаем. Настоящее мышление не подчинено логическим построениям, но стремительно и целенаправленно оперирует неисчислимым множеством информации на всех уровнях и мгновенно выдает единственно верное решение. По сравнению с духовным разумом наше обычное мышление безнадежно робко и неповоротливо. Именно это древнее мышление, позволяющее перехватить мяч в зоне ворот, проявляется в научных озарениях или сочинении вдохновенного гимна. Подсознательное мышление всегда проявляется в самый необходимый момент, но мы часто утрачиваем к нему доступ, веру в него. Не стоит и говорить, что именно подсознательное мышление пришло мне на помощь в тот вечер, когда под мной внезапно раскрылся парашют Чака.

Для того чтобы познать мышление без участия мозга, необходимо оказаться в мире мгновенных, спонтанных связей, по сравнению с которыми обычное мышление безнадежно заторможено и громоздко. Наше глубинное и истинное «я» совершенно свободно. Оно не испорчено и не скомпрометировано прошлыми поступками, не озабочено своей идентичностью и статусом. Оно понимает, что не стоит страшиться земного мира, а потому нет нужды возвышать себя славой, богатством или победой. Это «я» – истинно духовно, и однажды всем нам суждено воскресить его в себе. Но я убежден, что до тех пор, пока этот день не настал, мы должны делать все от нас зависящее, чтобы восстановить связь с этой чудодейственной сущностью – воспитывать ее и выявлять. Эта сущность – душа, обитающая в нашем физическом теле, и она такова, какой хочет видеть нас Бог.

Но как же развить свою духовность? Только через любовь и сострадание. Почему? Потому что любовь и сострадание не абстрактные понятия, какими их зачастую считают. Они реальны и ощутимы. Именно они и составляют саму суть, основу духовного мира. Чтобы возвратиться в него, мы должны вновь возвыситься до него – даже сейчас, пока мы привязаны к земной жизни и с трудом совершаем свой земной путь.

Думая о Боге или Аллахе, Вишну, Иегове или как вам больше нравится называть Источник абсолютной власти, Создателя, который правит Вселенной, люди совершают одну из величайших ошибок – представляют Ома бесстрастным. Да, Бог стоит за числами, за совершенством Вселенной, которую наука измеряет и тщится постигнуть. Но – еще один парадокс – Ом человечен, гораздо более человечен, чем мы с вами. Ом понимает и глубоко сочувствует нашему положению, потому что знает то, что мы забыли, и

понимает, как страшно и тяжело жить, даже на мгновение забыв о Боге.

Глава 16

Колодец

Холли познакомилась с Сильвией, ставшей нашей общей подругой, в 80-х годах прошлого века, когда обе преподавали в Рэвенскрофтской школе города Роли, Северная Каролина. В это же время она дружила и со Сьюзен Рейнтъес. По моему мнению, Сьюзен была особым человеком, обладающим мощной интуицией, хотя ее способности были недоступны моему прямолинейному и узкому мышлению нейрохирурга, что, однако, не мешало мне относиться к ней с симпатией. Кроме того, у нее был канал энергетической связи с космосом, и она написала книгу «Откройте третий глаз», которая очень нравилась Холли. Благодаря своим экстрасенсорным способностям Сьюзен регулярно помогала вылечивать находящихся в коме пациентов через личный контакт с ними. На четвертый день моего бессознательного состояния, это был четверг, Холли подумала, что Сьюзен должна установить со мной контакт.

Сильвия позвонила ей домой в Чэпел-Хилл и рассказала о моей болезни. Не сможет ли она настроиться на меня? Согласившись, Сьюзен подробно расспросила о моем состоянии. Сильвия сказала, что я четвертый день нахожусь в коме и что мое состояние оценивается как критическое.

– Это все, что я хотела знать, – ответила Сьюзен. – Постараюсь сегодня же вечером установить с ним контакт.

По мнению Сьюзен, пациенты, впавшие в коматозное состояние, находятся как бы между двумя мирами – земным и духовным – и окутаны исключительно таинственной атмосферой. Как я уже говорил, этот феномен я и сам неоднократно отмечал, но не видел в нем ничего сверхъестественного.

По опыту Сьюзен знала, что такие пациенты восприимчивы к телепатии, а потому была уверена, что, войдя в состояние медитации, сможет установить со мной связь.

– Установление контакта с пациентом, находящимся в коме, – объясняла она мне позже, – можно сравнить с опусканием веревки в глубокий колодец. Длина веревки зависит от глубины коматозного состояния. Когда я пыталась установить с тобой контакт, меня поразило, как глубоко опускается веревка. Чем ниже она опускалась, тем больше я боялась, что ты слишком далеко – и я не смогу до тебя дотянуться.

Только через долгих пять минут мысленного спуска телепатической веревки она почувствовала слабое натяжение. Так леска, закинутая в воду, испытывает небольшое, но определенное натяжение.

– Я была уверена, что это ты, – рассказывала Сьюзен, – что ты еще не готов окончательно уйти. Твой организм сам знал, что делать. Я велела Холли помнить об этих двух моментах и повторять их тебе, сидя у твоей кровати.

Глава 17

Статус № 1

В четверг мои доктора пришли к заключению, что обнаруженный у меня штамм *E. coli* не соответствует сверхустойчивому штамму, который непостижимым образом проявил себя в Израиле, как раз во время моей командировки. Но этот факт еще больше смутил их. Хотя им было приятно сознавать, что я не являюсь носителем бактерии, которая могла погубить треть населения страны, это только еще больше подтвердило их подозрения, что мой случай заболевания не имел прецедентов.

Положение из отчаянного стало безнадежным. Доктора по-прежнему не могли понять, каким образом я подцепил свою болезнь и смогут ли они вернуть меня из комы. Одно они знали наверняка: им не был известен ни один человек, который полностью выздоровел бы от бактериального менингита после того, как провел в коме больше двух-трех дней. У меня же шел уже четвертый день.

Огромное напряжение сказывалось на всех. Филлис и Бетси еще во вторник решили запретить в палате все разговоры о моей возможной смерти, так как считали, что я мог это слышать. В четверг утром Джеан спросила одну из медсестер о моих шансах выжить. Бетси, сидевшая по другую сторону от меня, услышала это и сказала:

– Пожалуйста, не обсуждайте этот вопрос здесь, рядом с ним.

Мы с Джеан всегда были очень близки. Конечно, мы чувствовали себя полноправными членами нашей семьи, но то, что папа и мама выбрали нас, особым образом связывало меня с сестрой. Она всегда заботилась обо мне и сейчас, чувствуя себя беспомощной, ужасно страдала.

Джеан готова была разрыдаться.

– Мне нужно на время съездить домой, – сказала она.

В палате было достаточно родственников, чтобы дежурить около меня. Все согласилось, что медсестрам будет даже легче справляться со своими обязанностями, если здесь станет на одного человека меньше.

Джеан собрала вещи и в тот же день поехала к себе в Делавар. Своим отъездом она как бы выразила чувство, которое начинали испытывать остальные члены семьи, – беспомощность. Невозможно спокойно видеть любимого человека в коматозном состоянии. Вы жаждете помочь, но не можете. Хотите, чтобы он открыл глаза, но они остаются закрытыми. Родственники подобных пациентов часто пытаются поднять им веки, как бы призывая проснуться. Разумеется, ничего не получается, и от этого им становится еще тяжелее. У находящихся в коме больных глазные яблоки утрачивают способность к согласованным движениям. Поднимите такому пациенту веки и увидите, что один глаз смотрит в одну сторону, а другой – в противоположную. Это невыносимое зрелище, и Холли несколько раз испытала сильное потрясение, попросив разрешения поднять мне веки и увидев мои перекошенные глаза.

После отъезда Джеан дела пошли еще хуже. Филлис стала проявлять типичное для родственников тяжелобольных недовольство врачами.

– Почему они ничего нам не объясняют? – возмущенно спрашивала она Бетси. – Уверена, будь здесь Эбен, он обязательно сказал бы нам, что происходит.

Но врачи делали все, что было в их силах, и Филлис это понимала. Просто она слишком переживала за меня.

Во вторник Холли позвонила доктору Джею Лоефлеру, с которым мы занимались стереотаксической радиохирургией в Женской больнице Бригэма в Бостоне. В то время Джей был главврачом отделения радиационной онкологии в Массачусетской больнице общего типа, и Холли подумала, что уж он-то сумеет объяснить ей мое состояние и перспективы.

Когда Холли рассказала о моем заболевании, Джей решил, что она неверно поняла какие-то вещи. Но после того, как Холли убедила его, что я действительно нахожусь в коме, вызванной редким случаем бактериального менингита с участием *E. coli*, он стал обзванивать всех инфекционистов страны. Но они только разводили руками. Просмотрев всю медицинскую литературу вплоть до 1991 года, он не нашел ни единого случая заболевания менингитом *E. coli* у взрослых, если только незадолго до этого они не подвергались операции на головном или спинном мозге. Начиная со вторника Джей звонил хотя бы раз в день Филлис или Бетси, узнавал о моем состоянии и, в свою очередь, рассказывал о результатах своих поисков. Ежедневно звонил и Стив Таттер, тоже наш друг и нейрохирург, давал советы и утешал моих сестер. В конце концов выяснилось, что за всю историю медицины мой случай был первым и исключительным. Внезапное заболевание менингитом, вызванным бактерией *E. coli*, чрезвычайно редко

встречается среди взрослых. Ежегодно им болеет один из десяти миллионов. Любая разновидность грамотрицательного бактериального менингита – болезнь крайне тяжелая. Настолько тяжелая, что умирают почти 90 процентов заболевших, у которых, как и у меня, с самого начала проявляется стремительное угнетение функций центральной нервной системы. Тем немногим, кто выживает, всю оставшуюся жизнь требуется круглосуточный уход.

Официально мой случай получил статус № 1, что подразумевало, что объектом широкого медицинского исследования стал один-единственный пациент, потому что докторам просто не с кем было меня сравнить.

Начиная со среды Холли стала привозить Бонда после школы в больницу. Но в пятницу она задумалась, не приносят ли эти посещения больше вреда, чем пользы. В начале недели я время от времени вдруг начинал шевелиться, тело мое дико сотрясалось. Медсестра массировала мне голову и давала успокоительные средства, и я постепенно затихал. Десятилетнему мальчику тяжело было присутствовать при этом. Мало того что я больше не походил на его отца, став просто телом, так что уж говорить про зрелище, когда это тело начинало неестественно дергаться. День за днем я все больше превращался для сына в страшного и чуждого двойника любимого папы.

К концу недели неожиданные всплески моторики прекратились. Больше мне не требовалось седативных препаратов, так как эти движения – бессознательные, автоматические, порожденные частичным функционированием спинного мозга и нижних отделов головного мозга – практически сошли на нет.

Постоянно звонили родственники и друзья, спрашивали, не нужно ли посетить меня. К четвергу было решено, что им не стоит приходить. В моей палате и так было слишком шумно и суетливо. Медсестры уверяли, что моему мозгу необходим отдых – чем будет тише, тем лучше.

У тех, кто осведомлялся обо мне по телефону, заметно изменилась интонация. Она стала безнадежной. По временам Холли казалось, что она уже потеряла меня. В четверг в кабинет Майкла Салливана вошла его секретарь из епископальной церкви Святого Джона.

– Звонят из больницы, – сказала она. – Одна из медсестер, которые ухаживают за Эбеном, просит вас к телефону. Она говорит, что это очень срочно.

Майкл взял трубку.

– Приходите немедленно, – услышал он. – Эбен умирает.

Как пастор, Майкл не раз оказывался в такой ситуации. Священники не реже докторов видят смерть и горе родственников умершего. Тем не менее,

услышав о моей близкой смерти, он испытал сильное потрясение и тут же позвонил жене Пейдж, чтобы она помолилась за меня и за него, прося Бога дать ему силы перенести эту утрату. Затем он сел в машину и под холодным ливнем, смагивая слезы, чтобы различить дорогу, поехал в больницу.

Войдя в мою палату, он застал ее в том же виде, как в свой последний визит. У моей кровати сидела Филлис и держала меня за руку. Было ее дежурство. Моя грудь с помощью дыхательного аппарата поднималась и опускалась двенадцать раз в минуту. Медсестра тихо обходила аппаратуру, окружавшую кровать, и записывала показания.

Вошла еще одна сестра. Майкл спросил, не она ли звонила его помощнице.

– Нет, – ответила сестра. – Я провела здесь все утро, его состояние не ухудшилось с ночи. Не знаю, кто вам звонил.

К одиннадцати часам в палате собрались Холли, мама, Филлис и Бетси. Майкл предложил помолиться. Все, включая двух медсестер, взявшись за руки, образовали кольцо вокруг кровати, и Майкл начал горячо молиться за мое выздоровление.

– Господи, верни нам Эбена. Я знаю, Ты это можешь.

Мы так и не узнали, кто звонил Майклу. Но кто бы это ни был, он сделал доброе дело. Ибо молитвы, идущие ко мне из земного мира, который я покинул, наконец стали доходить.

Глава 18

Забывать и вспомнить

Мое сознание становилось все шире, словно воспринимало всю Вселенную. Вам приходилось слушать музыку по радиоприемнику в сопровождении атмосферных шумов и потрескиваний? Вы привыкли к этому, считая, что иначе и быть не может. Но вот кто-то настроил приемник на нужную волну, и та же самая пьеса вдруг приобрела изумительно отчетливое и полное звучание. Вас поражает, как же вы раньше не замечали помех.

Такова приспособляемость человеческого организма. Мне не раз доводилось объяснять пациентам, что ощущение дискомфорта ослабнет, когда их мозг и весь организм привыкнут к новой ситуации. Если нечто происходит достаточно долго, то мозг привыкает игнорировать это или просто воспринимать как нормальное.

Но наше ограниченное земное сознание далеко от нормального, и первое подтверждение этому я получил, проникнув в самое сердце Средоточия. Отсутствие у меня памяти о земном прошлом не делало меня

незначительным ничтожеством. Я осознавал и помнил, кем я был там. Я был гражданином Вселенной, потрясенным ее бесконечностью и сложностью и ведомым только любовью.

Каким-то сверхъестественным образом мои открытия за пределами физической жизни повторяли уроки, усвоенные мной годом раньше благодаря объединению со своей родной семьей. В конечном счете ни один человек не является сиротой. Все мы находимся в таком же положении, в каком был я. То есть у каждого из нас есть другая семья, создания, которые следят за нами и заботятся о нас, создания, о которых мы на время забыли, но которые, если мы им откроемся, всегда готовы направлять нас в нашей жизни на Земле. Нет человека, который был бы нелюбим. Каждого из нас глубоко знает и любит Создатель, неустанно пекущийся о нас. Это знание не должно и дальше оставаться тайной.

Глава 19

Негде спрятаться

К пятнице, за полные четверо суток, в мой организм трижды вводились антибиотики, но он по-прежнему не проявлял положительной реакции. Отовсюду съехались наши родственники и друзья, а те, кто не смог приехать, устраивали общие молитвы в церквях своих приходов. Сестра моей жены Пегги и ее ближайшая подруга Сильвия приехали в пятницу днем. Холли встретила их, стараясь держаться бодро. Бетси и Филлис продолжали надеяться, но даже им с каждым часом все труднее было верить в благополучный исход. Бетси начала сомневаться в правильности своего запрета на негативные разговоры в палате.

– Как ты думаешь, если бы мы оказались на месте Эбена, он бы сделал это для нас? – спросила у нее в то утро Филлис после очередной бессонной ночи.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, стал бы он проводить с нами круглые сутки, ночуя в палате?

У Бетси нашелся замечательный и простой ответ в виде встречного вопроса:

– А ты могла бы в такой ситуации оставаться дома?

Сестры согласились, что, случись такое с ними, я сразу примчался бы на помощь, хотя меня трудно представить сидящим на одном месте на протяжении многих часов.

– Нам не казалось это обременительным, мы просто не могли оставить тебя одного, – призналась мне потом Филлис.

Сильвию больше всего потряс вид моих рук и ног, которые начали скрючиваться, подобно листьям дерева, погибающего от засухи. Для жертв инсульта и комы это нормальное явление, так как мышцы без нагрузки постепенно сокращаются и усыхают. Но для родных и близких это ужасающее зрелище. Глядя на меня, Сильвия уговаривала себя верить своему внутреннему голосу, но даже ей это давалось все труднее.

Холли, не переставая, винула себя (если бы она раньше поднялась ко мне в спальню, если бы она сделала то или это!), и окружающие старались отвлечь ее от тягостных дум.

Теперь уже все понимали, что, если даже я приду в себя, это никак нельзя будет назвать выздоровлением. Понадобится месяца три реабилитации, у меня будут хронические проблемы с речью (если я вообще смогу разговаривать), и всю оставшуюся жизнь мне придется пользоваться услугами медсестры и няни. И все это – в лучшем случае! Но даже этот мрачный сценарий был уже из области фантазии. Мои шансы на выздоровление стремительно уменьшались.

Бонду подробно не рассказывали о моем состоянии. Но в пятницу, приехав в больницу после школы, он случайно услышал, как один из докторов объяснял Холли то, что она и так понимала: «Настало время признать горькую правду, надеяться практически не на что».

Вечером Бонд отказался уходить от меня. Обычно в палате разрешалось одновременно находиться только двум посетителям, чтобы доктора и медсестры могли делать свою работу. В шесть часов Холли мягко напомнила сыну, что пора ехать домой. Но Бонд не поднялся со стула, стоящего как раз под рисунком, где он изобразил сражение между лейкоцитами и войском E. coli.

– Он же все равно не знает, что я здесь, – умоляюще сказал Бонд. – Почему мне нельзя остаться?

Вечером у меня дежурило по одному человеку, так что Бонду разрешили задержаться.

Но на следующее утро, в субботу, когда Холли заглянула в его комнату, чтобы разбудить, он в первый раз за всю неделю сказал, что не хочет ехать в больницу.

– Почему?

– Потому что я боюсь, – ответил Бонд.

Это было признание, высказанное вслух за всех.

Холли немного посидела в кухне, потом снова поднялась к сыну и спросила, действительно ли он не хочет навестить папу.

Бонд долго молчал, глядя на нее.

– Ладно, поедем, – наконец согласился он.

Суббота прошла в непрерывных разговорах родственников с врачами. Это было жалкой попыткой сохранить надежду, хотя ее оставалось еще меньше, чем накануне.

Поздно вечером в субботу, отвезя мать в гостиничный номер, Филлис остановила машину у нашего дома. Было совершенно темно, свет в комнатах был уже погашен, и она едва разбирала дорогу. Дождь шел уже шестой день начиная со дня моей болезни. Такой продолжительный дождь не характерен для горной Вирджинии; обычно в ноябре здесь стоит холодная, но солнечная погода, какая и была в прошлую субботу, накануне моего приступа. Теперь та суббота казалась невероятно далекой, а дождь – вечным. Когда только он прекратится?

Филлис отперла дверь и включила свет. С первого дня моей болезни к нам постоянно заходили друзья и соседи, приносили еду и продукты. Но к концу недели напряженная тревога уступила место мрачной безнадежности. Друзья тоже понимали, что надежды на мое выздоровление почти не осталось.

Филлис хотела разжечь камин, но на душе было так тяжело, что она отказалась от этой затеи. Внезапно она почувствовала невероятную усталость, легла на диван в кабинете и сразу провалилась в сон.

Через полчаса вернулись Сильвия и Пегги и, увидев спящую в кабинете Филлис, тихо прошли мимо на цыпочках. В какой-то момент, спустившись вниз, Сильвия увидела, что кто-то оставил открытой дверцу холодильника. На полу образовалась лужица, и многие продукты уже оттаяли, в том числе прекрасные свиные отбивные.

Сильвия сообщила об этом Пегги, и они решили не дать пропасть продуктам. Вызвали родственников и несколько друзей и принялись за работу. Пегги сбегала в магазин за закусками, и в результате получился отличный ужин. Вскоре к ним присоединились Бонд, Бетси с дочерью Кейт и мужем Робби. Все, не сговариваясь, избегали затрагивать волнующую тему: что я – отсутствующий почетный гость – скорее всего, никогда не вернусь в свой дом.

Холли была у меня на дежурстве. Она сидела рядом, держала меня за руку и, заставляя себя вникать в смысл произносимых слов и верить, повторяла мантру, внушенную ей Сьюзен Рейнтъес:

«Услышь мои мольбы.

Ты вылечивал других. Теперь ты сам должен выздороветь.

Тебя все любят.

Твой организм знает, что делать. Тебе еще рано умирать».

Глава 20

Завершение

Каждый раз, когда я снова оказывался в мрачной Стране Червяка, мне удавалось вспомнить прекрасную Струющую Мелодию, открывавшую доступ во Врата и Средоточие. Я провел много времени – которое странным образом ощущалось как его отсутствие – в обществе моего ангела-хранителя на крыле бабочки и целую вечность впитывал знания, исходящие от Создателя и Шара света в глубине Средоточия.

В какой-то момент, приблизившись к Вратам, я обнаружил, что не могу в них войти. Струющаяся Мелодия – бывшая моим пропуском в высшие миры – больше не вела меня туда. Врата Рая оказались закрыты.

Как описать, что я почувствовал? Вспомните случаи, когда вы испытывали разочарование. Так вот, все наши земные разочарования на деле являются вариациями единственно важной потери – потери Рая. В тот день, когда передо мной закрылись Врата Рая, я испытал ни с чем не сравнимую, невыразимую горечь и печаль. Хотя там, в высшем мире, присутствуют все человеческие эмоции, они невероятно глубже и сильнее, более всеобъемлющие – они, так сказать, не только внутри тебя, но и снаружи. Представьте, что каждый раз, когда у вас здесь, на Земле, меняется настроение, то вместе с ним меняется и погода. Что ваши слезы вызывают мощный ливень, а от вашей радости мгновенно исчезают облака. Это даст вам отдаленное представление о том, насколько масштабно и результативно происходит там изменение настроения. Что же касается наших понятий «внутри» и «снаружи», то там они попросту неприменимы, ибо там не существует подобного разделения.

Словом, я погрузился в бесконечную скорбь, которая сопровождалась снижением. Я спускался сквозь громадные слоистые облака. Вокруг слышался шепот, но я не разбирал слов. Затем я осознал, что меня окружают коленопреклоненные существа, которые образуют тянущиеся вдаль одна за другой арки. Вспоминая об этом сейчас, я понимаю, что делали эти едва видимые и ощущаемые сонмы ангелов, цепочкой протянувшиеся в темноте вверх и вниз.

Они молились за меня.

У двоих из них были лица, которые я вспомнил потом. Это были лица Майкла Салливана и его жены Пейдж. Я видел их только в профиль, но, когда снова смог говорить, сразу назвал их. Майкл присутствовал в моей палате, непрестанно читая молитвы, но Пейдж там не появлялась (хотя тоже молилась за меня).

Эти молитвы придали мне сил. Возможно, поэтому, как ни горько мне было, я почувствовал странную уверенность, что все будет хорошо. Эти бесплотные существа знали, что я переживаю перемещение, и пели и молились, чтобы меня поддержать. Меня несло в неведомое, но к этому моменту я уже знал, что больше не останусь один. Это мне обещали моя прекрасная спутница на крыле бабочки и бесконечно любящий Бог. Я твердо знал, что, куда бы отныне ни направился, Рай пребудет со мной в образе Создателя, Ома, и в образе моего ангела – Девушки на Крыле Бабочки.

Я возвращался назад, но я не был одинок – и знал, что больше никогда не почувствую себя одиноким.

Глава 21

Радуга

Потом Филлис говорила, что больше всего за ту ужасную неделю ей запомнился непрерывный дождь. Холодный ливень из низко нависших облаков, которые не пропускали ни луча солнца. Но в то воскресное утро едва она въехала на стоянку у больницы, как произошло нечто странное – на ее мобильный телефон пришло сообщение от группы молящихся друзей в Бостоне: «Ждите чуда». Гадая, какого чуда ей стоит ожидать, она помогла маме выйти из машины, и они вдруг заметили, что дождь прекратился. На востоке в разрыв между серыми облаками прорывались солнечные лучи, окрашивая в золото их края и красиво освещая высящиеся на западе древние горы.

Пока они смотрели на отдаленные вершины, напротив которых всходило солнце, и возникло это чудо – великолепная радуга.

Сильвия ехала в больницу с Холли и Бондом на заранее условленную встречу с моим лечащим доктором Скоттом Уэйдом. Доктор Уэйд, наш друг и сосед, тяжело переживал необходимость принять решение, перед которой рано или поздно оказываются врачи, имеющие дело с тяжелейшим заболеванием. Чем дольше я пребывал в коме, тем больше было вероятности, что все оставшиеся мне годы я проведу в неизменном вегетативном состоянии. Если мне перестанут вводить антибиотики, то, скорее всего, я умру от менингита. Поэтому, размышлял он, не будет ли разумнее прекратить их использование, так как продолжение лечения почти наверняка будет означать пожизненное состояние комы. Даже если удастся одолеть менингит, все равно я обречен месяцы или годы провести в бессознательном состоянии.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – обратился доктор Уэйд к Сильвии и Холли мягким, но безрадостным тоном. – Мы с доктором Бреннаном консультировались по телефону со специалистами в Дьюке, в Вирджинском университете и в медицинской школе Боумен-Грей. Должен сказать вам, что все без исключения считают положение крайне серьезным. Если в течение следующих двенадцати часов у Эбена не появится видимое улучшение, вероятно, нам придется рекомендовать прекратить введение ему антибиотиков. Неделя коматозного состояния при бактериальном менингите не оставляет надежды на излечение. Имея в виду эти перспективы, возможно, будет лучше предоставить действовать самой природе.

– Но вчера я видела, как у него дрогнули веки! – возразила Холли. – Правда, они действительно дрогнули. Как будто он пытался открыть глаза. Я уверена, что не ошиблась.

– Я в этом и не сомневаюсь, – сказал доктор Уэйд. – И количество лейкоцитов у него снизилось. Это, конечно, хорошо, не стану отрицать. Но вы должны понять ситуацию в целом. Мы значительно снизили количество седативных средств, и сейчас освидетельствование должно показать большую неврологическую активность. Низшие отделы мозга частично функционируют, но нам важнее деятельность кортекса, а она по-прежнему отсутствует. У большинства пациентов в состоянии комы со временем наблюдается некоторое улучшение, проявляющееся в заметных движениях глазных яблок или конечностей, что производит впечатление, что к ним возвращается сознание. Но это не так. Просто стволовой отдел мозга переходит в состояние «бодрствующей комы», в котором пациент может находиться много месяцев или даже лет. Скорее всего, трепет век именно это и означает. И еще раз должен вам сказать, что при бактериальном менингите кома на протяжении семи дней – это слишком долго.

Доктор Уэйд еще много говорил, чтобы смягчить удар от решения, которое можно было выразить одним предложением: «Настало время позволить его организму умереть».

Глава 22

Шесть лиц

Когда я погрузился в Страну Червяка, то, как всегда, из мутной грязи появились... не звериные морды, а лица людей.

И эти люди явно что-то говорили.

Правда, я не мог разобрать слов. Это было похоже на старые мультфильмы

про Чарли Брауна, когда взрослые говорят, а вы слышите только нечленораздельные звуки. Вспоминая об этом впоследствии, я понял, что из всех этих лиц узнал только пятерых. Это были Сильвия, Холли, ее сестра Пегги, Скотт Уэйд и Сьюзен Рейнтъес. Из них в последние часы в моей палате не было только Сьюзен. Но по-своему она тоже находилась рядом со мной, поскольку в ту ночь, как и в предыдущую, сидела у себя дома в Чэпел-Хилл и усилием воли внушала мне свое присутствие.

Позднее я недоумевал, почему в этом множестве лиц я не увидел маму и сестер, которые всю неделю сидели рядом со мной и с любовью держали мою руку. У мамы был усталостный перелом стопы, так что она передвигалась только с палочкой, но все равно ревностно дежурила около меня. Также со мной всегда были Филлис, Бетси и Джеан. Однако в ту последнюю ночь они не дежурили. Короче, я помнил лица только тех, кто физически присутствовал в моей палате на седьмое утро моей комы или накануне вечером.

Когда совершался мой спуск, я никого из них не мог назвать по имени. Просто я знал, скорее, чувствовал, что почему-то они мне очень важны.

К одному из этих лиц меня особенно влекло. Оно стало притягивать меня. Внезапно, каким-то толчком, казалось отразившимся на всем хороводе облаков и молящихся ангелов, мимо которых я спускался, я осознал, что ангелы Врат и Средоточия – которых я, по-видимому, навсегда полюбил – были не единственными знакомыми мне существами. Я знал и любил существа, находящиеся подо мной – в том мире, к которому я быстро приближался. Существа, о которых до того момента совсем не помнил.

Это осознание сосредоточилось на шести лицах, особенно на одном из них. Оно было очень близким и знакомым. С удивлением и почти страхом я понял, что это лицо принадлежало человеку, которому я очень нужен. Что этот человек никогда не выздоровеет, если я уйду. Если я его покину, он будет невыносимо страдать от утраты, как страдал я, когда передо мной закрылись Врата Рая. Это было бы предательством, которое я не мог совершить.

До этого момента я был свободен. Я путешествовал сквозь миры спокойно и беспечно, совершенно не заботясь об этих людях. Но я этого не стыдился. Даже, находясь в Средоточии, я не испытывал никакой тревоги и вины за то, что оставил их внизу. Первое, что я усвоил, когда летел с Девушкой на Крыле Бабочки, была мысль: «Ты не можешь сделать ничего дурного».

Но сейчас было иначе. Настолько иначе, что первый раз за все путешествие я испытал настоящий ужас – не за себя, а за этих шестерых, в особенности за этого человека. Я не мог сказать, кто он, но знал, что он очень важен для

меня.

Его лицо приобретало все большую отчетливость, и, наконец, я увидел, что оно – то есть он – молится, чтобы я вернулся, не побоялся совершить опасный спуск в нижний мир, чтобы снова оказаться с ним. Я по-прежнему не разбирал его слов, но каким-то образом понял, что у меня есть залог в этом нижнем мире.

Это означало, что я вернулся. У меня были здесь связи, которые я должен был уважать. Чем яснее становилось притягивавшее меня лицо, тем отчетливее я осознавал свой долг. Приблизившись еще больше, я узнал это лицо.

Лицо маленького мальчика.

Глава 23

Последняя ночь. Первое утро

Перед тем как начать разговор с доктором Уэйдом, Холли велела Бонду ждать в коридоре, не желая, чтобы он услышал разговор о моем состоянии. Но Бонд это почувствовал, остановился у дверей кабинета и услышал достаточно, чтобы понять истинное положение дел – что папа больше никогда к нему не вернется.

Бонд вбежал в палату и кинулся к моей кровати. Рыдая, он стал целовать меня в лоб и гладить по плечам. Затем приподнял мне веки и сказал, глядя в мои пустые бессмысленные глаза: «Папочка, ты выздоровеешь, все будет хорошо». Снова и снова он повторял эти слова с детской верой, что если произнесет это заклинание много раз, то оно осуществится.

Тем временем, сидя в кабинете доктора Уэйда, Холли пыталась осмыслить все, что он ей объяснял.

Наконец, она сказала:

– Думаю, мне нужно позвонить Эбену в колледж и попросить его срочно приехать.

Доктор Уэйд не стал ее отговаривать.

Холли отошла к огромному окну, выходящему на омытые дождем и сияющие горы, достала мобильный телефон и набрала номер Эбена.

В это время Сильвия сказала:

– Подожди, Холли. Дай мне заглянуть к нему еще раз.

Сильвия вошла в палату и остановилась у кровати, рядом с которой сидел Бонд и молча гладил меня по руке. Сильвия осторожно взяла мою руку и тоже ласково погладила ее. Как и всю неделю, моя голова была слегка

повернута набок. Всю неделю люди смотрели на мое лицо, особо не вглядываясь. Веки мне поднимали только тогда, когда доктора проверяли, не расширятся ли зрачки, реагируя на свет, или когда Холли или Бонд, вопреки распоряжению докторов, у*censored* делали это и видели мои безжизненные, направленные в разные стороны, как у разбитой куклы, глаза.

Но сейчас Сильвия и Бонд вглядывались в мое лицо, решительно отказываясь поверить в то, что говорил доктор. Потому что кое-что произошло.

Глаза мои открылись.

Сильвия вскрикнула. Потом она говорила, что испытала настоящее потрясение от моего взгляда. Это был не взгляд взрослого человека, очнувшегося после длительной комы, а новорожденного младенца, который впервые видит мир.

По-своему она была права.

Оправившись от шока, Сильвия поняла, что меня что-то беспокоит. Она бросилась в кабинет, где Холли стояла у окна и разговаривала с Эбеном.

– Холли! Холли! Он пришел в себя! Пришел в себя! Скажи Эбену, что его папа возвращается.

Холли ошеломленно уставилась на Сильвию, затем сказала в телефон:

– Эбен, я перезвоню тебе. Он... Папа возвращается... к жизни.

Холли сначала шагом, а затем бегом направилась к палате, за ней спешил доктор Уэйд. Действительно, я ворочался на кровати. И делал это вполне осознанно, меня явно что-то беспокоило. Доктор Уэйд сразу понял, в чем дело: у меня в горле была дыхательная трубка. Больше она была мне не нужна, поскольку мой организм действительно вернулся к жизни. Он наклонился, перерезал удерживающую ленту и осторожно извлек трубку из моего горла.

Я поперхнулся, делая первый за семь дней самостоятельный вздох, потом произнес:

– Благодарю вас.

Тем временем, входя в лифт с мамой, сидевшей в кресле на колесиках, Филлис все думала о радуге. Они вошли в палату, и Филлис едва не упала, не веря своим глазам. Сидя в постели, я встретил ее взгляд. Бетси прыгала от радости. Сестры обнялись и расплакались. Потом Филлис подошла ближе и заглянула мне в глаза.

Я посмотрел на нее, затем на остальных.

Ко мне сбежались все мои родственники, врачи и медсестры. Они смотрели на меня во все глаза, буквально лишившись дара речи, а я спокойно и радостно улыбался им.

– Все хорошо! – сказал я, весь светясь радостью. Я всматривался в их лица, сознавая божественное чудо нашего существования. – Не волнуйтесь, все хорошо, – повторял я, успокаивая их.

Потом Филлис говорила, что у нее сложилось впечатление, будто я передавал им важную истину, внушенную мне свыше, что мир такой, каким он и должен быть, что нам нечего бояться. И призналась, что, когда чем-то расстроена, часто вспоминает этот момент и находит утешение в сознании, что мы никогда не будем одинокими.

Окончательно поняв, где нахожусь, я спросил:

– Что вы здесь делаете?

На что Филлис ответила:

– Это ты что здесь делаешь?

Глава 24

Возвращение

Бонд представлял себе, как его отец очнется, оглядится, быстро сообразит, что с ним случилось, и снова станет папой, каким был прежде.

Однако вскоре он понял, что все не так просто. Доктор Уэйд предупредил его о двух вещах. Во-первых, чтобы он не рассчитывал, что я запомню то, что говорил после возвращения из комы. Процесс восстановления памяти требует больших усилий мозга, а мой мозг еще недостаточно восстановился для такой сложной работы. И во-вторых, чтобы он не очень беспокоился по поводу моих речей, так как они будут довольно странными.

Доктор Уэйд оказался прав.

В то первое утро Бонд с гордостью показал мне рисунок, на котором они с Эбеном изобразили сражение лейкоцитов с бактериями *E. coli*.

– Здорово! – похвалил я его.

Бонд расцвел радостной улыбкой.

Затем я продолжил:

– А какие метеоусловия? Что говорят данные компьютера? Давай шевелись, я собираюсь прыгнуть.

Бонд расстроился. Что и говорить, не на такое возвращение он рассчитывал.

У меня начались самые причудливые галлюцинации, я переживал самые восхитительные моменты своей жизни. Находясь в самолете на высоте трех миль, я готовился последним совершить затяжной прыжок с парашютом, что мне всегда так нравилось, потому что давало возможность долгого

свободного полета.

Выбросившись из самолета в сияющий солнечный свет, я сразу нырнул вниз головой, убрав руки за спину (все это мысленно), почувствовал знакомый толчок, оказавшись под потоком воздуха от винта, видя из своего перевернутого положения огромный серебристый самолет, взмывающий в высоту, землю и облака, отражающиеся в его днище. Я размышлял о странном виде клапанов и колес (будто приземляющихся), хотя по-прежнему находился высоко над землей.

Я еще плотнее прижал руки к туловищу, быстро увеличивая скорость до двухсот двадцати миль в час, чтобы мой синий в крапинку шлем и плечи, преодолевая сопротивление разреженного воздуха, противостояли силе тяготения лежащей внизу огромной планеты. Я пролетал в секунду расстояние, превышающее длину футбольного поля. Ревущий ветер мчался мимо со скоростью урагана.

Я устремился в яркий разрыв между горами облаков. Далеко внизу виднелись зеленая земля и сверкающее темно-синее море. Я с восторгом несся к моим едва различимым друзьям, которые образовывали сверкающую разноцветную снежинку, становящуюся все больше по мере того, как к ней присоединялись другие парашютисты, и все это далеко-далеко внизу.

Меня бросало взад-вперед между моей палатой и галлюцинацией, в которой я наслаждался полетом в небе.

Я был в плену бреда и наслаждался им.

Два дня я бредил скайдайвингом, самолетами и Интернетом, обращаясь к тем, кто меня слушал. В то время как мой мозг восстанавливался, я погружался в странную и мучительно ненормальную вселенную. Стоило мне закрыть глаза, как меня начинали одолевать неизвестно откуда появляющиеся ужасные «послания Интернета»; иногда, когда глаза у меня были открыты, они возникали на потолке. Закрывая глаза, я слышал монотонный скрежет, странным образом напоминающий песнопения, который обычно сразу пропадал, как только я снова их открывал. Я все тыкал пальцем в пространство, будто нажимая клавиши, пытаюсь работать на плывущем мимо меня компьютере с русской и китайской клавиатурой.

Короче, я был как помешанный.

Все немного напоминало Страну Червяка, только более страшную, поскольку во все, что я видел и слышал, врывались обрывки моего земного прошлого. (Я узнавал членов моей семьи, даже если, как это было с Холли, не мог вспомнить их имен.)

Но в то же время моим видениям недоставало поразительной ясности и вибрирующей живости – реальности в высшем смысле – Врат и Средоточия.

Я определенно возвращался в свой мозг.

Несмотря на первый момент видимого полного сознания, когда я первый раз открыл глаза, вскоре я опять лишился памяти о моей человеческой жизни до комы. Я помнил лишь о тех местах, где только что побывал: о мрачной и отвратительной Стране Червяка, идиллических Вратах и райски блаженном Средоточии. Мой разум – мое настоящее «я» – снова сужался, возвращаясь в слишком тесную физическую форму существования с ее пространственно-временными границами, прямолинейным мышлением и скудным словесным общением. Всего неделю назад я считал, что это единственно возможный вид существования, но сейчас оно казалось мне невероятно убогим и несвободным.

В отличие от духовной жизни физической форме нашего существования свойственна оборонительная позиция. Это единственное приходящее мне в голову объяснение того, почему мое возвращение сопровождалось такой сильной паранойей. На какое-то время мной овладело убеждение, что Холли (имя ее я не помнил, но каким-то образом признавал в ней свою жену) и мои врачи пытаются убить меня. У меня продолжались бред и сны о полетах и парении в воздухе – порой они были очень долгими и невероятно живыми. Однажды меня посетило самое продолжительное, явственное и подробное видение – я очутился в Южной Флориде, в какой-то онкологической больнице с наружным лифтом, где меня тянули на кабельных тросах Холли, двое местных полицейских и два фотографа в образе японских ниндзя.

Фактически я переживал состояние, называемое психозом. Это нормальное, даже ожидаемое состояние пациентов, чей мозг восстанавливается после длительного бездействия. Я часто наблюдал его как врач, но изнутри – первый раз. Изнутри все ощущалось совершенно иначе.

Самое интересное в этих бесконечных кошмарных и параноидальных фантазиях, как я теперь понимаю, было то, что они и были фантазиями. Иногда – особенно это касается продолжительного видения с ниндзя в Южной Флориде – они были невероятно впечатляющие и даже пугающие. Однако потом – фактически сразу после окончания этого периода – я стал легко идентифицировать их как галлюцинации, порождаемые моим заблокированным мозгом, который пытался восстановиться. При всей кажущейся правдоподобности галлюцинации только подчеркивали огромную разницу между состоянием бреда и реалистичностью пребывания в глубокой коме. А что касается бесконечных сюжетов, связанных с прыжками с парашютом, самолетами и ракетами, позднее я понял, что с символической точки зрения они были весьма точными. Потому что на самом деле я совершал опасное возвращение из невероятно далекого места к отключенной,

но начинающей снова функционировать космической станции моего мозга.

Глава 25

Еще не здесь

Не только Бонду было трудно воспринять решительно ненормального человека, каким я был в первые дни моего возвращения к жизни. В понедельник, когда ко мне вернулось сознание, Холли вызвала по скайпу нашего сына Эбена.

– Эбен, вот твой папа, – сказала она, направив на меня видеокамеру.

– Привет, пап! Как дела? – весело спросил он.

Сначала я только смотрел на экран и радостно улыбался. Когда же я заговорил, Эбен страшно расстроился. Я медленно выговаривал слова, которые казались почти лишёнными смысла. Потом он сказал мне, что я говорил как зомби, как человек, находящийся в тяжелом наркотическом дурмане. К сожалению, его не предупредили о возможности временного психоза.

Постепенно галлюцинации уходили и мое мышление становилось более разумным, а речь отчетливее. Через два дня меня перевели в неврологическое отделение. Филлис и Бетси предоставили койки, чтобы они могли спать рядом со мной. Я доверял только им – с ними я чувствовал себя в безопасности, они связывали меня с новой реальностью.

Зато теперь у меня началась бессонница. Всю ночь я не давал им спать, неся всякий вздор об Интернете, космических станциях, двойных русских агентах и прочей чепухе. Филлис выпрашивала у сестер сироп от кашля, надеясь, что он поможет мне заснуть. Я вел себя как новорожденный, еще не привыкший спать по ночам.

Когда я находился в более спокойном состоянии, Филлис и Бетси занимались со мной, помогая вернуться на Землю. Они вспоминали разные истории из нашего детства, и, хотя зачастую эти истории казались мне незнакомыми, я выслушивал их с большим интересом и удовольствием. Чем больше они рассказывали, тем больше я внутренне пробуждался и постепенно вспоминал, что эти случаи действительно происходили со мной.

Потом сестры говорили, что, несмотря на параноидальный бред, во мне довольно быстро стал проявляться их прежний любимый брат.

– Это было поразительно, – рассказывала Бетси. – Ты только что вышел из комы, еще не до конца осознавал, где находишься и что с тобой, почти все время нес дикий бред и вместе с тем уже демонстрировал свойственный тебе

юмор. Это был именно ты. Ты вернулся к нам!

– Первый раз ты проявил иронию относительно нашей идеи кормить тебя с ложечки, – вспоминала Филлис. – Она тебе решительно не подошла, и ты начал самостоятельно есть апельсиновое желе.

По мере того как временно заблокированный мозг все больше включался в работу, я с удивлением наблюдал за тем, что говорю и делаю, и поражался: как это получается? Вскоре меня пришла навестить Джеки, наша знакомая из Линчберга. Мы с Холли хорошо знали Джеки и ее мужа Рона, поскольку именно у них купили в свое время наш дом. Я увидел Джеки, и вдруг, помимо моей воли, у меня вырвался типичный для южан вежливый вопрос: «Как поживает Рон?»

Спустя еще несколько дней я уже бойко разговаривал с навещавшими меня людьми. И это не требовало больших усилий с моей стороны. Подобно самолету, ведомому автопилотом, мой мозг вел меня по все более знакомому маршруту моей земной жизни. Так я на собственном опыте убедился в том, что мне было известно как нейрохирургу: мозг воистину поразительный механизм.

Разумеется, окружающие (включая и меня самого в самые сознательные моменты) задавались одним невысказанным вопросом: стану ли я по-настоящему здоровым человеком? Полностью ли я оправился, или, как предполагали врачи, E. coli успела нанести непоправимое повреждение мозгу? Этот вопрос изводил всех, особенно Холли, которая боялась, что чудесный прогресс внезапно прекратится и мой интеллект не восстановится.

Однако день за днем ко мне возвращалось все больше моего «я», а также речь, память, узнавание, склонность к озорству, прежде мне свойственная. Но хотя сестры с радостью видели, как ко мне возвращается чувство юмора, порой они приходили в недоумение от моих шуток. В понедельник днем Филлис пощупала мне лоб, и я вздрогнул:

– Ой, больно! – Затем, насладившись испугом сестер, сообщил: – Я пошутил.

Всех удивляла быстрота моего выздоровления – всех, кроме меня. Я еще не понимал, что не так давно находился всего в нескольких шагах от смерти. И, вспоминая одного за другим друзей и родственников, я желал им здоровья, оставаясь в блаженном неведении относительно трагедии, которой едва избежал. Я был так возбужден, что один из неврологов, который позволил мне перейти в отделение реабилитации, считал, что у меня «слишком эйфоричное» состояние и что, вероятно, это следствие повреждения мозга. Этот доктор, подобно мне, носил галстук-бабочку, и я отблагодарил его за диагноз, заявив, что «для любителя галстука-бабочки он на удивление лишен

эмоций».

Уже тогда я понимал один непреложный факт, который вскоре пришлось осознать и остальным. Что бы ни думали специалисты или несведущие в неврологии люди, я больше не был больным, мой мозг не был поврежден. Я был полностью здоров.

Более того – хотя в тот момент это знал только я, – впервые за всю мою жизнь я был по-настоящему здоров.

Глава 26

Распространение новости

Да, я был действительно здоров, хотя мне еще многим предстояло овладеть. Через несколько дней после перевода в реабилитационное отделение я позвонил Эбену. Он упомянул, что пишет курсовую работу по неврологии, и я решил помочь ему. Но вскоре пожалел об этом. Я с трудом мог сосредоточиться на предмете, и терминология, которую, как мне думалось, я полностью вспомнил, оказалась мне неподвластна. Я был неприятно этим поражен.

Но мало-помалу ко мне возвращалась и профессиональная память. Однажды утром я проснулся и обнаружил, что снова обладаю всем объемом научных и медицинских знаний, чего не чувствовал еще накануне. Это был один из самых странных аспектов моего опыта: открыв глаза, почувствовать, что ко мне вернулись все результаты моего обучения и практики.

В то время как знания нейрохирурга вернулись ко мне, воспоминание о том, что со мной случилось за время пребывания вне тела, также оставалось полностью ясным и живым. События, происходившие вне земной реальности, вызвали во мне чувство невероятного счастья, с которым я и очнулся. И это блаженное состояние не покидало меня. Конечно, я был очень счастлив снова быть с любимыми. Но к этой радости прибавлялось – постараюсь как можно яснее объяснить это – понимание того, кто я такой и в каком мире мы живем.

Меня одолевало у*censored*e – и наивное – желание рассказать об этом, особенно моим коллегам – врачам. Ведь то, что я пережил, полностью изменило мое понимание мозга, сознания, даже понимание смысла жизни. Казалось бы, кто откажется послушать о таких открытиях?

Как выяснилось, очень многие, особенно люди с медицинским образованием.

Не поймите меня неправильно – врачи очень радовались за меня.

– Это замечательно, Эбен, – говорили они, как раньше я отвечал своим пациентам, которые пытались рассказать мне о потустороннем опыте, пережитом ими, например, во время операции. – Ты был очень серьезно болен. Твой мозг был полон гноя. Мы до сих пор поверить не можем, что ты с нами и рассказываешь об этом. Ты же сам знаешь, в каком состоянии оказывается мозг, когда дело заходит так далеко.

Короче, их разум был не в состоянии вместить знания, которыми я так настойчиво пытался поделиться с ними.

Но как я могу их винить? Ведь и я не понял бы этого – прежде.

Глава 27

Возвращение домой

Я вернулся домой, в семью, 25 ноября 2008 года, за два дня до Дня благодарения, полный благодарности за исцеление. Эбен провел в дороге всю ночь, чтобы своим неожиданным появлением сделать мне сюрприз. Последний раз он видел меня в глубокой коме и теперь ликовал от счастья, что увидит меня прежним. Он был настолько возбужден, что недалеко от Линчберга его оштрафовали за превышение скорости.

Я давно уже проснулся и сидел в шезлонге у камина в нашей уютной гостиной с деревянными панелями, размышляя обо всем, что пережил. Эбен появился вскоре после шести утра. Я встал и крепко его обнял. Он был ошеломлен. Когда он видел меня по скайпу, я едва говорил. Сейчас же я снова стал его прежним папой.

Точнее, почти прежним. Эбен сразу почувствовал во мне нечто новое. Потом он говорил, что с первого взгляда поразился моему виду.

– Ты был невероятно спокойным и сосредоточенным. Будто излучал свет.

Я сразу начал делиться с ним своими планами.

– Мне не терпится как можно больше узнать об опыте клинической смерти, – сказал я ему. – Понимаешь, Эбен, все было так реально, даже слишком реально, если это возможно. Я хочу написать о том, что со мной произошло, для специалистов неврологов. И прочесть рассказы людей, переживших то же самое. Мне просто не верится, что раньше я не воспринимал эти рассказы всерьез, никогда не вслушивался в то, что говорили мне пациенты. У меня ни разу не возникло желания почитать соответствующую литературу.

Эбен задумался, потом сел напротив и постарался заставить меня понять очевидное.

– Пап, я верю тебе. Но подумай хорошенько. Если ты хочешь, чтобы твой

рассказ принес пользу людям, то тебе ни в коем случае не нужно знакомиться с рассказами других.

– Так что же мне делать? – спросил я.

– Просто писать. Запиши свои воспоминания как можно точнее и подробнее. Но только не читай ни об опыте других людей, ни медицинские или космологические статьи на эту тему. Во всяком случае, пока не напишешь о своих переживаниях. И не рассказывай ни маме, ни другим о том, что с тобой было во время комы, – во всяком случае, постарайся избегать этого предмета. Ведь ты сможешь сделать это и потом, верно? Вспомни, ты сам всегда говорил, что сначала человек наблюдает какие-то факты и лишь потом осмысливает их, интерпретирует. Если ты хочешь, чтобы твой опыт имел научную ценность, нужно изложить его самостоятельно и насколько возможно достоверно, а уже потом ты сравнишь его с опытом других.

Это был очень мудрый совет – и я ему последовал. Эбен правильно понял мое огромное желание использовать полученный опыт на пользу другим. Чем больше ко мне возвращалась способность научно мыслить, тем яснее я видел, насколько радикально расходились мои прежние научные и практические знания с тем, что я узнал, тем больше понимал, что разум и душа продолжают существовать и после гибели физического тела. Я должен был рассказать свою историю миру.

Следующие несколько недель проходили одинаково. Я просыпался часа в два – два с половиной ночи и испытывал такую радость от одного сознания, что жив, что сразу вставал. Растопив в кабинете камин, я усаживался в свое любимое кожаное кресло и писал. Вспоминал все подробности путешествия к Средоточию и от него и все усвоенные уроки, способные изменить жизнь. Хотя слово «вспоминал» не совсем верно. Эти картины присутствовали во мне, живые и отчетливые.

Глава 28

Сверхреальность

Обманываться можно двояко: верить в то, что не есть правда, или отказаться верить в то, что есть правда.

Серен Кьеркегор (1813-1855)

Похоже, в моем повествовании то и дело встречаются однокорневые слова – реальность, реальный, реалистичный.

До болезни я не понимал, насколько обманчивыми могут быть слова. В медицинской школе и в школе здравого смысла, называемой жизнью, меня учили, что существуют реальные вещи и явления (например, автокатастрофа, футбольный матч, сэндвич у тебя на столе) и нереальные. За мою врачебную практику я наблюдал множество людей, страдающих галлюцинациями. Мне казалось, я понимал, какими страшными были эти нереальные видения для тех, кто их видел. И вот за несколько дней временного психоза в реанимационной палате мне самому довелось пережить реалистичные кошмары. Но когда они закончились, я определил их как галлюцинации: бредовые видения, вызванные нейронным механизмом мозга, возвращающегося к жизни.

Но ведь во время комы мой мозг вовсе не работал неправильно. Он вообще не функционировал. У меня была полностью отключена именно та область мозга, которая воспринимала информацию непосредственно от органов чувств и на ее основе формировала мое представление о мире, где я жил и действовал. Но несмотря на это, я был живым и пребывал в полном сознании во Вселенной, которая, прежде всего, характеризуется любовью, пониманием и реалистичностью. (Вот опять это слово!) Для меня этот факт был неоспоримым. Я знал это ясно и отчетливо.

Пережитое мной было реальнее дома, в котором я сидел, реальнее дров, горевших в камине. Однако мое научное медицинское мировоззрение не допускало реальности того, что я пережил.

Как же я собирался совместить эти две реальности?

Глава 29

Распространенный опыт

Наступил день, когда я, наконец, записал все, что мог, малейшие детали о Стране Червяка, Вратах и Средоточии.

Теперь можно было начать читать. Я погрузился в океан литературы, посвященной опыту клинической смерти.

Очень быстро я понял, что и в наше время, и в далекие века то, что пережил я, испытывало бесчисленное множество людей. Рассказы о черном туннеле или мрачной долине, на смену которым являлся яркий и живой ландшафт – абсолютно реальный, – существовали еще во времена Древней Греции и Египта. Рассказы об ангельских существах – иногда с крылышками, иногда без них – происходили по меньшей мере из древнего Ближнего Востока, как и представление о том, что эти существа были хранителями, которые

наблюдали за жизнью людей на Земле и встречали души этих людей, когда те покидали ее. Способность одновременно видеть во всех направлениях; ощущение, что находишься вне линейного времени – вне всего того, что раньше считал определяющим человеческую жизнь; способность слышать музыку, напоминающую священные гимны, которые там воспринимались всем существом, а не только ушами; непосредственная передача и мгновенное усвоение знаний, для понимания которых на Земле ушло бы много времени и усилий; ощущение всеохватной и безоговорочной любви...

Снова и снова, в современных исповедях и в духовных писаниях ранних веков, я чувствовал, как рассказчик буквально сражается с ограниченностью земного языка, желая как можно более полно передать свой опыт, и видел, что это ему никак не удастся.

И, знакомясь с этими неудачными попытками подобрать слова и наши земные образы, чтобы дать представление о необъятной глубине и невыразимом великолепии Вселенной, я восклицал в душе: «Да, да! Я понимаю, что вы хотели сказать!»

Все эти книги и материалы, существовавшие до моего опыта, я никогда прежде не видел. Подчеркиваю, не только не читал, но и в глаза не видел. Ведь раньше я и мысли не допускал о возможности существования какой-то части нашего «я» после физической смерти тела. Я был типичным, внимательным к своим пациентам врачом, хотя и скептически относился к их «росказням». И могу сказать, что большинство скептиков на самом деле вовсе не являются таковыми. Потому что, прежде чем отрицать какое-то явление или опровергать какую-либо точку зрения, необходимо серьезно изучить их. Я же, как и другие врачи, не считал нужным тратить время на изучение опыта клинической смерти. Я просто знал, что он невозможен, что его быть не может.

Я внимательно изучил записи врачей о моем пребывании в коме, а также томограммы мозга и понял всю серьезность и опасность моего заболевания.

Бактериальный менингит является уникальной болезнью в том смысле, что атакует внешнюю поверхность мозга, его кору, оставляя нетронутыми более глубокие области. Прежде всего, бактерия наносит сильные повреждения новой коре, по сути делающей нас людьми, а затем переходит на расположенные под ней вспомогательные структуры, свойственные и другим животным организмам. Повреждения коры при травме черепа, инсульте или опухоли мозга не бывают повсеместными. При перечисленных заболеваниях затрагивается лишь часть новой коры, остальные ее участки остаются невредимыми и функционирующими.

При бактериальном менингите человек переживает подобие смерти, хотя

организм его частично действует. (Но, к огромному сожалению, практически все, кто имел несчастье заболеть бактериальным менингитом, не способны полностью вернуться к жизни и рассказать о том, что пережили – см.

Приложение А.)

Хотя сами случаи возвращения человека к жизни стары как мир, термин «опыт клинической смерти» (ОКС) – независимо от того, воспринимали ли его как реальность или как вызванные болезнью фантазии, – появился сравнительно недавно. В 60-х годах прошлого века возникли новые методы и техника, позволившие докторам реанимировать пациентов, у которых случилась временная остановка сердечной деятельности. Пациенты, в прошлые времена непременно скончавшиеся бы, теперь возвращаются к жизни. Не сознавая того, своими стараниями спасти пациента врачи породили племя людей, совершивших переход из одного мира в другой: людей, которые заглянули за завесу и, вернувшись к жизни, рассказали об этом. Сегодня их уже миллионы. В 1975 году студент-медик Реймонд Муди опубликовал книгу «Жизнь после жизни», в которой, в частности, описывает опыт Джорджа Ритча. В результате остановки сердца, вызванной осложнением после пневмонии, Ритч умер и девять минут пребывал вне тела. Он прошел сквозь туннель, посетил рай и ад, встретился с существом, излучающим свет, которое он определил как Иисуса Христа, и испытал чувство покоя и благополучия такой силы, что мог с трудом выразить их словами. Так началась эра современного опыта клинической смерти.

Я слышал об этой книге, но, конечно, не читал ее, поскольку считал вздором, что остановка сердца означает смерть. Большая часть литературы на эту тему касается пациентов, у которых на несколько минут остановилось сердце – обычно в результате несчастного случая или во время операции.

Представление о том, что остановка сердца влечет за собой смерть, устарело пятьдесят лет назад. Люди, не знающие медицину, зачастую считают, что если пациент пришел в себя после остановки сердца, значит, он умер, а потом вернулся к жизни. Но медицинское сообщество давно пересмотрело определение смерти, возложив ответственность за нее на мозг, а не на сердце. Еще в 1968 году были установлены критерии смерти, зависящие от мозга. Прекращение деятельности сердца связано со смертью только в смысле последствий этой остановки. Через несколько секунд после остановки сердца прекращается поступление крови в мозг, что вызывает обширные нарушения его деятельности и потерю сознания.

За пятьдесят последних лет развилась практика, позволяющая хирургам во время операции на сердце останавливать его на минуты и даже на несколько

часов – иногда это приходится делать и нейрохирургам, используя аппарат искусственного кровообращения и порой охлаждая мозг, чтобы обеспечить его жизнеспособность. И мозг от этого не погибает. Человека, у которого случилась остановка сердца на улице, можно избавить от повреждения мозга, если в пределах четырех минут приступить к восстановлению кровообращения, в результате чего сердце обычно начинает сокращаться. До тех пор пока насыщенная кислородом кровь поступает в мозг, он, а следовательно, и человек остается живым, хотя на какое-то время утрачивает сознание.

Этих знаний мне было достаточно, чтобы не принимать во внимание книгу Муди, даже не открыв ее. Но теперь я принялся за нее, и истории, рассказанные в ней – так похожие на мою, – заставили меня полностью изменить точку зрения. Я почти не сомневаюсь в том, что по крайней мере некоторые герои этих историй действительно покидали свое физическое тело – слишком велико сходство с моим личным опытом.

Наиболее примитивные, вспомогательные части мозга функционировали все время моего пребывания в коме или большую часть этого времени. Но что касается той части мозга, которая, как скажет вам любой невролог, ответственна за качества личности, то она полностью была выведена из строя. Я видел это по изображениям, сделанным при помощи компьютерной и ультразвуковой томографии, по результатам лабораторных анализов, по исследованию моей нервной системы, то есть по всем данным тщательного и подробного наблюдения. Исходя из этого мой опыт клинической смерти был почти безупречен, возможно, он был одним из наиболее убедительных в современной истории медицины. Но самое главное, что с медицинской точки зрения было абсолютно невозможно его оспорить, отместить, как чистую фантазию.

Невероятно трудно описать, что такое опыт клинической смерти, но еще труднее объяснить это профессиональным медикам, которые просто не желают в него верить. Поскольку я нейрохирург и к тому же лично пережил этот опыт, у меня появилась уникальная возможность рассказать о нем более доступно и понятно.

Глава 30

Возвращение из смерти

Рассказать о пребывании на грани смерти, что абсолютно ни с чем невозможно сравнить, может только человек, побывавший в этом состоянии.

Герман Мелвилл (1819-1891)

Где бы я ни появился в эти первые недели, на меня смотрели как на выходца из могилы. Случайно я встретился с одним доктором, находившимся в больнице, когда меня привезли туда. Он не принимал участия в моем лечении, но видел, в каком состоянии меня доставили.

– Как вы здесь оказались? – изумился он, выражая недоумение всего медицинского сообщества по поводу моего случая. – Вы что, близнец Эбена?

Улыбнувшись, я крепко пожал ему руку, чтобы рассеять его сомнения.

И хотя доктор, конечно, пошутил, он подметил один важный момент. По сути, во мне словно воплотились две личности: одна – моя прежняя, усвоившая всю сумму преподанных мне учебой и практикой медицинских знаний, и вторая – умудренная опытом «внетелесной» жизни. А поскольку я собирался выполнить данное старшему сыну обещание, то есть поделиться своим опытом на пользу другим, мне необходимо было примирить и воссоединить эти два моих «я».

Я вспомнил об одном телефонном разговоре семилетней давности. В тот день я изучал цифровое изображение опухоли мозга, которую мне предстояло удалить, и вдруг мне позвонила мать одного моего пациента. Назову ее Сьюзен. У ее покойного мужа, которого назову Джорджем, была опухоль мозга. Несмотря на все наши усилия, он скончался через полтора года после того, как ему был поставлен диагноз. Теперь уже у дочери Сьюзен были обнаружены метастазы в мозгу от рака грудной железы. Врачи считали, что ей оставалось жить считанные месяцы. Звонок прозвучал в самый неподходящий момент – я был полностью поглощен работой. Но я оторвался от нее, зная, что Сьюзен пытается помочь дочери.

Я придерживался той точки зрения, что если речь идет о безнадежной болезни, то лучше смягчить правду. Лишение неизлечимого пациента даже тени надежды на благополучный исход, которая помогла бы ему перенести мысль о смерти, по-моему, сравнимо с прекращением назначения болеутоляющих препаратов. Поэтому я счел своим долгом внимательно выслушать Сьюзен.

– Доктор Александер, – сказала она, – моей дочери приснился невероятный сон. Она видела во сне отца. Он сказал, что все будет хорошо, что ей не нужно бояться смерти.

Подобное я неоднократно слышал от пациентов – рассудок всячески старается примириться с пугающей мыслью о смерти.

– Замечательный сон! – воскликнул я.

– Но самое удивительное, доктор Александер, это во что он был одет!

Представьте, на нем была желтая рубашка и фетровая шляпа.

– Выходит, в раю без формальностей относятся к одежде, – добродушно заметил я.

– Не в этом дело, – сказала Сьюзен. – Понимаете, в самом начале нашего знакомства я подарила Джорджу желтую рубашку и фетровую шляпу, и он с удовольствием их носил. Но во время свадебного путешествия наш багаж пропал, а с ним и эти вещи. Джордж знал, как он мне нравится в этой желтой рубашке, но мы не стали покупать новые рубашку и шляпу.

– Значит, вы рассказывали Кристине об этой замечательной рубашке и шляпе, о том, как вы познакомились.

– Нет, – усмехнулась она. – В этом-то и чудо. История с этими вещами была нашей маленькой тайной, мы считали, что она может показаться смешной, поэтому никому, в том числе и Кристине, никогда о них не рассказывали, понимаете, никогда! Видите ли, Кристина очень боялась смерти, а теперь она знает, что ей нечего бояться, совершенно нечего!

Сон Кристины, как я обнаружил во время чтения книг об ОКС, был одним из множества вариантов снов, приносящих утешение тяжелобольным. Но когда происходил этот разговор, у меня еще не было личного опыта клинической смерти, и я ни минуты не сомневался в том, что сон этот – результат фантазии, вызванной тяжелыми переживаниями. За время врачебной карьеры мне доводилось иметь дело с большим числом пациентов, которые пережили необычный опыт, находясь в коме или на операционном столе. И когда кто-либо из них рассказывал о переживаниях, напоминающих сон Кристины, я всегда выказывал полное сочувствие и понимание. И был уверен, что эти переживания действительно имели место – в их воображении.

Из всех наших органов мозг – самый сложный и своеобразный. Стоит только проникнуть в мозг или немного уменьшить количество поступающего в него кислорода, как его обладатель почувствует некий сдвиг реальности. Точнее, изменится его личное ощущение реальности. После любой черепно-мозговой травмы и приема соответствующих медикаментов пациент – если он благополучно выкарабкается – наверняка поделится своими весьма необычными воспоминаниями об ОКС. Когда мозг поражен опаснейшей бактериальной инфекцией, а назначенные ему сильные медикаменты изменяют сознание, может произойти все что угодно. Все что угодно – кроме невероятно реального опыта, который я пережил в коме.

И вдруг меня осенила догадка: в то утро Сьюзен звонила мне вовсе не для того, чтобы я ее успокоил. Это она старалась успокоить меня. Но я не понял ее. Я думал, что оказываю ей дружескую услугу, притворяясь, что верю ее рассказу, но она и не нуждалась в ней!

Вспоминая теперь об этом разговоре и о многих ему подобных, я понял, какой длинный путь мне предстоит преодолеть, чтобы убедить коллег-врачей в том, что пережитое мной было в действительности.

Глава 31

Три лагеря

Я утверждаю, что загадка человека неправдоподобно сужена научным редуccionизмом с его претензиями на «перспективный материализм», который якобы объясняет существование духовного мира в категории шаблонов активности нейронов. Такого рода вера должна быть трактована как предрассудок. Мы должны признать, что мы духовные существа, принадлежащие духовному миру, и одновременно материальные существа, обладающие принадлежащими материальному миру телами.

Джон Кэрю Эклс (1903-1997)

Что касается отношения к ОКС, то существует три основных лагеря. В первый входят те, кто в него верит: либо сами пережившие ОКС, либо легко принимающие его на веру. Затем, разумеется, следует лагерь тех, кто у*censored* не верит в таковой опыт (как и я раньше). Однако они не относят себя к скептикам. Просто они знают, что сознание генерируется мозгом, и никогда не поверят безумной идее о существовании сознания вне тела (правда, по доброте душевной они готовы с ней согласиться, как это сделал я, полагая, что этим хотя бы немного утешу Сьюзен).

И есть средняя группа. В нее входят люди, которые знают об ОКС либо из книг, либо имеют друзей или родственников, переживших данный опыт. Моя история может помочь именно тем, кто входит в эту среднюю группу. Ведь весть о реальности ОКС способна изменить жизнь. Но когда человек, потенциально способный воспринять ОКС, обращается к врачу или ученому – то есть к людям, которые в нашем обществе являются признанными авторитетами по части реальности и нереальности каких-либо явлений, – те тоже часто говорят, мягко, но твердо, что ОКС – это фантазии: всего лишь результат борьбы мозга за жизнь.

Как врач, профессионал, лично переживший этот опыт, я мог рассказать совершенно иное. И чем больше я об этом размышлял, тем больше понимал, что сделать это – мой долг.

Я перебирал одну за другой гипотезы, которые мои коллеги – а раньше и я сам – могли бы предложить в качестве объяснения пережитого мной. (Более

подробно с гипотезами нейрофизиологов можно ознакомиться в Приложении Б.)

Был ли мой опыт следствием программы стволового отдела мозга, предназначенной облегчить сильную боль и страдания, – возможно, пережитком тактики «ложной смерти», к которой прибегают низшие млекопитающие? Это предположение я отмел сразу. Совершенно невероятно, чтобы наиболее древние и примитивные части мозга могли породить мой опыт со столь ярко выраженным зрительным и слуховым восприятием окружающего и с высочайшей степенью усвоения преподанных мне знаний.

Было ли это искаженной «памятью» древних частей кортекса – лимбической системы, которая питает эмоциональное восприятие? Опять же нет – без функционирующего неокортекса лимбическая система не дает такого ясного и логического понимания.

Мог ли мой опыт быть своего рода психоделическими галлюцинациями, вызванными введением в организм транквилизаторов и прочих лекарственных препаратов? Тоже нет, поскольку эти лекарства воздействуют на неокортекс. А нефункционирующий неокортекс не в состоянии реагировать на медикаменты.

Но, может быть, мой опыт был порождением парадоксального сна? Так называется стадия сна с быстрым движением глазных яблок под сомкнутыми веками, во время которой человек видит сны, обусловленные взаимодействием нейротрансмиттеров, например серотонина, с рецепторами неокортекса. И снова нет! Это возможно только при здоровом, действующем неокортексе, а у меня он не функционировал.

Или это было воздействие диметилтриптамина? Шишковидная железа, реагируя на ощутимую угрозу для мозга, выделяет сильнодействующее психоактивное вещество диметилтриптамин (ДМТ). Его структура аналогична структуре серотонина и может породить крайне интенсивное психоделическое состояние. Лично я никогда не испытывал на себе воздействие ДМТ, но не вижу смысла спорить с теми, кто говорит, что этот алкалоид способен вызывать мощные галлюцинации; они искренне убеждены в своем понимании истинной природы нашего земного сознания и действительности.

Так или иначе, но факт остается фактом: та часть мозга, на которую воздействует ДМТ (неокортекс), в моем случае отсутствовала, то есть не функционировала. И гипотеза с ДМТ тоже не может наверняка объяснить мой опыт, как и другие, и по той же причине. Галлюциногены воздействуют на неокортекс, а мой отключившийся неокортекс был неподвластен какому-

либо воздействию.

В качестве последней я рассматривал гипотезу феномена перезагрузки. Она объяснила бы произошедшее со мной как беспорядочное нагромождение разрозненных воспоминаний и мыслей, отложившихся в коре головного мозга еще до того, как она окончательно перестала действовать. Подобно запущенному снова компьютеру, который сохраняет часть данных после системного повреждения, мозг, как умел, собрал мой опыт из этих остатков. «Перезагрузка» могла произойти во время восстановления функций неокортекса после продолжительной «поломки», вызванной острым менингитом. Но и это представляется маловероятным, принимая во внимание сложность и интерактивность моих предельно ярких и отчетливых воспоминаний.

Поскольку я очень живо переживал нелинейную природу времени в духовном мире, теперь мне ясно, почему описания духовного измерения зачастую кажутся искаженными или просто бессмысленными с земной точки зрения. В отличие от земной действительности в высшем мире события не следуют друг за другом, а происходят в одном временном пространстве. Одно мгновение ощущается как целая жизнь, и наоборот. Но, несмотря на это, время там не спутано. И мои впечатления о проведенном в коме времени весьма отчетливы. Самыми мощными связующими с земной жизнью звеньями были контакты со Сьюзен Рейнтъес, которые она устанавливала со мной в четвертую и пятую ночи моего пребывания в больнице, и те шесть лиц, возникших передо мной ближе к концу моего путешествия. Любое другое подобие временного совпадения событий земных и внеземных можно считать чисто предположительным!

Чем больше я узнавал о своем состоянии и пытался с помощью изучения современной научной литературы его объяснить, тем острее чувствовал беспомощность. Абсолютно все – невероятная реальность картин, ясность мышления, напоминающие умозрительный поток, – предполагало функционирование новой коры, что у меня отсутствовало!

Вместе с тем, знакомясь с так называемым научным объяснением феномена ОКС, я поражаюсь его очевидной уязвимости. И с грустью понимал, что раньше и сам указал бы на это.

Но от людей, не обладающих профессиональными медицинскими знаниями, вообще невозможно требовать каких-либо объяснений. Если бы опыт, подобный моему, пережил человек в медицинской науке несведущий, это было бы достаточно интересно, но и только. Однако то, что это произошло именно со мной... Сказать, что это случилось не просто так, было бы слишком самоуверенно. И все-таки, когда я подытожил множество

моментов, отличающих мой опыт от опыта других, – особенно глубину поражения новой коры, а затем полное ее восстановление, – мне пришлось осознать, что все это действительно случилось со мной неспроста.

Одна эта мысль заставила меня стремиться как можно более полно и ответственно выполнить свой долг перед людьми.

Я всегда считал для себя делом чести быть в курсе последних достижений в области нейрохирургии и по возможности привнести в нее свой вклад. То, что я был перенесен из этого мира в другой, высший мир, – воистину медицинское открытие, и, вернувшись назад, я не собираюсь преуменьшать его значение.

С медицинской точки зрения мое полное выздоровление представлялось совершенно невозможным и явилось настоящим чудом. Но главное – это то, где я побывал, и я обязан рассказать об этом не только как ученый, глубоко уважающий науку, но и как врач. История – истинная история – может вылечить точно так же, как и медицина. Сьюзен это знала, когда позвонила мне на работу и рассказала про сон дочери. Да и сам я лично испытал это на себе, когда установил отношения со своей биологической семьей. Это явилось целительным событием для меня. Так каким же целителем буду я, если не поделюсь своим опытом?

Через два с небольшим года после возвращения из комы я посетил своего близкого друга и коллегу, руководителя одного из известных научных учреждений по нейрофизиологии. Мы знакомы с Джоном (это имя вымышленное) уже много лет. Он прекрасный человек и блестящий ученый.

Я поделился с ним кое-какими подробностями своего духовного путешествия в состоянии глубокой комы, и он не смог скрыть глубокого изумления – но не моим восторженным рассказом. Просто казалось, что он наконец-то понял то, что долгое время оставалось для него загадкой.

Дело в том, что примерно год назад его отец умирал от болезни, которой страдал на протяжении пяти лет. К слабоумию и полной неспособности добавились сильные боли.

– Прошу тебя, – умолял Джона отец, – дай мне какие-нибудь таблетки, чтобы я умер, я больше не в силах это выносить.

А потом вдруг впервые за последние два года взгляд его стал ясным и осмысленным, и он совершенно здраво заговорил о своей жизни и семье. Затем он перевел взгляд к изножью кровати и начал разговаривать... с воздухом. Слушая его, Джон понял, что отец обращается к своей матери, умершей шестьдесят пять лет назад, когда он был еще подростком. Отец редко ее вспоминал, но в тот момент радостно с нею разговаривал. Джон не видел ее, но был абсолютно уверен, что в комнате находился ее дух,

приглашающий отца в духовный дом.

Через несколько минут отец снова посмотрел на Джона. Его взгляд на этот раз был совершенно иным. В нем не было и тени тревоги, напротив, он был полон радости и умиротворения – Джон не мог вспомнить, когда видел отца таким.

– Ты отдохни, папа, поспи, – услышал Джон свой голос. – Не волнуйся, все хорошо.

Отец так и сделал – закрыл глаза и спокойно уснул. Так он и скончался – во сне.

Джон чувствовал, что встреча отца с душой давно умершей бабушки была совершенно реальной, но не знал, как это расценить, поскольку, будучи медиком, считал это невозможным.

Многие люди наблюдали эту поразительную ясность ума, которая часто нисходит на страдающих слабоумием старых людей незадолго до кончины – феномен под названием предсмертное прояснение рассудка. Этому феномену не было научного объяснения. Моя история дала Джону право, которого он давно жаждал, – право поверить в то, что он видел собственными глазами, и осознать глубочайшую и утешительную истину: наша вечная духовная сущность более реальна, чем все, что мы воспринимаем в физической реальности, и она божественно связана с бесконечной любовью Создателя.

Глава 32

Посещение церкви

Жить можно двояко. Либо так, будто ничего в этом мире не является чудом, либо так, будто все является чудом.

Альберт Эйнштейн

Я не посещал церковь до декабря 2008 года, пока Холли не уговорила меня пойти на службу во второе воскресенье рождественского поста. Я был еще слаб, худ и не очень уверен в себе. Мы сидели в первом ряду. В тот день службу вел Майкл Салливан. Он подошел и попросил меня зажечь свечу в рождественском венке. Мне не хотелось напрягаться, но что-то велело мне сделать усилие и преодолеть слабость. Я встал, оперся о медный столбик и вдруг с неожиданной легкостью пошел вперед.

Я живо помнил о пребывании вне тела и сейчас, оказавшись в церкви, куда раньше меня особо не влекло, видел картины и слышал музыку, вызвавшие испытанные уже ощущения. Низкие ритмичные песнопения сотрясали

мрачную Страну Червяка. Мозаичные окна с ангелами в облаках напоминали небесную красоту Врат. Изображение Иисуса, преломляющего хлеб со своими учениками, вызывало светлое ощущение причащения к Средоточию. Я вздрогнул, вспомнив блаженство бесконечной безоговорочной любви, которую познал в высшем мире.

Наконец-то я понял, что такое истинная вера. Или, по крайней мере, какой она должна быть. Я не просто верил в Бога; я знал Ома. И я медленно направился к алтарю, чтобы причаститься, и не мог удержать слез.

Глава 33

Тайна сознания

Для отыскания истины необходимо раз в жизни, насколько это возможно, поставить все под сомнение.

Рене Декарт (1596 -1650)

Понадобилось около двух месяцев, чтобы ко мне окончательно вернулись все мои научные и практические знания. Безусловно, сам факт их возвращения является настоящим чудом. До сих пор в медицинской практике нет аналога моему случаю: чтобы мозг, длительный период находившийся под мощным разрушительным действием грамотрицательной бактерии *E. coli*, полностью восстановил все свои функции. Так вот, опираясь на вновь обретенные знания, я пытался осмыслить глубокое противоречие между всем, что я усвоил за сорок лет учебы и практики о человеческом мозге, о Вселенной и о формировании представления о действительности, и тем, что испытал за семь дней коматозного состояния. До внезапного заболевания я был обыкновенным врачом, работавшим в самых престижных научных институтах мира и пытавшимся понять взаимосвязь между мозгом и сознанием. Не то чтобы я не верил в сознание. Просто я больше других понимал маловероятность того, что оно существует независимо от мозга и вообще от всего!

В 1920-х годах физик Вернер Гейзенберг и другие основатели квантовой механики, изучая атом, совершили настолько необычное открытие, что мир до сих пор пытается его осмыслить. А именно: во время научного эксперимента между наблюдателем и наблюдаемым объектом возникает попеременное действие, то есть связь, и невозможно отделить наблюдателя (то есть ученого) от того, что он видит. В повседневной жизни мы не учитываем этот фактор. Для нас Вселенная наполнена бесчисленным

множеством изолированных, отдельных объектов (например, столов и стульев, людей и планет), которые так или иначе взаимодействуют друг с другом, но при этом остаются, по сути, обособленными. Однако, если смотреть с точки зрения квантовой теории, эта вселенная обособленно существующих предметов оказывается полной иллюзией. В мире микроскопических частиц каждый объект физической вселенной в конечном счете связан со всеми другими объектами. Фактически в мире нет никаких объектов – только энергетические вибрации и взаимодействия.

Смысл этого очевиден, хотя и не для всех. Без привлечения сознания невозможно было заниматься изучением самой сути Вселенной. Сознание вовсе не является второстепенным продуктом физических процессов (как я думал до моего опыта) и не просто реально существует – оно даже более реально, чем все остальные физические объекты, но – вполне вероятно – является их основой. Однако эти взгляды еще не легли в основу представлений ученых о действительности. Многие из них пытаются это сделать, но пока еще не построена объединенная физико-математическая «теория всего», которая совмещала бы законы квантовой механики с законами теории относительности таким образом, чтобы она включала и сознание.

Все объекты физической Вселенной состоят из атомов. Атомы состоят из протонов, электронов и нейтронов. Те, в свою очередь (как установили физики в начале XX века), состоят из микрочастиц. А микрочастицы состоят из... По правде говоря, пока физики не знают точно, из чего они состоят. Зато точно знают, что во Вселенной каждая частица связана с другой. Все они взаимосвязаны на самом глубоком уровне.

До ОКС я имел самое общее представление об этих научных идеях. Жизнь моя текла в обстановке современного города с плотным автомобильным движением и многонаселенными жилыми кварталами, в напряженной работе у операционного стола и тревоге за пациентов. Так что, даже если эти факты атомной физики и были достоверными, они никак не отражались на моей повседневной жизни.

Но когда я вырвался из своего физического тела, мне полностью открылась глубочайшая взаимосвязь между всем существующим во Вселенной. Я даже считаю себя вправе сказать, что, находясь во Вратах и в Средоточии, «творил науку», хотя в то время я, конечно, об этом не думал. Науку, которая основывается на самом точном и сложном инструменте научного познания, которым мы располагаем, а именно на сознании как таковом.

Чем более я размышлял над своим опытом, тем больше убеждался в том,

что мое открытие было не просто интересным и захватывающим. Оно было научным. Представление моих собеседников относительно сознания было двух типов: одни считали его величайшей загадкой для науки, другие вообще не видели здесь проблемы. Удивительно, какое множество ученых придерживается последней точки зрения. Они полагают, что сознание – всего лишь продукт происходящих в мозге биологических процессов. Кто-то идет еще дальше, утверждая, что оно не только вторично, но что его попросту не существует. Однако с ними не согласятся многие передовые ученые, занимающиеся философией сознания. За последние десятилетия им пришлось признать наличие «трудной проблемы сознания». Первым свою идею о «трудной проблеме сознания» изложил в блестящей работе 1996 года «Сознающий ум» Дэвид Чалмерс. «Трудная проблема сознания» затрагивает само существование ментального опыта и может быть кратко выражена в следующих вопросах:

Как связаны сознание и функционирующий мозг?

Как сознание соотносится с поведением?

Как чувственный опыт соотносится с реальной действительностью?

Вопросы эти настолько сложны, что, по мнению некоторых мыслителей, современная наука не в силах дать на них ответ. Однако от этого проблема сознания не становится менее важной – понять природу сознания означает понять смысл его невероятно серьезной роли во Вселенной.

За последние четыреста лет главная роль в познании мира отводилась науке, изучавшей исключительно физическую сторону вещей и явлений. И это привело к тому, что мы утратили интерес и подходы к глубочайшей загадке основы существования – к нашему сознанию. Многие ученые утверждают, что древние религии прекрасно понимали природу сознания и тщательно оберегали эти знания от непосвященных. Но наша светская культура в своем преклонении перед силой современной науки и технологиями пренебрегла драгоценным опытом прошлого.

За прогресс западной цивилизации человечество заплатило огромную цену в виде утраты самой основы существования – нашего духа. Величайшие научные открытия и высокие технологии привели к катастрофическим последствиям, каковыми являются современные военные стратегии, бессмысленные убийства людей и самоубийства, больные города, экологический вред, резкое изменение климата, неправильное использование экономических ресурсов. Все это ужасно. Но еще хуже то, что исключительное значение, которое мы придаем стремительному развитию науки и техники, отнимает у нас смысл и радость жизни, лишает нас возможности понять нашу роль в великом замысле всего мироздания.

Трудно ответить на вопросы, касающиеся души, потусторонней жизни, реинкарнации, Бога и Рая, используя общепринятые научные термины. Ведь наука считает, что всего этого попросту нет. Точно так же упрямо не поддаются разгадке при помощи «стандартных» научных методов такие феномены сознания, как видение на расстоянии, экстрасенсорное восприятие, телекинез, ясновидение, телепатия и предвидение. До комы я и сам сомневался в достоверности этих феноменов, поскольку никогда не испытывал их лично, а мое упрощенное научное мировоззрение не могло дать им объяснение.

Как и другие ученые-скептики, я отказывался даже рассматривать информацию об этих феноменах – из-за стойкого предубеждения против самой информации и тех, от кого она исходила. Мои ограниченные взгляды не позволяли мне уловить даже слабый намек на то, как могли происходить эти вещи. Несмотря на огромное количество свидетельств феномена расширенного сознания, скептики отрицают их доказательную природу и намеренно их игнорируют. Они уверены, что обладают истинным знанием, так что им нет нужды принимать во внимание подобные факты.

Для тех, кто до сих пор находится в западне научного скептицизма, я рекомендую книгу «Несоискратимый разум: к психологии XXI века» [3 - Irreducible Mind: Toward a Psychology for the 21st Century.], опубликованную в 2007 году. В этом научном труде прекрасно представлены доказательства существования сознания вне физического тела человека. «Несоискратимый разум» – результат выдающейся работы, выполненной группой профессионалов Вирджинского университета, занимающихся изучением чувственного восприятия. Авторы представили исчерпывающие сведения, касающиеся этой темы, и пришли к неизбежному выводу: этот феномен реален, и для того, чтобы понять действительность нашего существования, необходимо понять его природу.

Нас соблазняет мысль о том, что научное познание мира стремительно приближается к созданию объединенной физико-математической теории, объясняющей все известные фундаментальные взаимодействия, в которой нет места для нашей души, духа, Рая и Бога. Мое путешествие во время комы из земного физического мира в высшие сферы обитания Всемогущего Создателя обнажило невероятно глубокую пропасть между человеческим знанием и внушающим благоговением царством Божиим.

Сознание настолько привычно и неотъемлемо связано с нашим существованием, что до сих пор остается непостижимым для человеческого ума. В физике материального мира (в кварках, электронах, фотонах, атомах и т. д.) и особенно в сложной структуре мозга нет ничего, что дало бы нам хоть

малейший намек на природу сознания.

Важнейшим ключом к пониманию реальности духовного мира является разгадка глубочайшей тайны нашего сознания. Эта тайна до сих пор не поддается усилиям физиков и нейробиологов, а потому остается непознанной и глубинная взаимосвязь между сознанием и квантовой механикой, то есть всем физическим миром.

Чтобы познать Вселенную, необходимо признать фундаментальную роль сознания в представлении о действительности. Эксперименты в квантовой механике поразили блестящих основоположников этой области физики, многие из которых (достаточно назвать Вернера Гейзенберга, Вольфганга Паули, Нильса Бора, Эрвина Шредингера, сэра Джеймса Джинса) в поисках ответа обратились к мистическому взгляду на мир.

Что же касается меня, то за пределами физического мира мне открылись неопишуемая громадность и сложность Вселенной, а также неоспоримый факт, что в основе всего существующего лежит сознание. Я был настолько слит с ним, что зачастую не чувствовал различия между моим «я» и миром, в котором перемещался. Если бы мне пришлось кратко описать мои открытия, то, во-первых, я отметил бы, что Вселенная неизмеримо больше, чем это кажется, когда мы смотрим на непосредственно видимые объекты. Это, конечно, не новость, поскольку традиционная наука признает, что 96 процентов Вселенной представляют собой «темную материю и энергию». Что такое эти темные структуры? [4 - 70 процентов – это «темная энергия». Эту таинственную силу астрономы обнаружили в середине 90-х годов прошлого века, когда нашли неопровержимое доказательство, основанное на сверхновых звездах типа 1a, за последние пять миллиардов лет наполнявших Вселенную, – что расширение космоса ускоряется. Другие 26 процентов – «темное вещество» с аномальным гравитационным эффектом, обнаруженное за последние десятилетия в галактических скоплениях. Объяснение будет найдено, но загадочность никогда не пройдет. (Примеч. авт.)] Пока никому точно не известно. Мой же опыт уникален тем, что я мгновенно усвоил не выраженное словами знание о ведущей роли сознания, или духа. И знание это было не теоретическим, а фактическим, захватывающим и ощутимым, как дуновение холодного ветра на лице. Во-вторых, все мы чрезвычайно сложным и неразрывным образом связаны с громадной Вселенной. Она – наш настоящий дом. И придавать основное значение физическому миру – это все равно что закрыться в тесном шкафу и воображать, что за его дверцами ничего нет. И в-третьих, ключевую роль в понимании первичности сознания и вторичности материи играет вера. Еще студентом-медиком я часто поражался силе плацебо. Нам объясняли, что примерно 30 процентов пользы

медикаментов следует отнести к вере пациента в то, что они ему помогут, даже если это совершенно инертные препараты. Вместо того чтобы видеть в этом скрытую силу веры и понимать ее влияние на наше здоровье, врачи видели стакан «наполовину пустым», то есть считали плацебо помехой в определении пользы исследуемого медицинского средства.

В центре загадки квантовой механики лежит ложное представление о нашем месте в пространстве и времени. Остальная часть Вселенной, то есть громаднейшая ее часть, на самом деле не удалена от нас в пространстве. Да, физическое пространство кажется реальным, но вместе с тем имеет свои пределы. Размеры физической Вселенной – ничто по сравнению с духовным миром, породившим ее, – миром сознания (который можно назвать силой любви).

Эта другая вселенная, необозримо превышающая физическую, вовсе не отделена от нас далекими пространствами, как нам кажется. На самом деле все мы находимся в ней – я в своем городе, печатающий эти строки, и вы у себя дома, читающие их. Она не отдалена от нас в физическом смысле, а просто существует на другой частоте. Мы не осознаем этого, потому что большинству из нас недоступна частота, на которой она обнаруживает себя. Мы существуем в масштабах привычного времени и пространства, пределы которых определяются несовершенством нашего чувственного восприятия действительности, которому недоступны иные масштабы.

Древние греки поняли это давным-давно, и я всего лишь открыл то, что они уже определили: «Объясняй подобное подобным». Вселенная устроена таким образом, что для истинного понимания любого из ее измерений и уровней необходимо стать частью этого измерения. Или, выражаясь точнее, нужно осознать свою идентичность той части Вселенной, к которой ты уже принадлежишь, о чем и не подозреваешь.

Вселенная не имеет ни начала, ни конца, и Бог (Ом) присутствует в каждой ее частице. Большинство рассуждений о Боге и высшем духовном мире низводит их на наш уровень, а не возносит наше сознание на их высоту. Наше несовершенное толкование искажает их истинную сущность, достойную благоговения.

Но хотя существование Вселенной вечно и бесконечно, оно имеет пунктуационные моменты, предназначенные вызвать людей к жизни и дать им возможность участвовать в славе Божьей. Большой взрыв, положивший начало нашей Вселенной, был одной из таких «пунктуационных отметок». Ом смотрел на это извне, охватывая своим взором все, Им созданное, недоступное даже моему масштабному видению в высших мирах. Видеть там означало знать. Там не было различия между чувственным восприятием

предметов и явлений и пониманием их сути.

«Я был слеп, но теперь прозрел» – эта фраза приобрела для меня новый смысл, когда я понял, до чего же мы, земляне, слепы к творческой природе духовной вселенной. Особенно те из нас (к ним раньше принадлежал и я), которые уверены, что главное – это материя, все же остальное – мысли, сознание, идеи, эмоции, дух – лишь ее производное.

Это откровение буквально окрылило меня, оно дало мне возможность увидеть беспредельные высоты духовного единства и того, что ждет всех нас, когда мы выйдем за пределы нашего физического тела.

Юмор. Ирония, Пафос. Я всегда думал, что люди выработали у себя эти качества, чтобы выжить в зачастую трудном и несправедливом земном мире. Отчасти это действительно так. Но вместе с тем они даруют нам понимание истины, что, как бы тяжело ни приходилось нам в этом мире, страдания не затронут нас как духовных существ. Смех и ирония напоминают нам, что мы не являемся пленниками этого мира, а только проходим через него, как через дремучий и полный опасности лес.

Еще один аспект благой вести заключается в том, что для того, чтобы заглянуть за таинственную завесу, человеку вовсе не обязательно оказаться на грани между жизнью и смертью. Просто нужно читать книги и посещать лекции, посвященные духовной жизни, а в конце дня с помощью молитвы или медитации погрузиться в наше подсознание, чтобы получить доступ к высшим истинам.

Медитация проходит в различных формах. После комы мне больше всего подошла методика, разработанная Робертом Монро, основателем института Монро в Фабере, Вирджиния. Приятно отметить ее свободу от всех догматических философий. Единственная догма, связанная с системой медитативных упражнений Монро, – это фраза «Я больше, чем мое физическое тело». Ее глубокий смысл имеет огромное значение.

В 1950-х годах Роберт Монро был успешным продюсером нью-йоркского радио. Изучая способ лечения бессонницы при помощи аудиозаписей, он начал испытывать выходы из тела. Итогом его сорокалетних исследований стала основанная на действии звуковых волн мощная технология, позволяющая углубить изучение сознания, которую он назвал Хемисинк [5 - Хемисинк (Hemi-Sync, полусферическая синхронизация) – торговая марка технологии, основанной на синхронизации частот работы полушарий мозга с помощью звуковых волн. (Примеч. пер.)].

Вызывая состояние расслабления, хемисинк может повысить творческую активность и восприимчивость к обучению, но не только. Технология хемисинка позволяет вызвать измененное состояние сознания на базе

глубокой медитации, дальновидение, интуицию, телепатию и внетелесные переживания. Метод основан на физике резонансных взаимодействий звуковых волн определенной частоты с электромагнитными волнами в мозге, их влиянии на чувственную и поведенческую психологию сознания и на фундаментальную физиологию мозга и сознания.

Технология хемисинк предусматривает подачу на каждое ухо акустических сигналов различных частот, вызывая синхронную активность электромагнитных волн в обоих полушариях. Мозг производит наложение друг на друга двух разных сигналов, поступающих из наушников или стереодинамиков, что дает третью, «разностную», частоту, слышимую как бинауральные биения или бинауральные ритмы. Люди приобрели способность воспринимать эти биения в результате эволюционной адаптации, унаследовав ее от животных, которым это свойство позволяет определить местонахождение относительно друг друга. Используя древнюю, но очень точную систему отсчета времени, расположенную в стволе мозга, позволяющую определить источник звука, эти биения включают ретикулярную активирующую систему, которая постоянно передает синхронизирующий сигнал в таламус и кортекс, пробуждающие сознание. Эти сигналы вызывают синхронность колебаний электромагнитных волн мозга. Бинауральные биения в дельта- (1 – 4 герц) и тета-диапазонах (4 – 8) связываются с состоянием расслабления, медитации и творчества и используются как средства, помогающие уснуть. Биения с частотой альфа-волн (8 – 12 герц) соответствуют состоянию спокойного бодрствования; а ритмы бета-диапазона (16 – 25 герц) повышают сосредоточенность, бодрствование и улучшают память.

Я обратился к технологии хемисинк, стремясь понять пережитое мной во время комы. Она способна отключать фильтрующие функции мозга наподобие того, что происходило с ним вследствие менингита, и тем самым высвобождать внетелесное сознание. Думаю, хемисинк позволил мне возвратиться в высший мир, который я посетил во время комы. Но точно так же, как в моих детских снах о полетах, доступ в этот мир открывался только в том случае, если я не проявлял усилия воли, слишком страстного стремления.

Эпитет «всезнающий» представляется мне некорректным, ибо вызывающую благоговейный восторг созидательную силу, которую я ощущал, невозможно определить словами. Я понял интуитивную справедливость требований некоторых религий не называть и не изображать Бога и его пророков, потому что истинную сущность Ома абсолютно невозможно описать словами или иными средствами.

Как мое сознание было индивидуальным и вместе с тем неотделимым от Вселенной, точно так же оно то суживалось, то расширялось, охватывая все сущее во Вселенной. Границы между моим сознанием и окружающей реальностью становились порой настолько зыбкими и расплывчатыми, что я сам становился вселенной. Иначе это можно выразить так: временами я ощущал свою полную идентичность со Вселенной, что была неотъемлема от меня, но которую я до тех пор не понимал.

Для объяснения состояния сознания на этом глубинном уровне я часто прибегаю к сравнению с куриным яйцом. Во время пребывания в Средоточии, когда я оказался один со Светящимся шаром и всей невероятно грандиозной Вселенной и в конце концов остался наедине с Богом, я отчетливо ощущал, что Он, как созидающий изначальный аспект, сравним со скорлупой вокруг содержимого яйца, которые сокровенно связаны (как наше сознание является прямым продолжением Бога), и все-таки бесконечно выше абсолютной идентификации с сознанием его создания. Даже когда мое «я» слилось со всем и с вечностью, я чувствовал, что не могу стать полностью слитным с творческим началом созидателя всего сущего. За самым глубоким и проникновенным единством все равно ощущалась двойственность. Возможно, столь ощутимая двойственность является следствием стремления возратить расширенное сознание в границы нашей земной реальности.

Я не слышал голос Ома, не видел его облик. Казалось, Ом беседует со мной посредством мыслей, которые, подобно волнам, прокатывали сквозь меня, вызывали вибрации в окружающем мире и доказывали, что существует более тонкая ткань существования – ткань, частью которой являемся все мы, но которую мы обычно не осознаем.

Так общался ли я непосредственно с Богом? Безусловно. Звучит претенциозно, но тогда мне это не казалось таковым. Я чувствовал, что общаться с Богом способна душа любого человеческого существа, покинувшая свое тело, и что все мы способны жить праведно, если будем молиться или прибегать к медитации. Невозможно себе представить что-либо более возвышенное и священное, чем общение с Богом, и вместе с тем это самый естественный акт, ибо Бог всегда с нами. Всеведущий, всемогущий и любящий нас без каких-либо условий и оговорок. Все мы связаны воедино священной связью с Богом.

Глава 34

Решающая дилемма

Я должен отказаться от того, кто я есть, чтобы стать тем, кем я должен быть.

Альберт Эйнштейн

С молодых лет моим идиолом в науке был Эйнштейн, и больше всего мне нравился его афоризм, приведенный выше. Но только теперь я понял его глубокий смысл. Может показаться диким, но каждый раз, когда я рассказывал мою историю кому-нибудь из ученых-коллег, по его настороженному или возмущенному взгляду я понимал, что мой опыт имеет настоящую ценность для науки. Что он открывает перед учеными абсолютно новый мир, целую вселенную, которую им только предстоит понять. И смысл этого открытия заключается в том, что сознание – единственная важнейшая реальность во всем сущем.

Однако одно характерное для ОКС событие мне не довелось пережить. Точнее, даже несколько событий, и все они группируются вокруг одного факта.

Дело в том, что, оставив тело, я целиком забыл о своей земной жизни и о том, кем прежде был.

Хотя вообще-то не бывает абсолютно похожих ОКС, с самого начала изучения посвященной этой проблеме литературы я отметил довольно обширный перечень типичных характеристик. Одна из них – встреча с умершими, которых человек знал в земной жизни. Со мной такого не было. Но это меня не очень беспокоило, поскольку я уже понял, что именно отсутствие воспоминаний о земной жизни позволило мне проникнуть «внутри» намного глубже других. Так что жаловаться не приходится. Но с одним человеком я увиделся бы там с особым удовольствием. Я говорю про своего отца, который умер за четыре года до моего внезапного заболевания. А поскольку он знал, как тяжело я переживал, что из-за семи долгих лет депрессии не достиг в науке его уровня, то почему бы ему не встретить меня там и не успокоить: мол, все хорошо, мой мальчик? Ведь обычно люди, пережившие ОКС, после встречи с умершими родственниками и друзьями испытывали огромное облегчение и душевный покой. Мне тоже страстно хотелось этого успокоения и поддержки, но я их не получил.

Это, однако, не означает, что я вообще не получил утешения. Его подарил мне Девушка на Крыле Бабочки. Но хотя эта девушка была прекрасной и кроткой, как ангел, я ее не знал. Поскольку я видел ее каждый раз, когда летел над идиллической долиной на крыле бабочки, я хорошо запомнил ее лицо, а потому точно знаю, что никогда ее не встречал, во всяком случае, на Земле. В то время как для переживших ОКС характерны встречи именно с

земными друзьями или родственниками.

Я старался об этом не думать. И все-таки отсутствие столь важной встречи вносило элемент недосказанности в осмысление происшедшего со мной.

Опять же не хочу сказать, что я сомневался в своем опыте внетелесной жизни. Это было невозможно; с таким же успехом я мог бы сомневаться в моем браке с Холли или в любви к своим детям. Но то, что в путешествии в высшие сферы я не встретил своего отца, хотя познакомился с неизвестной мне прекрасной спутницей, продолжало меня тревожить. Поскольку я очень любил свою семью и тяжело переживал отказ от меня родных отца и матери, меня мучил вопрос: почему мне не дано было получить чрезвычайно важное для меня уверение в том, что я любим, что от меня никогда не откажутся, от человека, которого я знал, уважал и бесконечно любил, – от моего отца?

Ибо в глубине души я почти всю свою жизнь чувствовал себя ненужным – несмотря на все старания приемных родителей залечить эту рану своей любовью. Папа всегда советовал мне не думать о том, что было со мной до того, как они с мамой выбрали меня в детском доме. «Все равно ты не помнишь эти первые месяцы своей жизни», – говорил он. Но он ошибался. ОКС убедил меня, что в нас есть скрытая часть, где фиксируются все подробности нашей земной жизни, начиная с самых первых минут рождения. Поэтому на интуитивном бессловесном уровне я все время ощущал себя ненужным, брошенным и пытался об этом забыть.

Так как этот вопрос оставался открытым, голос тревоги не умолкал. Он вкрадчиво и назойливо твердил мне, что при всем совершенстве и чудодейственности моего ОКС в нем чего-то недоставало.

По сути дела, отчасти я все еще сомневался в достоверности моего поразительно реального опыта глубокой комы, а значит, и в действительном существовании иного мира. Этот тихий, но настойчивый голос начинал угрожать моему новому взгляду на жизнь, который я медленно осваивал.

Глава 35

Фотография

Умение быть благодарным – не только величайшая из добродетелей, но и источник всех остальных добродетелей.

Цицерон (106-43 до н. э.)

Через четыре месяца после выписки из больницы моя родная сестра Кэтти наконец прислала фото Бетси. Я был в спальне, откуда и началась моя

одиссея. Достав из большого конверта рамку с цветной фотографией, я увидел сестру. Как потом выяснилось, она снималась у пристани парома на острове Бальбоа, недалеко от ее дома в Южной Калифорнии, на фоне прекрасного заката. У нее были длинные каштановые волосы и темно-синие глаза. Ее любящая и добрая улыбка, казалось, пронзила меня, отчего на сердце сразу стало и горько и радостно.

Кэтти приложила к фото стихи. Они были написаны Дэвидом Романо в 1993 году и назывались «Когда настанет завтра без меня».

Когда настанет завтра без меня,
Меня уже не будет, чтобы видеть,
Застанет ли тебя рассвет в слезах,
В печали обо мне.
Хочу, чтоб не рыдала ты,
Как плакала сегодня,
Думая о том,
Что не сказали мы друг другу.

Я знаю, что любишь ты меня
Так сильно, как и я тебя,
И каждый раз, мечтая обо мне,
Ты тоже будешь тосковать.
Когда же настанет завтра без меня,
Прошу, постарайся понять,
Что ангел пришел и назвал мое имя.

Он взял меня за руку и сказал,
Что для меня готово место
Высоко в небесах
И что я должен оставить все,
Что так нежно люблю.
Но когда я повернулся, чтобы уйти,
У меня из глаз брызнули слезы,
Потому что я не хотел умирать.

Мне было ради чего жить,

Еще столько оставалось дел,
Казалось невозможным,
Что я уйду от тебя.
Я думал о прошедших днях,
Обо всем плохом и хорошем,
О нашей взаимной любви,
О нашем счастье и радости.

Если б я мог вернуть вчерашний день
Хотя бы на минутку,
Я попрощался бы с тобой, поцеловал
И, может быть, увидел бы твою улыбку.
Но потом я понял,
Что этого не может быть,
Потому что мое место
Займут пустота и воспоминания.

И когда я думал, о чем я буду
Завтра тосковать,
Я вспомнил о тебе,
И сердце мое исполнилось печали.
Но я вошел во врата Рая,
И стало так спокойно и уютно,
Когда Бог взглянул на меня и улыбнулся,
Сидя на своем золотом троне.

Он сказал: «Вечность и все, что
У меня есть, Я дарю тебе.
Сегодня закончилась твоя земная жизнь,
Но здесь она начнется снова.
Я обещаю, не будет завтра,
Но сегодня будет длиться вечно.
А когда все дни – один день,
Нет места тоске о прошлом.
Ты был очень преданным,
Правдивым и верящим.

Хотя порой делал вещи,
Которые не стоило делать.
Но ты получил прощение
И наконец свободен.
Так подойди, возьми Мою руку
И раздели со Мной Мою жизнь!»

Так что, когда завтра настанет без меня,
Не думай, что мы разлучились,
Ибо каждый раз, как подумаешь обо мне,
Я здесь, в твоём сердце.

Я бережно поставил фото на комод и долго сквозь слезы смотрел на портрет сестры. В её лице было что-то странно знакомое. Но она и должна была казаться мне знакомой. Ведь мы с ней были родными, у нас в жилах текла та же кровь, что и у других моих родных братьев и сестер. Встречались мы или нет, но с Бетси мы были связаны на уровне ДНК.

На следующее утро я читал в спальне книгу Элизабет Кюблер-Росс «О жизни после смерти». Там я наткнулся на историю двенадцатилетней девочки, пережившей ОКС. Сначала она ничего не сказала родителям. Но долго не смогла это скрывать и, наконец, рассказала папе, что очутилась в невероятно красивом месте, пронизанном любовью, где встретила своего брата, который утешил ее.

– Вот только у меня нет братика, – смутилась она.

Ее отец заплакал и сказал, что на самом деле у нее был брат, но он умер за три года до ее рождения.

Я отложил книгу. Несколько минут я пребывал в каком-то странном оцепенении, словно впитывал что-то в себя. Потом какая-то мысль забрезжила у меня в голове, но никак не могла сформироваться.

Мой взгляд переместился на фотографию, которую прислала Кэтти, – на лицо сестры, которую я не видел и знал только по рассказам. Все говорили о том, что она была невероятно доброй, сравнивали ее с ангелом.

Без радужного одеяния, без окружающего ее небесного сияния Врат, когда она сидела на прекрасном крыле бабочки, ее трудно было узнать. Но это объяснимо. Ведь я видел ее небесную сущность – ту, которая обитала в выси, за пределами земного мира с его трагедиями и проблемами.

Но это была именно она, это была ее любящая улыбка, доверчивый и бесконечно теплый и нежный взгляд, сияющие синие глаза.

Это была она.

На мгновение миры встретились. Земной мир, где я был врачом и главой семьи. И высший мир – настолько беспредельный, что, путешествуя в нем, утрачиваешь ощущение своего земного «я» и становишься частицей космоса – этой пронизанной Божьей любовью светлой темноты.

Так в спальне нашего дома, в дождливое будничное утро, встретились высший и бренный миры. Глядя на фотографию, я почувствовал себя мальчиком из сказки, который побывал в другом мире, а потом вернулся и понял, что это был только сон – до той минуты, когда, сунув руку в карман, он достал горсть искрящейся магической земли из того, другого мира.

Как бы я ни старался, не смогу отрицать, что до этого момента шла напряженная борьба между моим сознанием, перенесшим внетелесное перемещение, и сознанием врача, всем сердцем преданного науке. Я смотрел на лицо сестры, моего ангела, и знал – теперь уже окончательно, – что два моих «я», существовавшие во мне последние несколько месяцев, слились воедино. Для этого нужно было полностью осознать себя доктором, ученым и врачом – и в то же время человеком, совершившим невероятное, подлинное и в высшей степени важное путешествие к самому Всевышнему.

Пережитый мной опыт вылечил мою раненую душу. Благодаря ему я понял, что всегда любим и что так же любимы и все сущее во Вселенной. Это понимание пришло ко мне в то время, когда мое физическое тело находилось в таком состоянии, что по всем медицинским критериям я абсолютно ничего не мог чувствовать и сознавать.

Я понимаю, что найдутся люди, которые постараются любым способом обесценить мой опыт; кое-кто просто отмахнется от него, отказываясь видеть в нем научную ценность, считая его всего лишь горячечным бредом и фантазией.

Но мне лучше знать. Ради тех, кто живет на Земле, и ради тех, с кем я встретился за пределами этого мира, я считаю своим долгом – долгом ученого, стремящегося докопаться до истины, и долгом врача, призванного помогать людям, – сказать, что пережитое мной было подлинным и настоящим, что оно исполнено огромного значения. Это важно не только для меня, но и для всего человечества.

Целью моего путешествия было не только обретение любви, но также обретение знания о том, кто мы и как мы все связаны, – в этом истинный смысл существования. В высшем мире я понял, кем являюсь, и, вернувшись в земной мир, обнаружил, что обрел цельность, что прежде разрозненные фрагменты моего «я» соединились и душевные раны затянулись.

Тебя любят, ты любим. Мне, сироте, от которого отказались родные

родители, необходимо было услышать это. Но и всем нам в этот материалистический век тоже очень важно помнить об этом, потому что, не зная, кто мы, откуда пришли и куда идем, мы в своем заблуждении чувствуем себя сиротами. Не восстановив память о нашей высшей связи и о безоговорочной любви нашего Господа, мы всегда будем чувствовать себя потерянными на Земле.

Я, как и прежде, ученый и доктор и потому обязан чтить истину и врачевать людей. А это значит – рассказать свою историю. По мере того как идет время, я все больше убеждаюсь, что эта история произошла со мной не просто так. Мой случай демонстрирует тщетность попыток редукционной науки доказать, что существует только этот материальный мир и что сознание или душа – моя ли, ваша ли – не является величайшей и важнейшей загадкой Вселенной.

Я – живое тому опровержение.

Приложения

Приложение А

Заявление доктора медицины Скотта Уэйда

10 ноября 2008 года в больницу был доставлен доктор Эбен Александер, у которого незадолго до поступления появилась гриппоподобная симптоматика, боль в спине и сильная головная боль. Больному был поставлен диагноз бактериального менингита, и меня как специалиста по инфекционным заболеваниям попросили осмотреть больного. Его немедленно госпитализировали в отделение неотложной помощи и интенсивной терапии, где выполнили компьютерную томографию головного мозга и люмбальную пункцию с извлечением спинномозговой жидкости, анализ которой оказался характерным для грам-отрицательного менингита. Больному сразу начали вводить внутривенно соответствующие антибиотики. Его также подключили к аппарату искусственной вентиляции легких, так как он находился в критическом состоянии и впал в кому. Не позднее двадцати четырех часов грамотрицательная бактерия в спинномозговой жидкости была определена как бактерия *E. coli*. Распространенный среди новорожденных, менингит данной этиологии крайне редко встречается у взрослых (в США им ежегодно болеет один из десяти миллионов человек), тем более когда отсутствуют травма черепа, нейрохирургическое вмешательство или такие

заболевания, как, например, сахарный диабет. На момент заболевания доктор Александер был абсолютно здоров, то есть не имел предрасположенности к подобным заболеваниям.

Смертность от грамотрицательного менингита среди детей и взрослых составляет от 40 до 80 процентов. Доктора Александера доставили в больницу с судорогами и со значительными нарушениями психики, что, как правило, ведет к стойким неврологическим расстройствам или смерти (более 90 процентов случаев). Несмотря на массивную антибиотикотерапию, а также тщательное наблюдение и уход, он шесть дней пребывал в коме, и надежда на скорое возвращение сознания таяла с каждым часом. Но на седьмой день произошло чудо – он открыл глаза, пришел в себя и вскоре был отключен от аппарата искусственной вентиляции легких. Поистине удивительно, что он начал полностью выздоравливать после почти семидневного пребывания в коме.

Приложение Б

Научные медицинские гипотезы, которые я рассматривал с целью объяснить мой опыт

Размышляя вместе с другими нейрохирургами и учеными над моим ОКС, я учитывал несколько гипотез, которые могли его объяснить. Сразу оговорюсь, ни одна из них не могла объяснить живую, ощутимую и сложную интерактивность общения с Вратами и Средоточием. Вот эти гипотезы.

1) Программа примитивного стволового отдела мозга для облегчения сильнейшей боли и страданий («эволюционный аргумент» – возможно, как пережиток тактики «ложной смерти», доставшийся нам от низших млекопитающих?). Это не объясняет яркости моих воспоминаний.

2) Искаженный возврат памяти из некоторых структур лимбической системы мозга (например, из миндалины), которая защищена от менингита толстым слоем мозговой ткани. Это также не объясняет яркости моих воспоминаний.

3) Глутаматная эксайтотоксичность, имитирующая галлюцинаторный анестетик, кетамин (иногда используется для общего объяснения ОКС). Мне приходилось наблюдать действие кетамина, используемого в качестве анестетика, в начале моей карьеры нейрохирурга в Гарвардской медицинской школе. Вызываемые им галлюцинаторные переживания были более хаотичными и неприятными и не имели никакого сходства с моими переживаниями.

4) Излишек диметилтриптамина (из шишковидной железы или другого участка мозга). ДМТ – агонист серотониновых рецепторов – вызывает сильные галлюцинации и бредовое состояние. Я лично принимал вещества, относящиеся к агонистам/антагонистам серотонина (то есть ЛСД, мескалин), в подростковом возрасте в начале 1970-х годов. С ДМТ у меня не было личного опыта, но я видел множество пациентов под его воздействием. Для получения невероятно яркого и реалистичного восприятия, сравнимого с аудиовизуальным опытом, какой я имел во время комы, необходимо, чтобы новая кора мозга оставалась неповрежденной, так как именно в ней находятся слуховые и зрительные анализаторы. Бактериальный менингит вызвал длительное состояние комы и серьезно повредил новую кору, где все эти серотонины из ядер шва в стволе головного мозга (или ДМТ, агонист серотонина) могли бы оказать воздействие на слуховое и зрительное восприятие. Но кора не работала, так что ДМТ не на что было воздействовать. Следовательно, эта гипотеза также не подходит из-за слишком реального ощущения видений и практического отсутствия коры, на которую мог бы воздействовать ДМТ.

5) Сохранность некоторых отделов коры могла бы объяснить что-то из моего опыта, но это весьма маловероятно, принимая во внимание тяжелую форму менингита и его резистентность к лечению в течение недели: лейкоцитоз более 27 000 на куб. мм, токсическая грануляция нейтрофилов (31%); количество лейкоцитов в спинномозговой жидкости более 4300/куб. мм; содержание глюкозы в спинномозговой жидкости снизилось до 1 мг%; белок 1340 мг%; пораженная болезнью оболочка мозга с сопутствующим расстройством его работы, обнаруженные на КТ, и неврологический осмотр показали серьезные нарушения функций коры и дисфункцию глазодвигательных мышц, свидетельствующую о повреждении ствола головного мозга.

6) Пытаясь объяснить силу и яркость моего опыта, я рассматривал также следующую гипотезу. Возможно ли, что в первую очередь были повреждены сети тормозных нейронов, что привело к усилению активности возбуждающих нейронов и вызвало впечатление полной реалистичности моего опыта? Поскольку менингит вызывает воспаление оболочек головного мозга, можно было бы ожидать, что расположенные дальше от коры структуры мозга продолжают функционировать. Но это не так. Дело в том, что структурно-функциональной единицей коры является так называемый модуль – вертикальная колонка из шести слоев нейронов и нервных волокон, с поперечным диаметром каждой 0,2 – 0,3 мм. Горизонтальные волокна, вступая в связь с нейронами коры, обеспечивают широкое распространение в

ней нервного импульса в ответ на сигналы, поступающие от таламуса, базальных ганглиев и ствола головного мозга. В каждом из шести слоев находится приблизительно равное количество тормозных и возбуждающих клеток. Верхние три слоя каждой колонки имеют тесный контакт с оболочками мозга, а потому менингит существенно нарушает функции всех колонок, включая тормозные и возбуждающие клетки. Именно модульное строение коры позволяет менингиту полностью поразить ее. Принимая во внимание, что в моем случае имело место семидневное отсутствие неврологических функций, а также агрессивность инфекции, представляется маловероятным, что у меня продолжали функционировать глубокие слои коры мозга.

7) Активность таламуса, базальных ганглиев и ствола головного мозга (подкорковых областей). Некоторые мои коллеги предполагали, что эти структуры могли продуцировать появление столь ярких и острых ощущений. На деле же ни одна из этих структур не могла играть какой-либо роли без наличия хотя бы нескольких нетронутых участков коры. В итоге все согласились, что сами по себе эти подкорковые структуры не могли вызвать интенсивную нейронную активность, необходимую для поразительно ярких и живых интерактивных ощущений.

8) Еще одна гипотеза: феномен «перезагрузки» мозга – беспорядочные разрозненные воспоминания, сохранившиеся в поврежденной коре мозга, которые могут ожить с возвращением интерактивного сознания после продолжительного отказа всего мозга. Поскольку у меня сохранились весьма подробные и отчетливые воспоминания обо всем, что со мной происходило, эту гипотезу тоже можно исключить.

9) Ну и последняя. Необычное воспроизведение памяти древним зрительным центром преимущественно наблюдается у птиц с их хорошо развитым средним мозгом, но крайне редко – у человека. Это явление характерно для слепых, потерявших зрение в результате повреждения затылочной доли мозга. Данная гипотеза также не объясняет реалистичности и разнообразия моих слуховых и зрительных переживаний.

Библиография

Atwater, F. Holmes. Captain of My Ship, Master of My Soul. Charlottesville, VA: Hampton Roads, 2001.

Atwater, P. M. H. Near-Death Experiences: The Rest of the Story.

Charlottesville, VA: Hampton Roads, 2011.

Bache, Christopher. *Dark Night, Early Dawn: Steps to a Deeper Ecology of Mind*. Albany, NY: State University of New York Press, 2000.

Buhlman, William. *The Secret of the Soul: Using Out-of-Body Experiences to Understand Our True Nature*. New York: HarperCollins, 2001.

Callanan, Maggie, and Patricia Kelley. *Final Gifts: Understanding the Special Awareness, Needs, and Communications of the Dying*. New York: Poseidon Press, 1992.

Carhart-Harris, RL, et alia, «Neural correlates of the psychedelic state determined by fMRI studies with psilocybin,» *Proc. Nat. Acad. Of Sciences* 109, no. 6 (Feb. 2012): 2138-2143.

Carter, Chris. *Science and the Near-Death Experience: How Consciousness Survives Death*. Rochester, VT: Inner Traditions, 2010.

Chalmers, David J. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Churchland, Paul M. *The Engine of Reason, the Seat of the Soul*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

Collins, Francis S. *The Language of God: A Scientist Presents Evidence for Belief*. New York: Simon & Schuster, 2006.

Conway, John, and Simon Kochen. «The free will theorem». *Foundations of Physics (Springer Netherlands)* 36, no. 10 (2006): 1441-73.

Conway, John, and Simon Kochen. «The strong free will theorem». *Notices of the AMS* 56, no. 2 (2009): 226-32.

Dalai Lama (His Holiness the Dalai Lama). *The Universe in a Single Atom: The Convergence of Science and Spirituality*. New York: Broadway Books, 2005.

Davies, Paul. *The Mind of God: The Scientific Basis for a Rational World*. New York: Simon & Schuster, 1992.

D'Souza, Dinesh. *Life After Death: The Evidence*. Washington, DC: Regnery, Inc., 2009.

Duprř, Louis, and James A. Wiseman. *Light from Light: An Anthology of Christian Mysticism*. Mahwah, NJ: Paulist Press, 2001.

Eadie, Betty J. *Embraced by the Light*. Placerville, CA: Gold Leaf Press, 1992.

Edelman, Gerald M., and Giulio Tononi. *A Universe of Consciousness*. New York: Basic Books, 2000.

Fox, Matthew, and Rupert Sheldrake. *The Physics of Angels: Exploring the Realm Where Science and Spirit Meet*. New York: HarperCollins, 1996.

Fredrickson, Barbara. *Positivity*. New York: Crown, 2009.

Guggenheim, Bill and Judy Guggenheim. *Hello from Heaven!* New York, NY: Bantam Books, 1995.

Hagerty, Barbara Bradley. *Fingerprints of God*. New York: Riverhead Hardcover, 2009.

Haggard, P, and M Eimer. «On the relation between brain potentials and conscious awareness.» *Experimental Brain Research* 126(1999): 128-33. Hamilton, Allan J. *The Scalpel and the Soul*. New York: Penguin Group, 2008.

Hofstadter, Douglas R. *Gödel, Escher, Bach: An Eternal Golden Braid*. New York: Basic Books, 1979.

Holden, Janice Miner, Bruce Greyson, and Debbie James., eds. *The Handbook of Near-Death Experiences: Thirty Years of Investigation*. Santa Barbara, CA: Praeger, 2009.

Houshmand, Zara, Robert B. Livingston, and B. Alan Wallace., eds. *Consciousness at the Crossroads: Conversations with the Dalai Lama on Brain Science and Buddhism*. Ithaca, NY: Snow Lion, 1999.

Jahn, Robert G., and Brenda J. Dunne. *Margins of Reality: The Role of Consciousness in the Physical World*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1987.

Jampolsky, Gerald G. *Love Is Letting Go of Fear*. Berkeley, CA: Celestial Arts, 2004.

Jensen, Lone. *Gifts of Grace: A Gathering of Personal Encounters with the Virgin Mary*. New York: HarperCollins, 1995.

Johnson, Timothy. *Finding God in the Questions: A Personal Journey*. Downers Grove, IL: InterVarsity Press, 2004.

Kauffman, Stuart A. *At Home in the Universe: The Search for the Laws of Self-Organization and Complexity*. New York: Oxford University Press, 1995.

Kelly, Edward F., Emily Williams Kelly, Adam Crabtree, Alan Gauld, Michael Grosso, and Bruce Greyson. *Irreducible Mind: Toward a Psychology for the 21st Century*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2007.

Koch, C, and K. Hepp. «Quantum mechanics and higher brain functions: Lessons from quantum computation and neurobiology». *Nature* 440 (2006): 611 – 12.

Köbler-Ross, Elisabeth. *On Life After Death*. Berkeley, CA: Ten Speed Press, 1991.

LaBerge, Stephen, and Howard Rheingold. *Exploring the World of Lucid Dreaming*. New York: Ballantine Books, 1990.

Lau, HC, R. D. Rogers, P. Haggard, and R. E. Passingham. «Attention to intention». *Science* 303 (2004): 1208-10.

Laureys, S. «The neural correlate of (un)awareness: Lessons from the vegetative state». *Trends Cogn.Sci.in Cognitive Science* 9 (2005): 556-59.

Libet, B, C A. Gleason, E. W. Wright, and D. K. Pearl. «Time of conscious intention to act in relation to onset of cerebral activity (readinesspotential): The

unconscious initiation of a freely voluntary act». *Brain* 106 (1983): 623-42.

Libet, Benjamin. *Mind Time: The Temporal Factor in Consciousness*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

Llinás, Rodolfo R. *I of the Vortex: From Neurons to Self*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.

Lockwood, Michael. *Mind, Brain & the Quantum: The Compound T*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

Long, Jeffrey, and Paul Perry. *Evidence of the Afterlife: The Science of Near-Death Experiences*. New York: HarperCollins, 2010.

McMoneagle, Joseph. *Mind Trek: Exploring Consciousness, Time, and Space Through Remote Viewing*. Charlottesville, VA: Hampton Roads, 1993.

McMoneagle, Joseph. *Remote Viewing Secrets: A Handbook*. Charlottesville, VA: Hampton Roads, 2000.

Mendoza, Marilyn A. *We Do Not Die Alone: «Jesus Is Coming to Get Me in a White Pickup Truck»*. Duluth, GA: I CAN, 2008.

Monroe, Robert A. *Far Journeys*. New York: Doubleday, 1985.

Monroe, Robert A. *Journeys Out of the Body*. New York: Doubleday, 1971.

Monroe, Robert A. *Ultimate Journey*. New York: Doubleday, 1994.

Moody, Raymond A., Jr. *Life After Life: The Investigation of a Phenomenon—Survival of Bodily Death*. New York: HarperCollins, 2001.

Moody, Raymond, Jr., and Paul Perry. *Glimpses of Eternity: Sharing a Loved One's Passage from this Life to the Next*. New York: Guideposts, 2010.

Moorjani, Anita. *Dying to Be Me: My Journey from Cancer, to Near Death, to True Healing*. Carlsbad, CA: Hay House, Inc., 2012.

Morinis, E. Alan. *Everyday Holiness: The Jewish Spiritual Path of Mussar*. Boston: Shambhala, 2007.

Mountcastle, Vernon. «An Organizing Principle for Cerebral Functions: The Unit Model and the Distributed System». In *The Mindful Brain*, edited by Gerald M. Edelman and Vernon Mountcastle, pp. 7 – 50. Cambridge, MA: MIT Press, 1978.

Murphy, Nancey, Robert J. Russell, and William R. Stoeger., eds. *Physics and Cosmology— Scientific Perspectives on the Problem of Natural Evil*. Notre Dame, IN: Vatican Observatory and Center for Theology and the Natural Sciences, 2007.

Neihardt, John G. *Black Elk Speaks: Being the Life Story of a Holy Man of the Oglala Sioux*. Albany: State University of New York Press, 2008.

Nelson, Kevin. *The Spiritual Doorway in the Brain: A Neurologist's Search for the God Experience*. New York: Penguin, 2011.

Nord, Warren A. *Ten Essays on Good and Evil*. Chapel Hill: University of North Carolina Program in Humanities and Human Values, 2010.

- Pagels, Elaine. *The Gnostic Gospels*. New York: Vintage Books, 1979.
- Peake, Anthony. *The Out-of-Body Experience: The History and Science of Astral Travel*. London: Watkins, 2011.
- Penrose, Roger. *Cycles of Time: An Extraordinary New View of the Universe*. New York: Alfred A. Knopf, 2010.
- Penrose, Roger. *The Emperor's New Mind*. Oxford: Oxford University Press, 1989.
- Penrose, Roger. *The Road to Reality: A Complete Guide to the Laws of the Universe*. New York: Vintage Books, 2007.
- Penrose, Roger. *Shadows of the Mind*. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Penrose, Roger, Malcolm Longair, Abner Shimony, Nancy Cartwright, and Stephen Hawking. *The Large, The Small, and the Human Mind*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Piper, Don, and Cecil Murphey. *90 Minutes in Heaven: A True Story of Life and Death*. Grand Rapids, MI: Revell, 2004.
- Reintjes, Susan. *Third Eye Open— Unmasking Your True Awareness*. Carrboro, NC: Third Eye Press, 2003.
- Ring, Kenneth, and Sharon Cooper. *Mindsight: Near-Death and Out-of-Body Experiences in the Blind*. Palo Alto, CA: William James Center for Consciousness Studies at the Institute of Transpersonal Psychology, 1999.
- Ring, Kenneth, and Evelyn Elsaesser Valarino. *Lessons from the Light: What We Can Learn from the Near-Death Experience*. New York: Insight Books, 1998.
- Rosenblum, Bruce, and Fred Kuttner. *Quantum Enigma: Physics Encounters Consciousness*. New York: Oxford University Press, 2006.
- Schroeder, Gerald L. *The Hidden Face of God: How Science Reveals the Ultimate Truth*. New York: Simon & Schuster, 2001.
- Schwartz, Robert. *Your Soul's Plan: Discovering the Real Meaning of the Life You Planned Before You Were Born*. Berkeley, CA: Frog Books, 2007.
- Smolin, Lee. *The Trouble with Physics*. New York: Houghton Mifflin, 2006.
- Stevenson, Ian. *Children Who Remember Previous Lives: A Question of Reincarnation*. Rev. ed. Jefferson, NC: McFarland, 2001.
- Sussman, Janet Iris. *The Reality of Time*. Fairfield, IA: Time Portal, 2005.
- Sussman, Janet Iris. *Timeshift: The Experience of Dimensional Change*. Fairfield, IA: Time Portal, 1996.
- Swanson, Claude. *Life Force, the Scientific Basis: Volume Two of the Synchronized Universe*. Tucson, AZ: Poseidia Press, 2010.
- Swanson, Claude. *The Synchronized Universe: New Science of the Paranormal*. Tucson, AZ: Poseidia Press, 2003.
- Talbot, Michael. *The Holographic Universe*. New York: HarperCollins, 1991.

- Tart, Charles T. *The End of Materialism: How Evidence of the Paranormal Is Bringing Science and Spirit Together*. Oakland, CA: New Harbinger, 2009.
- Taylor, Jill Bolte. *My Stroke of Insight: A Brain Scientist's Personal Journey*. New York: Penguin, 2006.
- Tipler, Frank J. *The Physics of Immortality*. New York: Doubleday, 1996.
- Tompkins, Ptolemy. *The Modern Book of the Dead: A Revolutionary Perspective on Death, the Soul, and What Really Happens in the life to Come*. New York: Atria Books, 2012.
- Tononi, G. «An information integration theory of consciousness.» *BMC Neuroscience* 5 (2004): 42 – 72.
- Tucker, J. B. *Life Before Life: A Scientific Investigation of Children's Memories of Previous lives*. New York: St. Martin's, 2005.
- Tyrrell, G. N. M. *Man the Maker: A Study of Man's Mental Evolution*. New York: Dutton, 1952.
- Van Lommel, Pim. *Consciousness Beyond Life: The Science of Near-Death Experience*. New York: HarperCollins, 2010.
- Waggoner, Robert. *lucid Dreaming: Gateway to the Inner Self*. Needham, MA: Moment Point Press, 2008.
- Wegner, D. M. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.
- Weiss, Brian L. *Many lives, Many Masters*. New York: Fireside, 1988.
- Whiteman, J. H. M. *The Mystical Life: An Outline of Its Nature and Teachings from the Evidence of Direct Experience*. London: Faber & Faber, 1961.
- Whiteman, J. H. M. *Old & New Evidence on the Meaning of Life: The Mystical World-View and Inner Contest*. Vol. 1, *An Introduction to Scientific Mysticism*. Buckinghamshire: Colin Smythe, 1986.
- Wigner, Eugene. «The Unreasonable Effectiveness of Mathematics in the Natural Sciences». *Communications in Pure and Applied Mathematics* 13, no. 1 (1960).
- Wilber, Ken., ed. *Quantum Questions*. Boston: Shambhala, 1984. Williamson, Marianne. *A Return to Love: Reflections on the Principles of a Course in Miracles*. New York: HarperCollins, 1992.
- Ziewe, Jurgen. *Multidimensional Man*. Self-published, 2008.
- Zukav, Gary. *The Dancing Wu Li Masters: An Overview of the New Physics*. New York: William Morrow, 1979.